Ямвлих

Жизнь Пифагора

Издание подготовил
В.Б. Черниговский

Издание второе,
переработанное и дополненное

Москва
АЛЕТЕЙА · НОВЫЙ АКРОПОЛЬ
1998

ПИФАГОР И ПИФАГОРЕЙСКАЯ ШКОЛА В ИЗОБРАЖЕНИИ ЯМВЛИХА

Ямвлих, автор трактата «Жизнь Пифагора» (или «О пифагорейской жизни», встречается и тот и другой вариант заглавия), родился ок 245 г н э в Халкиде Сирийской Образование он получил в Александрии, затем обосновался в пригороде Антиохии, столице Сирии, и основал там свою философскую школу Философия Ямвлиха довольно эклектична, но в целом ее можно представить как смесь элементов неоплатонизма и неопифагореизма с элементами учения Аристотеля Ямвлих заслужил признание как комментатор сочинений Платона и Аристотеля, а также имел репутацию теоретика магии и колдовства (сочинение «О египетских мистериях») Кроме того, он охотно и много занимался пифагорейской философией числа, о чем свидетельствует составленный им «Свод пифагорейских учений»

Если не включать сюда «Теологумены арифметики», в принадлежности которых Ямвлиху сомневаются исследователи, то «Свод пифагорейских учений» состоит, вернее состоял (так как не все книги дошли), из девяти трактатов Из них сохранились «Жизнь Пифагора», «Протрептик, или Увещание к философии»,

«О науке общей математики» и «О Никомаховом „Введении в арифметику"» и не сохранились 5-й по счету трактат о физических числах, 6-й — этическое учение о числах, 7-й — о музыке, 8-й — о геометрии и 9-й — об астрономии. Почти все эти трактаты, за исключением «Жизни Пифагора» и «Протрептика», посвящены пифагорейскому учению о числе как об онтологическом корне всего существующего, будь то человеческая душа, которая, по пифагорейским представлениям, имеет музыкально-числовую основу, или космическое тело, или музыка, или даже этические ценности. Все это подчинено числу и имеет определенные числовые соразмерности.

Трактат «Жизнь Пифагора» на две трети посвящен проблемам воспитания и образа жизни вообще и пифагорейского в частности и на одну треть — изложению биографии Пифагора, истории пифагорейского союза и отдельным собственно философским проблемам, например, учению об истинно сущем (XXIX,159–160). Название трактата Περὶ τοῦ πυθαγορείου βίου (буквально «О пифагорейской жизни»), исходя из его содержания, можно понимать двояко: и как «Жизнь Пифагора», и как «Образ жизни пифагорейцев», и, может быть, Ямвлих вовсе не случайно избрал такой обтекаемый вариант заглавия, так как в своем трактате он описывает и жизнь Пифагора, и образ жизни его учеников, причем жизнь и деятельность учеников рассматривается как продолжение личности Пифагора, философа и учителя жизни, гармонизирующего души учеников, других людей и жизнь греческих полисов в целом и в этом своем качестве оказывающегося посланцем Аполлона или даже им самим (XIX,92). И это не случайно. Пифагореизм является в сущности не столько философией, сколько религией бога света и нравственной чистоты Аполлона, который, будучи монадой, преодолевает, преобразует титаническую множественность и раздробленность, царящую в человеческих душах и умах, привнося в них гармо-

нию и единство и упорядочивая то, что тяготеет к беспорядку и хаосу (тяготеет потому, что люди, по представлениям древних греков, произошли от титанов). Поэтому Пифагор предстает у Ямвлиха в общем-то Аполлоном, отсюда постоянное подчеркивание способности Пифагора творить чудеса, отсюда частое упоминание о наличии у него физического признака, подтверждающего его божественность (золотое бедро), отсюда частое употребление образов, акусм и символов, связанных с золотом, так что человеку, не знающему, какую роль играло золото в культе Аполлона, из-за частых упоминаний золота в тексте Ямвлиха может даже показаться, что Ямвлих был корыстолюбив и неравнодушен к этому металлу, как все обычные люди.

О том, что пифагореизм был аполлоновской философией, свидетельствует тот факт, что, по представлениям пифагорейцев, и человеческая душа, и весь мир в целом имеют музыкально-числовую основу, и А.Ф. Лосев не случайно назвал пифагорейское учение о гармонии восьми небесных сфер «подлинно аполлоновской философией» («Античная мифология в ее историческом развитии», М., 1957, с. 343). Кроме того, у Аполлона основной функцией была очистительная, и греческие философы производили поэтому его имя от глагола ἀπολούω («отмываю», «очищаю»). Пифагорейская же практическая философия вся была нацелена на очищение, во-первых, тела, во-вторых, души и, в-третьих, ума. Очищение тела производилось у пифагорейцев посредством поста и правильной диеты, которой они придавали решающее значение, так как, по сообщению Ямвлиха, хирургические средства вмешательства в телесные процессы для их регулирования и даже внутренние лекарственные средства пифагорейцы отвергали и из лекарственных препаратов применяли лишь мази. Очищение же души производилось у пифагорейцев, во-первых, путем выработки определенных нравственных

качеств, в первую очередь мужества — через пятилетнее молчание, телесные упражнения и различные виды воздержания для победы над низшей, вожделительной частью души. Ямвлих упоминает, а Плутарх подробно рассказывает об обычае пифагорейцев уставлять пиршественный стол яствами, растравливать в себе вожделение к ним, а затем отдавать все это рабам, одержав таким образом победу над собой, точнее над худшей частью своей души («О демоне Сократа», 15). Во-вторых, лечение и очищение души осуществлялось посредством правильно подобранных ладов и мелодий, иногда сопровождавшихся приговариванием магических слов, с помощью которых пифагорейцы как бы заклинали душу и образумливали ее. И самым главным, последним и завершающим видом очищения было очищение ума: созерцая пространственно-геометрические числа и отношения между ними, пифагорейцы отвлекались от телесного мира и восходили к чистому, бестелесному миру. Ямвлих называет эту деятельность пифагорейцев «математическими обрядами». Но для того, чтобы правильно совершать эти обряды, предварительно надо было освободить душу от страстей. У души, согласно пифагорейским представлениям, есть часть монадическая, мужская, разумная и часть диадическая, женская, чувственная. Последняя часть человеческой души страстно привязана к материальному миру, и эта страстная привязанность женской части человеческой души является источником страдательных состояний, в которые то и дело ввергается человек, если он оказывается неспособным противостоять своим страстям и вожделениям. Врачевателем человеческих душ, как известно, был опять же Аполлон, потому что Асклепий лечил тела. Поэтому все приемы очищения души, применяемые пифагорейцами, являются в сущности приемами Аполлона, и поэтому они не случайно воспринимали Пифагора как самого Аполлона или по крайней мере богочеловека.

ЯМВЛИХ О ПИФАГОРЕ И ПИФАГОРЕЙСКОЙ ШКОЛЕ

Не подлежит сомнению, что Пифагор обладал некоторыми способностями, которые нам, обычным людям, могут показаться чудесными. Так, например, он явно обладал способностью улавливать простым ухом музыкальную волну, исходящую от звезд, и слышать их стремительный жужжащий полет, который Ямвлих называет словом ῥοιζήματα. И об этой способности Пифагора говорит не один Ямвлих. Скептицизм современных ученых по этому поводу не имеет оснований, потому что Пушкин, например, говоря о новых способностях, открывшихся у пророка, в частности, говорит от его лица: «И внял я *неба содроганье*», а Блок в одном из своих стихотворений, в котором он говорит о больших, правда опасных, потенциях человеческой души, пишет:

О тоска! Через тысячи лет
Мы не сможем измерить души,
Мы *услышим полет всех планет*,
Громовые раскаты в тиши.
А пока в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих...

Так вот, современные ученые скептики всего лишь, если использовать выражение Блока, «живут в неизвестном», а по поводу того, что неизвестно, критических сентенций лучше бы не изрекать, и ясно, что Пифагор слышал «полет всех планет» и «неба содроганье», чего нам, как замечает Порфирий, упоминая об этой способности Пифагора, «не дано слышать по слабости нашей природы», по крайней мере пока не дано или далеко не всем дано. Ученые скептики также замечают, что звучание планет не может дать последовательный звукоряд в октаву, так как движение планетных сфер (если принять пифагорейскую картину мира, в основе которой лежит представление о небес-

ных сферах) совершается синхронно, однако ясно, что Пифагор улавливал звуки, исходящие от *отдельных* светил, а не от всего космоса в целом (ведь не бог же он был, чтобы слышать звучание всего космоса!), а то, что звучание небесных сфер образует октаву, он установил уже умозрительным путем. И, наконец, ученый скептицизм часто ставит в смешное положение тех, кто его проявляет. Так, например, Л.Я. Жмудь в своей книге «Пифагор и его школа» (Л., 1990, с. 98), следуя Й. Райстеду, утверждает, что опыт с молотками, в результате которого Пифагор открыл основные музыкальные интервалы (он описан у Ямвлиха в гл. XXVI трактата «Жизнь Пифагора»), невозможен с акустической точки зрения, и предполагает, что переписчик Никомаха (который является источником Ямвлиха, о чем, впрочем, Жмудь не знает) ошибся и вместо σφαῖρα («шар», «диск») написал σφῦρα («молоток»). Нашему исследователю следовало бы проявлять скептицизм и критицизм по отношению не к текстам Никомаха и Ямвлиха, а к тексту Й. Райстеда: у Ямвлиха, который слово в слово повторяет Никомаха, во-первых, формы σφῦρα нет вообще, а используется, причем лишь однажды, для обозначения формы пятки молотка, σφυρῶν, которое переписчик уж никак не мог перепутать со словом σφαῖρα, а во-вторых, «молоток» в текстах Ямвлиха и Никомаха все время обозначается словом ῥαιστήρ, которое по написанию еще больше, чем σφυρῶν, не похоже на σφαῖρα. Создается впечатление, что ни Райстед, ни тем более Жмудь не видели текстов Ямвлиха и Никомаха в глаза! К тому же опыты, которые, если верить Ямвлиху, Пифагор проделал в кузнице, были лишь предварительными и установочными, а окончательный опыт, следствием которого было открытие основных музыкальных интервалов, Пифагор провел уже на струнах, а потом на музыкальных инструментах. Поэтому у нас нет никаких оснований не доверять Ямвлиху и его красочному и живому описанию обстоятельств,

предшествовавших этому открытию и сопровождавших его.[1] В целом эта глава является одной из лучших в книге и хорошо показывает, как древние делали свои открытия, не сидя в лабораториях, а непосредственно участвуя в общем потоке жизни.

Кроме способности улавливать музыкальную волну, исходящую от звезд, Пифагор обладал также способностью воздействовать на глубинный, скрытый в душе любого живого существа неизреченный разум, который есть, и, может быть, в большей степени, чем у людей, у бессловесных животных: по представлениям древних, животные вначале обладали, как и люди, способностью говорить, но потом боги в наказание отняли у них эту способность. В главе XIII Ямвлих описывает, как Пифагор передавал животным те или иные мысли и представления и менял тем самым их настроение и поведение, делая их кроткими и послушными.

Однако, читая описания отдельных эпизодов из жизни Пифагора, предлагаемые Ямвлихом, все же нужно проявлять скептицизм. Так, например, Фаларид, тиранн[2] Акраганта, оказыва-

---

[1] К этому описанию нами приложены две схемы, одна из которых принадлежит нам, а другая в общем-то тоже, потому что схема, найденная нами в издании Дойбнера, с которого выполнялся перевод, показалась нам во многих отношениях неудовлетворительной. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что музыкальный интервал лучше бы изображать не овальной линией, а прямой, однако на схеме Дойбнера, изобразившего соотношение интервалов прямой линией, нет соединения квинты и кварты на крайних струнах, да и других недостатков немало (так, например, промежуточный тон почему-то изображен овальной, а не прямой линией, как все остальные).

[2] Слово «тиранн» у греков обозначало единоличного правителя и не имело того одиозного смысла, который приобрело позднее. Чтобы различать тирана в современном смысле слова и античного единоличного правителя, слово, обозначающее последнего, пишут через два «н». — *Прим. ред.*

ется у Ямвлиха собеседником Пифагора, хотя Фаларид перестал быть тиранном по крайней мере за 25 лет до приезда Пифагора в Италию, а если принять хронологию самого Ямвлиха, то еще позже. Столь же ошибочно и утверждение Ямвлиха, что локрийский законодатель Залевк был учеником Пифагора, так как Залевк жил на столетие раньше Пифагора. Но, может быть, сам Ямвлих испортил собственную хронологическую канву жизни Пифагора, некритически заимствовав из своего источника сообщение о том, что Пифагор прибыл в Италию в год, когда победителем в беге на Олимпийских играх был Эриксий, т. е. в 529 г. до н.э., отчего и в предлагаемой Ямвлихом хронологии началась путаница.

Кстати, об источниках Ямвлиха. По общему признанию, главным источником Ямвлиха является перипатетик Аристоксен, который был учеником пифагорейца Ксенофила из Халкиды и, кроме того, общался с сицилийским тиранном Дионисием Младшим, который не только слышал о пифагорейцах, но знал некоторых из них. В древности Аристоксен считался главным авторитетом в теории музыки: Аристоксен был сыном музыканта и, кроме того, обучался музыке у того же пифагорейца Ксенофила. Сохранилось немало названий и небольших фрагментов сочинений Аристоксена по теории музыки, которые свидетельствуют о том, что Аристоксен знал этот предмет весьма основательно, так как в одном из своих сочинений он даже описывал технологию просверливания дырочек во флейтах. Поэтому Ямвлих, вероятно, заимствовал из Аристоксена (через Никомаха) не только описание заговора против пифагорейцев (глава XXXV) и историю дружбы Финтия и Дамона (глава XXX), где он прямо ссылается на Аристоксена, но и главу XXVI, где описан опыт Пифагора, в результате которого были изобретены основные музыкальные интервалы, и поэтому у нас вовсе должны отпасть сомненияв том, что описание Ямвлиха не придуманы им, ввиду

того что авторитет Аристоксена как музыкального теоретика был в древности очень высок. Считается, что из Аристоксена же заимствовал Ямвлих и свой каталог наиболее известных пифагорейцев. Каталог этот производит странное впечатление. Во-первых, в нем имена одних упоминавщихся ранее по ходу изложения пифагорейцев есть, а имен других упоминавшихся ранее пифагорейцев нет. Во-вторых, в нем нет имен некоторых пифагорейцев, которые хорошо известны из других источников нам, современным людям, и которые тем более были хорошо известны древним, например, имена Тимея Локрийского (Ямвлих не упоминает о нем ни по ходу изложения, ни в каталоге), Симмия, Кебета (широко известных учеников Филолая), Гикета, Аминия (учителя Парменида), а также Керкопса и Амикла. Другим основным источником Ямвлиха был неопифагореец Никомах из Герасы, «Введение в арифметику» которого комментировал и трактовал Ямвлих. И, наконец, третьим основным источником Ямвлиха был неопифагореец Аполлоний Тианский, всем известный по его жизнеописанию, составленному Флавием Филостратом. Кроме того, Ямвлих упоминает историка философии Гиппобота, часто цитируемого и Диогеном Лаэртским, а также историка Неанфа, который, помимо чисто исторических сочинений, писал и о пифагорейцах. Состояние исторической традиции о Пифагоре таково, что иногда жалеешь, что сам Пифагор ничего не писал: до такой степени был искажен его образ в эллинистическую эпоху, когда имела место так называемая массовая культура и появилось огромное количество подложных сочинений и даже под именами женщин-пифагореек, которые писали, разумеется, о соразмерности и пропорциональности форм женского тела (Периктиона), о женском благоразумии (Финтия), вероятно, связанном с умелым и осторожным использованием преимуществ, заключенных в пропорциональном и соразмерном женском теле, причем дело доходило до смеш-

ного. Под именем той же Периктионы появилось два сочинения: уже упоминавшееся сочинение «О женской соразмерности» и сочинение, которое называлось «О мудрости». Первое из них было написано на ионийском диалекте, а второе — на дорийском (!). Разумеется, реальная Периктиона не могла написать сочинений на двух столько непохожих друг на друга диалектах, на одном из которых говорили в Малой Азии, а на другом — на севере Греции. Должно быть, какие-нибудь две античные ученые дамы, не имея имени и вместе с тем желая, чтобы с их околофилософской продукцией ознакомились другие, выпустили в свет, живя в разных концах Греции, под именем пифагорейки Периктионы, которое было у всех на слуху, свои сочинения, написанные на двух совершенно разных диалектах. Вся эта псевдопифагорейская литература собрана в издании Тезлеффа (The Pythagorean texts of the Hellenistic period, collected and edited by H. Thesleff Åbo, 1965).

Следует вкратце рассказать о том, как выглядела, согласно описанию Ямвлиха, пифагорейская школа, которая произвела такое большое впечатление на потомков. Пифагорейская школа предполагала прежде всего тщательный и, как сказали бы сейчас, дифференцированный отбор, и такой же дифференцированный принцип соблюдался и при обучении. Пифагор интересовался прежде всего не умственными способностями, как современные педагоги, занимающиеся тестированием, а нравственными качествами будущих учеников, и долго и внимательно изучал характер будущих учеников, а затем предписывал им пятилетнее молчание, так как последнее считалось труднейшим видом воздержания. Ученик, выдержавший это и некоторые другие испытания, принимался в обучение и, отдав свое имущество в общее пользование, становился членом общины. Общим же имуществом распоряжались специально назначенные для этой цели экономы (гл. XVII, гл. XX). Оно становилось общим потому, что у пифагорейцев главным принципом был принцип «у дру-

зей все общее», и Ямвлих в главе XXXIII подчеркивает особую роль дружбы в пифагорейской школе и системе воспитания, причем Пифагор понимал дружбу очень широко — как дружеское согласие всех частей мирового целого, начиная от первоэлементов, из которых слагается человеческое тело (и тело космоса тоже), продолжая дружеским согласием членов отдельных семей, затем дружеским согласием совокупности семейств и домохозяйств, из которых слагается полис, город-государство, и заканчивая дружеским согласием народов и государств между собою, и все это — в подражание дружескому согласию и хороводу небесных светил, который подобен хороводу Муз и которым руководит бог Пифагора Аполлон. Ученики Пифагора не представляли, однако, при всем их стремлении к общности, одну общую массу, так как соблюдалось строгое различение и разграничение: те, кто преуспели в занятиях, назывались «математики» («познаватели»), а те, кто отстали от них, — «акусматики» («слушатели»). Обучение велось с помощью символов и иносказаний, что делало его содержание недоступным для непосвященных и предохраняло учение от профанации и опошления. На первоначальной стадии обучения главной целью было очищение души, освобождение ее от страстей, о чем мы уже упоминали выше. Кроме исправления души музыкой и применения различных видов воздержания, сюда входило выполнение чисто этических требований, как то: уважение старших, почитание богов, принцип справедливости по отношению ко всем, включая неразумных животных, и в этой связи требование не причинять вреда ничему живому, а также соблюдение верности договорам. Немалая роль в пифагорейской школе отводилась тренировке памяти. О способах этой тренировки Ямвлих подробно рассказывает в главе XXIX (164–166). Особенно придирчивы были пифагорейцы в отношении пищи, так как, согласно Пифагору, «все, что употребляется в пищу, порождает какое-нибудь особен-

ное состояние души» (XXXI,208). Они, прежде всего, отказывались от употребления в пищу одушевленных существ, так как это употребление, по их мнению, связано с причинением вреда этим живым существам и самим себе, потому что мясная пища, считали пифагорейцы, увеличивает беспорядок в душе (XXXI, 208).

Проводят аналогии между пифагорейской школой и монашескими братствами или же масонскими ложами. Однако у пифагорейцев, в отличие от членов монашеских братств, слишком большую роль играла культура тела, которое, по пифагорейским представлениям, вовсе не является греховным, а скорее подлежащим преображению и гармонизации. Кроме того, они активно участвовали в политической жизни, в судебной и законодательной деятельности, а не уходили от мира в скиты и монастыри. Аналогия же с масонскими ложами несостоятельна потому, что пифагорейский союз был скорее похож на религиозный орден, так как охватывал почти всю Южную Италию и Сицилию, и к тому же деятельность пифагорейцев была совершенно открытой и лишенной ореола таинственности, которая в деятельности масонских лож преобладает над всем остальным, и часто ею все и исчерпывается. Аналогия же с религиозным орденом также нуждается в уточнении, так как пифагорейцы агрессивностью не отличались и принудительным распространением своего вероучения и образа жизни среди других народов не занимались — скорее, наоборот, считали подобную деятельность излишней ввиду неподготовленности людей к восприятию их учения. Вообще во всех явлениях античной религии и культуры ощущается бездна такта и уважения к чужой вере, которые в позднейшее время сменились христианской истерией индивидуального и коллективного душеспасения, сопровождавшейся, как правило, поруганием чужой веры. Это преимущество религии древних хорошо выразил «русский эллин» Тютчев, который од-

нажды воскликнул: «Где вы, о древние народы? / Ваш мир был *храмом всех богов*», — а в следующих двух строчках обозначил преимущество и античной науки перед современной: «Вы книгу матери-природы / Читали ясно, без очков!»

Книга Ямвлиха будет полезна многим. Педагогам будет небезынтересно помимо описания правил, которые были обязательны в пифагорейской школе, узнать взгляды пифагорейцев на воспитание. В главе XXXI (201—203) излагаются взгляды пифагорейцев на способы воспитания соответственно возрастным особенностям, где главное внимание отводится не детскому, а юношескому возрасту, так как он, по мнению пифагорейцев, играет решающую роль в судьбе человека, и оттого, что человек в этом возрасте более всего подвержен страстям, одни из которых он наследует из детства, а другие уже зарождаются в нем как в будущем зрелом человеке, юношеский возраст является наиболее опасным В главе XXX (180—182) излагается целая теория уместного и неуместного обращения с людьми в зависимости от их возраста, достоинства и т. д.

Специалистам высшей школы, в первую очередь историкам, будет полезно ознакомиться с политическими взглядами пифагорейцев на роль власти и опасность анархии (гл. XXX,175—176, 183), с описанием их законодательной деятельности (гл. XXX,171—173 и гл. XXVII полностью), их влияния на жизнь полисов в целом, а также с историей возникновения и разгрома пифагорейского союза. Для специалистов философии наибольший интерес должно представлять пифагорейское определение цели и сущности философии, данное в гл. XII (58—59), учение об истинно сущем, изложенное в гл. XXIX, а также этическая часть пифагорейской философии и, в частности, теория справедливости (гл. XXX) и уже упоминавшаяся пифагорейская трактовка дружбы, дважды повторяемая Ямвлихом (гл. XVI,69—70 и гл. XXXIII,229—233). Разумеется, эта книга будет полезна и для всех,

2 1057

кто интересуется специально неоплатонизмом и философией Ямвлиха.

Музыковедам будет интересно прочесть о том, как Пифагор открыл теорию музыкальных интервалов и подчинил стихию музыки числовой гармонии и пропорциям (гл. XXVI), а затем усовершенствовал тетрахорд. О музыкальном же воспитании и о том, как оно осуществлялось в пифагорейской школе, специально рассказывается в гл. XV и XXV.

Полностью на русский язык трактат переведен впервые. Некоторые его фрагменты переводились в кн.: А.О. Маковельский. Досократики. Ч. 3. Пифагорейцы. — Казань, 1919 и в кн.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. Изд. А.В. Лебедев. — М., 1989. Для настоящего издания нами исправлен перевод, в несколько раз увеличен комментарий, составлен тематический и именной указатель, в который не включены имена пифагорейцев, упоминаемые Ямвлихом лишь в каталоге и из других источников не известные. Так как имя Пифагора упоминается почти в каждом параграфе, мы включили в именной указатель против его имени упоминания лишь тех мест, которые относятся к его биографии. Перевод выполнен по изданию: Jamblichus. De vita pythagorica liber. — Edidit Ludovicus Deubner. — Stuttgardiae, 1975.

В издании Дойбнера перед трактатом приводится оглавление на древнегреческом языке, похожее скорее на план, чем на оглавление, хотя называется оно κεφάλαια. Так как оглавления есть и в двух других трактатах «Пифагорейского свода» Ямвлиха, вполне возможно, что оно принадлежит самому Ямвлиху, хотя древние философы к своим трактатам планов не писали, и, скорее всего, это оглавление — дело рук позднейших переписчиков. Как бы там ни было, мы на всякий случай даем перевод и этого оглавления, однако не помещаем его в основной текст ввиду спорности вопроса, принадлежит ли это оглавление самому Ямвлиху или же нет.

ЯМВЛИХ О ПИФАГОРЕ И ПИФАГОРЕЙСКОЙ ШКОЛЕ

Глава I. Вступление по поводу изучения философии Пифагора, которое начинается с призывания в помощь бога и в котором подчеркивается полезность и трудность предприятия.

Глава II. О Пифагоре: о его роде, отечестве, воспитании, занятиях, путешествиях, возвращении домой, отъезде в Италию и о всей его жизни в целом в это время.

Глава III. О том, каким было его путешествие в Финикию, и о его пребывании там, о том, как он переправился в Египет и как происходил этот переезд.

Глава IV. О его пребывании в Египте, о том, как он попал оттуда в Вавилон и как посещал в Вавилоне магов, и о том, как вернулся на Самос

Глава V. О том, что произошло во время его последнего пребывания на Самосе, и о том, как он удивительным способом обучил своего соименника, о его поездке в Элладу и о его отшельнической жизни на Самосе.

Глава VI. О причинах его отъезда в Италию и об этом отъезде; общая характеристика его личности и его преподавания философии.

Глава VII. Общая характеристика его действий в Италии и его речей, которые он произносил перед народом.

Глава VIII. О том, как и когда он прибыл в Кротон, о том, что произошло в самом начале его прибытия в Кротон и какие речи он говорил юношам.

Глава IX. О том, какие речи он говорил в «совете тысячи», стоявшем во главе всего государства, по поводу лучшего рода слов и дел.

Глава X. О том, какие советы давал он детям кротонцев в храме Аполлона в первое время своего приезда.

Глава XI. О том, на какие темы говорил он с женами кротонцев в храме Геры в первые дни своего приезда.

лям в течение всего дня, и о некоторых предписаниях соответственно установленному распорядку.

Глава XXII. В чем состояло обучение посредством изречений Пифагора, которые касались жизни и человеческих мнений.

Глава XXIII. В чем состояло побуждение к философии посредством символов и тайных намеков, которые передавались Пифагором по обычаю египтян и более древних эллинских богословов тем, которые воспринимали учение.

Глава XXIV. От каких видов пищи полностью воздерживался Пифагор, от каких советовал своим ученикам воздерживаться и как установил он относительно этого различные предписания соответственно различным типам жизни каждого и по каким причинам.

Глава XXV. О том, как он воспитывал людей, применяя музыку и пение в нужное время, особенно когда людей омрачали страсти, и о том, как он очищал душу и тело от болезней с помощью музыки и как он проводил это очищение.

Глава XXVI. Как и с помощью каких опытов открыл Пифагор гармонию и гармонические отношения в музыке, и как он передал своим слушателям это знание.

Глава XXVII. Какие блага, полезные для государства и людского сообщества, передал людям Пифагор и его ученики посредством своих слов и действий, учреждая законодательства, вводя законы и совершая много других прекрасных дел.

Глава XXVIII. О том, сколько божественных и удивительных деяний он совершил, и о делах его благочестия, которыми он по милости богов принес великую пользу людям, и об установлениях, введенных в человеческом роде благодаря Пифагору.

Глава XXIX. О мудрости Пифагора: в чем она заключалась, и каковы были ее роды и виды, и как он от первых познавательных способностей вплоть до самых последних осуществ-

лял правильность и точность и как прививал эти качества людям.

Глава XXX. О справедливости: сколь сильно помогал людям Пифагор проводить ее в жизнь и как он, исходя из первоначал, практиковал справедливость от высших ее родов вплоть до самых последних видов и обучал этому других.

Глава XXXI. О благоразумии: как развил его Пифагор и передал людям посредством своих слов, дел и всяческим другим устроением, сколько видов его и какие он установил среди людей.

Глава XXXII. О мужестве: сколько и каких наставлений по его поводу дал он людям, сколь сильно развил его и сколько благородных дел, связанных с ним, совершил он сам и побудил совершить своих учеников.

Глава XXXIII. О дружеском согласии: каково оно было, и сколько его было в натуре самого Пифагора, и как он распространил его на всех и сколько видов его установил, и какие дела в согласии со своим образом жизни совершили пифагорейцы.

Глава XXXIV. Некоторые разрозненные сведения о том, что говорил и делал сам Пифагор или те, кто переняли от него его философию, сообщаемые постольку, поскольку они не умещаются в рассказ о нем, построенный соответственно добродетелям.

Глава XXXV. О том, как произошло восстание против пифагорейцев, и где был в это время сам Пифагор, и по каким причинам люди тираннического и преступного склада напали на пифагорейцев.

Глава XXXVI. О преемниках Пифагора и его смерти; имена мужей и женщин, воспринявших от него философию.

В.Б. Черниговский

Жизнь Пифагора

ГЛАВА I

(1) При возникновении порыва к изучению любой философии все благоразумные люди имеют обыкновение призывать в помощники, конечно, бога, при возникновении же порыва к изучению философии божественного Пифагора, справедливо считающегося таким,[1] это, разумеется, подобает делать тем более.[2] Ведь если она передана людям прежде всего богами, то ее невозможно воспринять иначе, кроме как с помощью богов. Кроме того, красота ее и величие настолько превосходят человеческую способность восприятия, что постичь ее сразу невозможно, разве только кто-нибудь при содействии какого-нибудь благожелательно толкующего ее бога оказался бы способен, вникая в нее мало-помалу, отторгнуть от нее в свою пользу хотя бы малую толику. (2) В силу всего этого мы, призвав богов в руководители и предоставив им в распоряжение себя самих и свой разум[3], последуем за ними, куда бы они нас ни повели, нисколько не принимая в расчет, что давно уже находится в небрежении эта философская школа и что сокрыта она чуждыми ей учениями и некими тайными символами, а также затемнена со-

чинениями под вымышленными именами и мешают ей многие трудности такого же рода.[4] Ибо нам достаточно благоволения богов, с помощью которого можно одолеть и еще более трудное, чем все это. Вслед за богами сделаем своим руководителем главу и родоначальника божественной философии, сказав несколько предварительных слов о роде его и отечестве.

ГЛАВА II

(3) Говорят, что Анкей[5], поселившийся в [городе] Саме на [острове] Кефалении,[6] был порожден Зевсом, каковая молва распространилась о нем либо из-за его добродетели, либо из-за некоего величия души, рассудительностью же и славой он превосходил прочих кефаленян. Он получил оракул от Пифии, повелевающий вывести колонию из Кефалении, Аркадии и Фессалии, и, присоединив еще жителей Афин, Эпидавра и Халкиды[7] и встав во главе их всех, заселить остров, называемый Меламфиллом из-за хороших свойств почвы и земли вообще,[8] и назвать город Самосом подобно Саме на Кефалении. (4) Оракул же был таков:

Самос, остров морской, тебя, Анкей, побуждаю
Я заселить, он зовется Филли́с, «Обильный листвою».

Подтверждением тому, что колония была выведена из вышеназванных мест, служат не только почести богам и порядок жертвоприношений (то, что колонисты заимствуют из тех мест, откуда пришло людское множество), но и родственные связи и сближения родов друг с другом, которые происходят при случае у самосцев через браки. Так вот, говорят, что Мнемарх[9] и Пифаида, родители Пифагора, происходили

из семьи и родственного союза, ведущего свое происхождение от Анкея, основателя колонии.[10] (5) Хотя среди граждан Самоса бытует мнение именно об этом происхождении Пифагора, некий поэт, уроженец Самоса, утверждая, что Пифагор был сыном Аполлона, говорит следующее:

Фебу, Зевесову сыну, рожден Пифагор Пифаидой,
Всех самиянок она превосходила красой.[11]

Откуда возобладало это мнение, следует рассказать подробнее. Когда Мнемарх-самосец, оказавшись во время своей торговой поездки в Дельфах вместе с женой, у которой признаки беременности еще не были явными, вопросил оракул относительно плавания в Сирию, Пифия предсказала, что это плавание будет очень удачным и прибыльным и что жена его уже беременна и родит дитя, которое будет выделяться среди всех когда-либо живших красотой и мудростью и принесет человеческому роду величайшую пользу на все времена. (6) Мнемарх же, догадавшись, что бог не стал бы ничего пророчить о ребенке, коль скоро он не вопрошал о нем, если бы не собирался наделить его исключительными достоинствами и сделать поистине божественно одаренным, тотчас дал тогда своей жене вместо имени «Партенида» имя «Пифаида», имея в виду имя сына и пророчицы.[12] (7) Когда же она разрешилась от бремени в Сидоне, в Финикии, он назвал новорожденного Пифагором, потому что Пифия предсказала ему его рождение.[13] Здесь следует отклонить мнение Эпименида, Евдокса и Ксенократа, предполагающих, что Аполлон вступил в то время в связь с Партенидой, сделал ее беременной и предсказал через Пифию рождение Пифагора.[14] Это их мнение никоим образом нельзя одобрить. (8) Од-

нако то, что душа Пифагора была ниспослана людям руководящей волей Аполлона, то ли будучи его спутницей[15], то ли находясь в еще более близкой родственной связи с этим богом, в этом вряд ли кто-нибудь стал бы сомневаться, узнав как о самом воплощении души, так и о ее совершенной мудрости. Вот что можно сказать о рождении Пифагора.

(9) Возвратившись из Сирии на Самос с огромной прибылью и неисчислимым богатством,[16] Мнемарх воздвиг святилище Аполлону, назвав святилище Пифийским, сыну же дал самое разнообразное и достойное воспитание, обучая его в одном случае у Креофила[17], в другом — у Ферекида Сиросского[18], в третьем — передавая и препоручая его почти всем выдающимся в богослужении людям, так что и в божественных предметах тот, насколько возможно, был достаточно сведущ. Из людей, о красоте которых когда-либо рассказывали, он имел, когда рос, самый прекрасный облик и был осчастливлен божественным достоинством, (10) со смертью же отца его стали превозносить как самого величавого и благоразумного, и, будучи еще совсем юным, он удостаивался всяческого почтения и уважения даже со стороны старших, а при встречах и беседах он привлекал к себе внимание всех и, кто бы ни взглянул на него, всем он казался удивительным, так что многие справедливо утвердились во мнении, что он — сын бога. Он же, приобретая силу и от такой репутации, и от воспитания, начатого сызмальства, и от природного богоподобия, еще более стремился быть достойным этих преимуществ и еще более упорядочивал себя богопочитанием, учеными занятиями, особым образом жизни, спокойствием души и сдержанностью телодвижений, отчего и говорил и делал он все безмятежно и с какой-то неподражаемой кротостью,

не поддаваясь ни гневу, ни смеху, ни зависти, ни спору, ни какому-либо волнению или спешке, словно некий добрый демон явился на Самос.[19] (11) Поэтому, когда он еще был эфебом, великая слава о нем дошла до Милета к Фалесу и до Приены — к Бианту, которые считались мудрецами,[20] распространилась по окрестным городам, и множество людей, восхваляя повсюду самосского юношу, прозвище которого «длинноволосый» превратилось уже в поговорку, обожествляли и прославляли его. Как только возникла тирания Поликрата[21], Пифагор в возрасте приблизительно восемнадцати лет, предвидя, к чему она приведет и что это будет служить препятствием его цели и любви к знаниям, к которым он стремился более всего, ночью, тайно от всех, с Гермодамантом, прозвище которого было «Креофилей», потому что он, как говорили, был потомком Креофила[22], гостеприимца поэта Гомера, сделавшегося, как кажется, любимцем и учителем всех людей, переправился с этим Гермодамантом в Милет к Ферекиду, Анаксимандру-физику[23] и Фалесу (12) и, пробыв у каждого из них некоторое время, пообщался с ними так, что все они его полюбили, дивились его природной одаренности и сделали соучастником своих бесед. Фалес принял его ласково и, подивившись его несходству с молодыми людьми, которое было очень велико и превосходило уже ходившую о Пифагоре молву, передал ему, сколько мог, знаний и, сетуя на старость и слабость здоровья, побудил его плыть в Египет и общаться в Мемфисе и Диосполе[24] более всего со жрецами: у них-де и получит он то, что сделает его мудрым в глазах большинства людей. Он сказал, что сам он не обладает ни от природы, ни в результате выучки столькими достоинствами, какие видятся ему в Пифагоре; так что будет лучше

всего, если тот, вступив в общение с прославленными жрецами, сделается наиболее близким к богу и самым мудрым из людей.

ГЛАВА III

(13) Итак, получив от Фалеса ряд других полезных советов и в том числе совет дорожить временем и ради этого воздерживаться от питья вина и мясоедения и прежде всего избегать переедания, быть умеренным в употреблении слишком приятных на вкус и изысканных блюд, и приобретя от этого короткий сон и бодрость, незамутненность души, безукоризненное здоровье и крепость тела, Пифагор отплыл в Сидон, узнав, что этот город — его отечество по рождению[25], и верно полагая, что оттуда ему легче будет перебраться в Египет. (14) Именно в Сидоне сошелся он с потомками физиолога и прорицателя Моха[26] и другими финикийскими верховными жрецами и принял посвящение во все мистерии, совершаемые главным образом в Библе и Тире и во многих местах Сирии,[27] претерпевая все это не ради суеверия, как может показаться кому-нибудь с первого взгляда, но гораздо более из любви и стремления к созерцанию и из опасения, как бы что-нибудь достойное изучения в божественных таинствах или обрядах не укрылось от него. Узнав также, что здесь живут в некотором роде переселенцы и потомки египетских жрецов, и надеясь поэтому участвовать в прекрасных, более близких к богам и не подвергшихся изменениям мистериях в Египте, довольный советом своего учителя Фалеса, Пифагор без промедления переправился туда с помощью каких-то

египетских моряков, причаливших очень кстати к берегу близ финикийской горы Кармел[28], где он много раз уединялся в храме. Они приняли его охотно, надеясь воспользоваться его цветущим возрастом и продать в рабство за большую цену, (15) однако впоследствии во время плавания, так как он вел себя сдержанно, с достоинством и последовательно и обращался с ними по-дружески, они стали относиться к нему лучше и увидели в совершенном облике юноши нечто большее, чем свойственно человеческой природе, припомнив, что, когда они причалили, он тотчас появился перед ними, сойдя с вершины горы Кармел (а они знали, что среди других гор эта гора считается наиболее священной и для большинства неприступна), и, шествуя спокойно и беззаботно, не задерживаясь ни на какой-нибудь круто обрывающейся, ни на какой-нибудь стоящей препятствием на пути скале, остановившись возле корабля, спросил только. «Вы плывете в Египет?» Когда они ответили утвердительно, он взошел на корабль и молча сел там, где менее всего мог мешать корабельщикам, (16) и в продолжение всего плавания оставался в одном и том же положении две ночи и три дня, не притрагиваясь к пище и питью и не засыпая, если не считать случая, когда он неприметно для всех, все так же сидя и находясь в состоянии безмятежного ожидания, на короткое время заснул, и при этом корабль постоянно двигался, вопреки ожиданию, прямым курсом и удачно для самих корабельщиков, словно на нем был некий бог.[29] Сопоставив все эти обстоятельства и убедившись, что с ними из Сирии в Египет действительно плывет божественный демон, они проделали оставшуюся часть пути в величайшем благоговении, выражая себя более приличными, чем у них заведено, словами и

поступками в отношении друг к другу и к нему вплоть до счастливейшего для них и в продолжение всего плавания безбурного прибытия судна на египетский берег. (17) Там, когда Пифагор сходил с корабля, все они, с благоговением поддерживая его под руки и передавая друг другу, усадили его на самый чистый песок и без особых приготовлений соорудили перед ним некое подобие жертвенника, выбрав из груза, словно некие первины, лучшие из плодов, и, положив их на жертвенник, направили затем корабль в то самое место, куда и лежал их путь. Он же, ослабев телом от такого длительного воздержания, не противился ни тогда, когда моряки сводили его с корабля, ни тогда, когда они, поддерживая, вели его под руки, ни тогда, когда они оставили его, и не стал долго отказываться от разложенных перед ним плодов, но, отведав их с пользой и подкрепив силы, направился в близлежащие селенья, сохраняя все тот же подобающий и безмятежный вид

ГЛАВА IV

(18) Вслед за тем он стал обходить все храмы с величайшим усердием и тщанием, вызывая удивление и симпатию у жрецов и прорицателей, с которыми имел дело, и обстоятельно выведывал обо всем, не пропуская ни рассказов, самих по себе примечательных, ни людей, известных своим знанием, ни обрядов, где-либо почитаемых; не оставлял без посещения и памятные места, но, приходя, надеялся узнать в них что-нибудь новое. Благодаря этому он посетил всех жрецов, получая от каждого что-нибудь полезное соответственно степени мудрости каждого.[30] (19) Двадцать два года про-

вел он в Египте в его святынях, занимаясь наблюдением звездного неба,[31] геометрией и постигая не урывками и не поверхностно все таинства богов, пока, взятый в плен воинами Камбиса[32], не был уведен в Вавилон. Там он охотно общался с магами[33], отвечавшими ему вниманием, и, научившись у них самому главному в их учении, и овладев в совершенстве наукой о природе богов, и окончательно освоив, кроме того, науку о числах, музыку и другие предметы, и проведя таким образом еще двенадцать лет, вернулся на Самос в возрасте приблизительно пятидесяти шести лет

ГЛАВА V

(20) Узнанный некоторыми из людей старшего поколения и вызвав не меньшее, чем прежде, удивление (ибо он показался им еще более прекрасным, мудрым и еще более достойным называться богом), после того как отечество всенародно призвало его приносить всем [согражданам] пользу и передавать свое умственное достояние, он, не противясь, старался обучать с помощью символов, избрав способ, совершенно схожий с тем, по которому обучали в Египте его самого, хотя самосцы с трудом воспринимали такой способ обучения и не усвоили его с пониманием и так, как должно.[34] (21) Так как никто не посещал его занятия и не стремился добросовестно к знаниям, которые он всяческим образом пытался привить эллинам, то он, не презирая и не принижая Самос, потому что это была его родина, и всей душой желая, чтобы соотечественники почувствовали привлекательность наук если и не по доброй воле, то хотя бы благодаря придуманному им методу, наблюдая, как один

3 1057

юноша, *любящий гимнастику* и телесные упражнения, играет в мяч с природным изяществом и грацией, и узнав, что он к тому же из бедной и нуждающейся семьи, решил, что его легко удастся привлечь к знаниям, если предоставить ему в изобилии средства пропитания и избавить от забот о них. После того как юноша совершил омовение, Пифагор, вступив с ним в разговор, пообещал ему достаточное количество пропитания для поддержания телесных сил и свою постоянную заботу о нем, если тот воспримет от него за короткий срок, без труда и без перерыва в учении, не обременяя себя сразу всем обилием, некоторые знания, приобретенные им у варваров еще во времена его молодости, а теперь утрачиваемые из-за старости и забывчивости. (22) Когда юноша дал согласие в надежде на помощь необходимыми средствами пропитания, он сделал попытку обучить его числам и геометрии[35], рисуя на абаке[36] изображение каждой отдельной линии и объясняя всю фигуру, образующую чертеж, выплачивая юноше в награду за труды каждый раз по три обола. (23) Когда же юноша, ведомый размеренным путем, уже начал ощущать пользу от этих занятий, радость и успех, мудрец, понимая происходящее и то, что ученик его теперь добровольно не уйдет и не прекратит учение, даже испытав любые невзгоды, стал притворно ссылаться на свою бедность и недостаток денег. (24) Когда же тот сказал: «Но я и без них могу учиться и усваивать уроки», он добавил к своим словам: «Но я даже для себя самого не имею необходимых средств. Поэтому нужно сделать перерыв, чтобы обеспечить нас ежедневным пропитанием, да и нехорошо забывать о еде ради счетной доски и другой бесполезной работы». Юноша, которого трудно было оторвать от привычных занятий, сказал: «Я

тебе в будущем все это доставлю и каким-нибудь образом отплачу заботой».[37] (25) И с той поры он так был увлечен занятиями, что единственный из всех самосцев занимался с Пифагором, будучи его соименником и сыном Эратокла. От него сохранились письменные рекомендации по умащению[38] и предписания атлетам того времени есть мясо вместо сушеных смокв. Эти предписания неверно относят к Пифагору, сыну Мнемарха.[39]

Говорят, что в это время Пифагор вызвал удивление на Делосе, побывав у жертвенника Аполлона-Родителя, который называют «Бескровным»[40], и совершив там богослужение, отчего и получил способность прорицания до конца жизни. Он также побывал на Крите и в Спарте с целью изучения законов.[41] Приобретя сведения обо всех этих законах и изучив их, он обратился, вернувшись на родину, к отыскиванию забытых [местных]. (26) И сперва обустроил место для обсуждений, называемое еще и поныне «Пифагоровым полукругом», в котором самосцы обсуждают теперь общественные дела, полагая, что о прекрасном, справедливом и полезном надлежит совещаться в том месте, которое обустроил человек, заботившийся обо всех этих вещах. (27) За городом же Пифагор устроил себе в пещере жилище для философствования, в котором проводил много дней и ночей и исследовал все полезное в науках, придумав все это таким же образом, как и Минос, сын Зевса[42]. И впоследствии он настолько превосходил подвизавшихся в его учении, что те, достигнув незначительных успехов в умозрении, мнили о себе очень высоко, Пифагор же в совершенстве овладел наукой о небесных явлениях и подкрепил ее всеми необходимыми арифметическими и геометрическими расчетами.

ГЛАВА VI

(28) Однако деяния, совершенные им впоследствии, вызывают еще большее удивление. Ибо когда философия уже достигла большого распространения и он стал предметом удивления всей Эллады, а лучшие и наиболее преуспевшие в философии люди приезжали на Самос и желали приобщиться к его учению, его же самого сограждане принуждали участвовать во всех посольствах и общественных мероприятиях, он, видя, как тяжело, повинуясь законам отечества, заниматься одновременно философией и что вследствие этого все прежние философы прожили жизнь на чужбине[43], обдумав все это наедине с собой и отойдя от общественных дел, уехал по этой причине, но, как говорят некоторые, из-за отвращения к невежеству тогдашних жителей Самоса, в Италию, считая своим отечеством страну, где есть множество легко поддающихся обучению людей.[44] (29) Поначалу он жил в прославленном городе Кротоне, имея много последователей (рассказывают, что при нем было шестьсот человек, побужденных им не только к занятиям философией, которой он обучал, но и, как говорят, приобщившихся к образу жизни, который он предписывал вести; (30) эти последние были философами, а многие просто слушателями, и поэтому их называют «акусматики»[45]), так что на одной только самой первой и общедоступной беседе, которую, как говорят, он провел сразу после приезда в Италию, присутствовало более двух тысяч человек, и воздействие Пифагора на них было столь сильным, что они уже не ушли домой, но вместе с женами и детьми построили некий огромный «дом совместного слушания» (ὁμακοεῖον), и сами организовали общину в

той местности, которую все называют Великой Грецией[46], и, приняв от Пифагора законы и предписания, никогда не преступали их, словно это были божественные установления. Все сообщество пребывало в единодушии, торжественно прославляемое и считающееся в глазах окружающих счастливым. Имущество, как было сказано, они сделали общим и вслед за тем причислили Пифагора к богам как некоего благого и человеколюбивейшего демона[47], одни называя его Пифийцем, другие — Аполлоном из страны гиперборейцев[48], третьи — Пеаном[49], четвертые — одним из населяющих Луну демонов[50], пятые — одним из Олимпийских богов, говоря, что он явился в человеческом образе для пользы и исправления жизни смертного рода, чтобы благосклонно одарить смертную природу спасительной искрой счастия и любомудрия, и большее благо, чем то, которое было даровано богами через Пифагора, не являлось и не явится когда-либо.[51] Поэтому еще и теперь широко известна поговорка о длинноволосом самосце. (31) И Аристотель в своем сочинении о пифагорейской философии[52] рассказывает, что в глубокой тайне у них соблюдалось такое разделение: есть три вида разумных существ — бог, человек и существо, подобное Пифагору. И они с полным доверием воспринимали то, что он говорил им о богах, демонах и героях[53], о космосе и всевозможных видах движения небесных сфер и светил, о заграждениях одних другими, о затмениях, об отклонениях от правильного движения, об эксцентриситетах и эпициклах[54], обо всем, что входит в миропорядок, о небе и земле и о творениях, находящихся между ними, видимых и невидимых. И в них возникало некое правильное и соответствующее истинно сущему миру представление, никоим образом не противоречащее ничему тому, что

является зрению или постигается мыслью, уроки же и теоретические положения и вся наука в целом поистине открывали душе глаза и действовали очищающе на ослепленный другими занятиями ум.[55] Подобное знание передавалось эллинам Пифагором, чтобы они могли осмыслить истоки и начала подлинно целого[56]. (32) Гражданское устройство общины было наилучшим, соблюдались единодушие и принцип «у друзей все общее», служение богам и почитание умерших, повиновение законам и воспитание, молчаливость и непричинение вреда другим живым существам, воздержание, благоразумие, проницательность, набожность и другие добродетели, одним словом, все это для тех, кто жаждал учения, Пифагор сделал желанным и достойным стремления. Итак, справедливо они из-за всего того, о чем я сейчас говорил, почитали Пифагора столь высоко.

ГЛАВА VII

(33) После этого нужно рассказать о том, как он прибыл в Италию и какие люди встретились ему первыми, что за речи были им произнесены и на какие темы, и к кому они были обращены. Ведь так нам легче было бы усвоить содержание его бесед и то, как он проводил их в эту пору своей жизни. Говорят, что, прибыв в Италию и увидев, что города, одни — в течение многих лет, другие — недавно, находятся в рабстве друг у друга, он приучил их через своих слушателей, уроженцев этих городов, к свободомыслию, вернул им прежнее устройство и сделал свободными: Кротон, Сибарис, Катану, Регий, Гимеру, Акрагант, Тавромений[57] и некоторые

другие, дав им законы через Харонда из Катаны и Залевка-локрийца[58], благодаря чему эти города обрели надолго прекраснейшее законодательство и сделались для соседей предметом подражания. Рассказывают, что он совсем устранил смуту, разногласия и даже просто разномыслие не только среди знати и ее потомков на много поколений, но и вообще из всех городов Италии и Сицилии, как внутри них самих, так и в их отношениях между собой.[59] Ибо постоянно произносил он всюду, обращался ли ко многим или к немногим слушателям, изречение, подобное увещевательному оракулу Аполлона, своего рода экстракт, вобравший самое ценное, что было в его мыслях: «Любым способом следует избегать и отсекать огнем, железом и всеми другими средствами от тела болезнь, от души — невежество, от желудка — излишество, от города — смуту, от дома — разномыслие, от всего в целом — неумеренность». Этим изречением он заботливо напоминал о самых лучших основоположениях. (35) Таков был в то время общий характер его жизни в словах и в поступках.

ГЛАВА VIII

Если же упоминать по порядку, что делал и говорил Пифагор, то нужно сказать, что прибыл он в Италию в шестьдесят вторую Олимпиаду, когда победителем в беге был Эриксий из Халкиды,[60] и сразу стал известен и популярен, как и прежде, когда плавал на Делос, ведь и там он, лишь помолившись у алтаря Аполлона-Родителя, который (алтарь) один был не запятнан кровью, вызвал удивление у жителей острова. (36) А в это время, направляясь из Сибариса в Кротон,

встретил он на побережье рыбаков и, когда они еще тянули из глубины тяжелую сеть, сказал им, каков будет улов, и точно назвал число рыб. На вопрос рыбаков, что он велит им делать, если так и будет, он приказал отпустить рыб невредимыми, сперва точно пересчитав их. И еще более удивительное обстоятельство: ни одна из рыб за такое долгое время, пока велся подсчет, находясь вне воды, не задохнулась, пока он был рядом. Заплатив за рыбу рыбакам, он ушел в Кротон.[61] Те же, рассказав о происшествии и узнав его имя от детей, поведали всем. Услышавшие пожелали видеть гостя, который вскоре явился. При взгляде на его внешность все были поражены и убедились, что он действительно таков, каким его описывали.

Через несколько дней он пришел в гимнасий. (37) Когда юноши обступили его, он обратился к ним с речью, в которой призывал их почитать старших, показывая, что в мире и в жизни, в государствах и в природе предпочтительнее то, что предшествует по времени: восход предпочтительнее заката, утро — вечера, начало — конца, рождение — смерти, и точно так же исконные жители земли предпочтительнее пришельцев, с другой стороны, правители и жители метрополий — тех, которые живут в колониях, а в целом боги выше демонов, последние — полубогов, герои — людей, а из людей выше те, кто были причиной рождения младших.[62] (38) Так говорил он ради того, чтобы убедить юношей чтить родителей больше себя, которых, как он сказал, они должны благодарить так же, как благодарил бы умерший того, кто мог бы опять произвести его на свет. Далее, справедливо любить и ничем не огорчать старших и тех, кто сделал нам множество добрых дел. Не может быть сомнения, что родители

выше своего потомства благодаря добрым делам, и потомки всеми своими хорошими делами обязаны предкам, а последние ничуть не меньше обязаны своими хорошими делами богам. И поэтому справедливо, что боги прощают тех, кто ничуть не меньше богов чтит отцов. Ведь и почитанию богов мы научились от отцов. (39) Поэтому и Гомер величает этим именем царя богов, называя его «отцом смертных и бессмертных»[63], и множество других мифографов передают, что царствующие над богами, стремясь к тому, чтобы разделившаяся между двумя родителями любовь детей принадлежала только кому-нибудь одному из них, и признав поэтому отцовскую и материнскую основу рода равноправными, родили вопреки природным законам Зевс — Афину, Гера — Гефеста,[64] чтобы их детища любили лишь одного из супругов, оставаясь чужды другому (40) После того как все присутствующие согласились с тем, что мнение бессмертных наиболее правильное, Пифагор рассказал о том, что основатели колонии близко связаны с Гераклом[65], и поэтому нужно добровольно подчиняться родительской воле, ибо предание говорит, что сам бог, подчиняясь другому, *старшему* богу, претерпел труды и учредил в память о своих деяниях игры, назвав их в честь отца Олимпийскими.[66] Пифагор показал также, что в общении друг с другом нужно быть таким, как будто никогда не собираешься стать друзьям врагом, врагам же как можно скорее хочешь стать другом, и при *благочинном* отношении ко всем старшим любить прежде всего отцов, при *человеколюбивом* же отношении ко всем остальным стремиться более всего к братскому единению с ними.

(41) Затем он говорил о благоразумии, заметив, что юношеский возраст как бы подвергается испытанию со стороны

природы, ибо именно в пору юношества высшей степени достигают страсти. Вслед за этим он заставил их убедиться, что лишь к одной этой добродетели подобает стремиться и мальчику, и девушке, и женщине, и всем людям старшего возраста, и особенно младшим. Еще он показал, что лишь благоразумие дает и телесные, и душевные блага, сохраняет здоровье и стремление к наилучшему образу жизни. (42) Он доказал это и через противоположный пример. Ведь как с варварами, так и с эллинами, воевавшими друг с другом под Троей, величайшие несчастья приключились из-за одной только невоздержанности, с первыми — во время войны, со вторыми — во время возвращения по морю[67]. И лишь за этот порок карал бог десятки и тысячи лет, пророча и взятие Трои, и отправление локрийских девушек в храм Афины Илионской.[68] Пифагор призвал юношей образовывать себя, советуя им твердо помнить, что было бы глупо признавать самым главным разум и отдавать ему предпочтение перед всем остальным, на развитие же его не тратить ни времени, ни усилий. И в то время как забота о теле подобна худшему из друзей, которые нас скоро оставляют, образование, как добрые и прекрасные люди, остается нам верным до нашей смерти, а некоторых одаривает бессмертной славой еще и после смерти. (43) И прочие свои наставления он подкрепил одни — рассказами историков, другие — мнениями философов, показав, что образование, будучи общим достоянием, есть плод одаренности тех людей, которые первенствовали в каждом отдельном поколении, ибо то, что они открыли, других впоследствии образовало. Природа постаралась сделать так, что одни из восхваляемых людьми достоинств, каковы сила, храбрость, красота, здоровье, оказалось невозможно перенять от

другого человека, другие же, как, например, богатство, власть и многое другое из утрачиваемого, оказалось невозможно, потеряв, вновь получить в обладание, образование же можно и перенять от другого человека, и, дав его другому, самому тем не менее продолжать его иметь. Точно так же, приобрести вышеупомянутое — не во власти человека, образование же он получает по собственной воле, дабы затем, приступая к государственным делам, проявлять себя не нагло, но соответственно образованию. Ибо лишь одним образованием отличаются люди от животных, эллины — от варваров, свободнорожденные — от рабов, философы — от профанов. В целом же имеющих такое превосходство в образовании столько, что бегающих быстрее других на Олимпийских играх оказалось семь из одного только города[69], а людей, выдающихся мудростью, насчитывается на всей населенной части земли тоже только семь[70] В последующее же время, когда жил он сам, один выделяется среди всех *любовью* к мудрости, и этим именем любомудра вместо имени «мудрец» он имел обыкновение называть себя самого[71]. Вот о чем беседовал он в гимнасии с юношами.[72]

ГЛАВА IX

(45) Когда юноши рассказали отцам о том, что он говорил, хилиархи[73] пригласили Пифагора к себе в совет и, похвалив вначале то, что он сказал их сыновьям, попросили его, если он может, сказать что-нибудь полезное для кротонцев, сделав это перед высшими должностными лицами города. Он же перво-наперво посоветовал им воздвигнуть храм

Музам, дабы они охраняли царящее согласие. Ибо богини эти имеют одно общее имя, передают его друг другу и более всего рады общим для всех них почестям,[74] да и в целом хоровод Муз — всегда единый и постоянный. Еще же он охватывает собой согласие, гармонию, ритм — то, что порождает единодушие. Он показал, что во власти Муз не только прекраснейшие зрелища, но согласие и гармония подлинно сущего (46) Затем он сказал должностным лицам, что нужно, чтобы их отечество создало из вкладов множества граждан общую казну. С ней надо обращаться так, как будто они собираются сделать наследственное ручательство потомкам. Это будет прочное установление, если все граждане будут равны и никому не достанется больше, чем должно по справедливости. Ибо люди, понимая, что всякое место в мире нуждается в присутствии справедливости, утверждают через мифы, что одну и ту же силу имеют в царстве Зевса — Фемида, в царстве Плутона — Дике[75], в полисах — закон, чтобы тот, кто поступает несправедливо по отношению к тому, что установлено ими, оказывался тем самым нарушителем всего миропорядка. (47) Членам совета не подобает произносить имени богов при клятвах, но следует употреблять такие слова, которые и без свидетелей клятвы вызывали бы доверие.[76] Домашним же хозяйством управлять так, чтобы сообщение о его состоянии было сообщением об образе мыслей управителя.[77] И к детям своим относиться благородно, потому что даже другие живые существа обладают ощущением одного только этого помысла о детях.[78] И с женой, помощницей в жизни, общаться так же, как общаешься с другими людьми на основании договора, письменного или высеченного на камне, отражение же договоров с женщинами — в детях. И

стараться, чтобы дети любили нас не из-за природного родства, причина которого — не они, а по собственному волеизъявлению, ибо оно выражается в благодеянии, совершаемом *добровольно.* (48) Стараться жить лишь с законными женами, чтобы женщины, если их живет в доме несколько, не портили рода распущенностью и порочностью. И еще считать, что взявший жену от очага [ее родителей] как бы вводит в свой дом с совершением возлияний просительницу перед богами.[79] Для домочадцев и живущих с тобой в одном городе сделаться образцом порядка и благоразумия и предусмотрительно заботиться о том, чтобы никто ни в чем не прегрешил, а если это случится — чтобы совершившие проступок не прятались, но, стыдясь твоего добронравия, обратились бы к справедливым поступкам.[80] (49) Он советовал также оставить нерадивость в делах, ибо нет ничего лучше, чем удача в каждом деле. Самой большой несправедливостью он считал разлучать детей и родителей друг с другом. Самым хорошим следует считать того, кто без постороннего совета может предвидеть, что ему полезно, вторым по достоинству — того, кто на примере случившегося с другим понял, что полезно ему самому, а самым плохим — того, кто, поступая дурно, надеется на лучшее.[81] Он сказал, что те, которые хотят снискать почести, добьются цели, если будут подражать победителям в беге, ведь и эти последние не делают зла соперникам, но стремятся добиться победы сами по себе. И должностным лицам следует приноравливаться к перечащим, не досадовать на них, а если слушаются — помогать. Он призвал всякого, кто стремится к истинной славе, быть таким, каким ему хотелось бы *казаться* в глазах других[82], ведь не столь священен совет с кем-либо, как похвала[83], потому что совет

нужен по отношению к одним лишь людям, похвала же гораздо более нужна по отношению к богам[84]. (50) После этого он рассказал всем, что, по преданию, город их основал Геракл, когда гнал стадо быков через Италию и ему нанес обиду Лакиний,[85] Кротона же, помогавшего Гераклу, Геракл, приняв ночью по ошибке за одного из врагов, убил и после того, как ему сказали об этом, основал город, назвав его в память об убитом тем же самым именем, а так как сам Геракл причастен бессмертию, то они должны, сказал он, вести свои дела справедливо, воздавая Гераклу благодарностью за благодеяние. Они же, выслушав его, основали храм Муз и отпустили наложниц, держать которых было в обычае у местных жителей, а также попросили Пифагора побеседовать наедине с детьми в храме Аполлона, а с женщинами — в храме Геры.

ГЛАВА X

(51) Он же, выполнив, как говорят, их просьбу, внушил мальчикам ни ссор не начинать, ни защищаться от тех, кто их бранит, и советовал им заботиться о воспитании, давшем название их возрасту[86]. Еще он прибавил, что мальчику, если он вырос добрым, легко соблюдать добронравие на протяжении всей остальной жизни, тому же мальчику, который вырос плохим, тяжело стать потом добрым, более того, невозможно хорошо прожить жизнь до конца из-за плохого побудительного начала. Кроме того, он объявил их любимцами богов и сказал, что поэтому города в засуху посылают просить богов о дожде именно их как наиболее послушных божеству и они одни сохраняют ритуальную чистоту, полу-

чив право проводить время в храмах. (52) По этой же причине и наиболее человеколюбивых из богов, Аполлона и Эрота, все художники и скульпторы изображают имеющими облик мальчиков. Он прибавил, что и состязания за победные венки установили из-за мальчиков: Пифийские — после того как Пифон был побежден мальчиком[87], в честь мальчиков же были учреждены и Немейские, и Истмийские игры: после смерти Архемора и Меликерта[88]. Кроме того, во время основания города Кротона было возвещено, что предводителю поселенцев, если он выведет колонию в Италию, даст потомство Аполлон. (53) Из этого они должны сделать вывод, что своим рождением они в конечном счете обязаны промыслу Аполлона, а об их возрасте пекутся все боги, и что они, дети, достойны любви богов и должны иметь привычку слушать, чтобы научиться говорить. Еще же они должны на ту дорогу, по которой они собираются идти до старости, устремиться сразу, сейчас вслед за ушедшими по ней, и совсем не перечить старшим, ибо тогда они заслуженно и сами не будут встречать впоследствии неповиновение со стороны младших. Благодаря этим увещаниям Пифагора всеми овладело согласное желание не называть его по имени, и все стали звать его «божественный».

ГЛАВА XI

(54) Женщинам же он, как говорят, рассказал вначале о порядке жертвоприношений, сказав, что как в том случае, когда они, намереваясь, чтобы другой принес за них обет, хотят, чтобы это был прекрасный и хороший человек[89], так как боги обращают внимание именно на таких, как и сами

они, со своей стороны, должны выше всего ставить благопристойность, чтобы боги были расположены выслушать их молитвы. Затем, то, что они собираются принести в дар богам, надо делать самим, своими руками, и возлагать на жертвенник без помощи служанок, как то: пирог, мука, соты, ладан. Смертью и убийством живого богов не чтить и за одно жертвоприношение не тратить много, так, как будто они уже никогда не придут снова. Что касается отношения к мужьям, он советовал им задуматься над тем, что даже их отцы позволяют при случае им, учитывая их женскую природу, больше любить мужей, чем своих родителей. Поэтому хорошо либо вовсе не противиться мужьям, либо тогда считать себя победившей, когда уступаешь. (55) Кроме того, широко известным стало то, что он сказал во время беседы с народом. «После законного мужа не будет богопротивным посещение храма в тот же день, а после сожителя этого не следует делать никогда». Пифагор советовал женщинам всю жизнь как самим добиваться доброй славы, так и подражать другим женщинам в зависимости от того, насколько те выше их доброй славой, и распространившееся мнение о себе не утрачивать. И не опровергать своим поведением сочинителей мифов, которые, видя праведность женщин, когда они без свидетелей их поступка отдавали наряды и украшения, всякий раз когда это было кому-нибудь нужно, причем их доверчивость исключала тяжбы и возражения, сочинили миф о трех женщинах, которые, пользуясь одним общим глазом, с легкостью уступали его друг другу[90]. Но если бы такой миф сочинили о мужчинах, будто один мужчина, приобретя что-нибудь, с легкостью отдал приобретенное, да еще поделился личным имуществом, никто не поверил бы рассказу, так как он не

соответствует мужской природе. Кроме того, считающийся мудрейшим и упорядочивший речь людей и вообще давший имена вещам, будь то бог, или демон, или какой-нибудь богоподобный человек, понимая, что к благочестию более всего склонны именно женщины, сделал так, что каждый возраст их жизни имеет одинаковое имя с каким-нибудь божеством, и назвал незамужнюю Корой[91], выдаваемую замуж — нимфой[92], родившую детей — матерью[93], а ту, у детей которой есть свои дети, — «майей»[94]. С этим согласуется и то, что оракулы в Додоне[95] и в Дельфах провозглашаются через женщину. Передают, что он, перейдя после похвал их благочестию к разговору о простоте в одежде, произвел в этом отношении такую перемену, что ни одна из них уже не осмеливалась больше надевать роскошные платья, но все сложили много тысяч плащей в храме Геры. (57) Говорят, что он рассказал им о том, что в соседних с Кротоном землях прославлена верность мужчины женщине, верность Одиссея, не принявшего бессмертия от Каллипсо на том условии, что он оставит Пенелопу, возможно, побуждая этим намеком женщин являть перед мужьями добронравие, чтобы заслужить такую же славу, как и Пенелопа. Вообще упоминают, что благодаря только что пересказанным беседам Пифагор удостоился безмерного почитания и внимания людей в Кротоне и в других городах Италии

ГЛАВА XII

(58) Говорят, что Пифагор первый стал называть себя философом, не только придумав новое имя, но и прекрасно обучая делу, которое оно обозначает. Ибо он говорил, что

4 1057

приход людей в жизнь подобен встречающемуся на празднествах сборищу, потому что как там суетятся разные люди, пришедшие один — с одной целью, другой — с другой (этот — стремясь продать товар подороже, тот — показать телесную силу и добиться славы; есть и третий род людей, причем наиболее свободный, пришедший ради созерцания зрелища и прекрасных предметов, величия слов и деяний, показ которых обычно наблюдают на общенародных праздниках), так и в жизни различные люди собираются в одном и том же месте, движимые различными интересами. Одних обуревает жажда роскоши и денег, других привлекает желание власти и борьба честолюбий. А самый бескорыстный нрав у того человека, который, занимаясь созерцанием прекрасного, называется философом.[96] (59) Прекрасно зрелище небосвода и движущихся по нему светил для тех, кто способен усмотреть порядок в этом движении. Ввиду причастности светил к первосущему и умопостигаемому он, несомненно, есть. А первосущей является природа чисел и пропорций, пронизывающая все. В соответствии с числами и пропорциями все части космоса слаженно соединяются и подобающим образом украшаются. И мудрость в действительности есть некое знание прекрасного, первосущего, божественного и несмешанного, всегда тождественного себе и действующего таким образом, что все, к чему оно ни прикоснется, также становится прекрасным. Философия же есть ревностное стремление к созерцанию всего этого. Итак, прекрасна была эта его забота о воспитании, имеющая целью исправление людей.

ГЛАВА XIII

(60) Если верить многочисленным рассказам о нем старинных и вместе с тем достоверных писателей, то даже животных Пифагор делал с помощью слов рассудительными и разумными, исходя из того, что обучению поддаются все существа, имеющие ум, в том числе и те, которые считаются дикими и лишенными дара речи. Ведь говорят, что он, остановив давнийскую медведицу[97], причинявшую огромный вред жителям, долго гладил ее и, покормив хлебом и орехами, отпустил, взяв с нее обещание никогда больше не касаться одушевленных существ. Она же тотчас ушла в горы и леса, и с той поры никогда не видели, чтобы она совершала нападения даже на неразумных животных. (61) Увидев в Таренте на разнотравье быка, жевавшего зеленые бобы, Пифагор, подойдя к пастуху, попросил его сказать быку, чтобы он не ел бобов[98]. Когда пастух посмеялся над его словами и сказал, что не умеет говорить по-бычьи, а если умеет он, то пусть лучше сам даст совет быку и убедит его делать то, что нужно, Пифагор, подойдя к быку и пошептав ему долгое время на ухо, не только на этот раз тотчас заставил быка не есть бобов, но и потом, говорят, этот бык вообще никогда не ел бобов и еще долго до глубокой старости жил в Таренте возле храма Геры, где все называли его священным быком Пифагора, питался же бык пищей из рук людей, которую те подавали ему при встрече. (62) На Олимпийских играх, когда Пифагор беседовал с учениками о гадании по полету птиц, о символах и знаках, говоря, что некоторые птицы, и в том числе орлы, — вестники богов, посылаемые истинно боголюбивым людям, в небе появился орел, и Пифагор заставил его

спуститься к нему и, погладив, отпустил назад. Этими и тому подобными рассказами подтверждается способность Орфея повелевать животными, укрощая их и удерживая силой исходящего из уст голоса.[99]

ГЛАВА XIV

(63) Однако попечение о людях он сделал главным началом, каким оно и должно быть у тех, кто намеревается и в отношении остального узнать истину. Ибо он очень живо и ясно припоминал множество случаев из своих прежних жизней, которые прожила когда-то давно его душа перед тем, как была заключена в это тело, и с помощью несомненных доказательств утверждал, что он был Эвфорбом, сыном Панфоя, противником Патрокла, и из стихов Гомера особенно восхвалял следующие. Эти посмертные стихи себе самому пел он под аккомпанемент лиры с особенным вдохновением и отчетливой декламацией:

Кровью власы оросилися, сродные девам Харитам,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.
Словно как маслина древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но внезапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает,
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.[100]

Рассказ о том, что в Микенах в храме Геры Аргивской вместе с троянской добычей лежал и этот щит фригийца

Эвфорба, мы опустим, так как он слишком хорошо известен[101]. К тому же мы всем этим хотим показать только то, что он помнил *свои* прежние воплощения и потому стал заботиться о *других* людях, припоминая, какие прежде они прожили жизни.

ГЛАВА XV

(64) Считая, что это попечение о людях проще всего осуществлять через органы чувств, с помощью которых можно созерцать прекрасные формы и виды, слушать прекрасные песни и ритмы, он сделал музыкальное воспитание главным, прибегая к некоторым мелодиям и ритмам, посредством которых излечиваются человеческие нравы и страсти и устанавливается изначальная гармония душевных сил. Он также придумал средства сдерживать и исцелять болезни души и тела[102]. И, клянусь Зевсом, более всего этого достойно упоминания то, что он для своих учеников упорядочил и привел в систему так называемые «настраивающие» и «смягчающие» мелодии[103], с божественным искусством придумав сочетания некоторых диатонических, хроматических и энгармонических мелодий[104], при помощи которых он легко обращал и приводил страсти души (печаль, гнев, жалость, глупую зависть, страх, различные влечения, ярость, желания, пустые фантазии, низкие чувства, горячность), если они незадолго до этого беспорядочно возникали и усиливались, в противоположное состояние, восстанавливая добродетельное свойство каждой из них[105] с помощью нужных мелодий, словно с помощью правильно смешанных лекарственных средств. (65) Когда его ученики вечером отходили ко сну, он освобождал их таким способом от дневных волнений и шума и прояснял

в смятении волновавшийся ум, так что они спокойно и хорошо спали. Еще он помогал таким способом видеть вещие сны. Когда они просыпались, он снимал с них сонное оцепенение с помощью каких-то особых напевов и мелодий, получаемых простым сочетанием звуков лиры либо сопровождая игру на лире пением. Себя же самого сей муж организовал и подготовил к восприятию не той музыки, что возникает от игры на струнах или инструментах, но, используя какую-то невыразимую и трудно постижимую божественную способность, он напрягал свой слух и вперял ум в высшие созвучия миропорядка, вслушиваясь (как оказалось, этой способностью обладал он один)[106] и воспринимая всеобщую гармонию сфер и движущихся по ним светил[107] и их согласное пение (какая-то песня, более полнозвучная и проникновенная, чем песни смертных!), раздающееся потому, что движение и обращение светил, слагающееся из их шумов, скоростей, величин, положений в констелляции, с одной стороны, неодинаковых и разнообразно различающихся между собою, с другой — упорядоченных в отношении друг друга некоей музыкальнейшей пропорцией,[108] осуществляется мелодичнейшим образом и вместе с тем с замечательно прекрасным разнообразием. (66) Питая от этого источника свой ум, он упорядочил глагол, присущий уму[109], и, так сказать, ради упражнения стал изобретать для учеников некие как можно более близкие подобия всего этого, подражая небесному звучанию с помощью инструментов или же пения без музыкального сопровождения. Ибо он полагал, что ему одному из всех живущих на земле понятны и слышны космические звуки, и он считал себя способным научиться чему-либо от этого природного всеобщего источника и корня и научить

других, создавая при помощи исследования и подражания подобия небесных явлений, поскольку лишь он один был так счастливо создан с растущим в нем божественным началом. Он понял, что другим людям доставляет удовольствие смотреть на него и что создаваемые им привлекательные образы и примеры приносят пользу и исправляют людей, хотя они и не способны воспринимать адекватно первичные и чистые первообразы (67), и он придумал все это точно так же, как мы для тех, кто не может прямо смотреть на солнце из-за слишком яркого света его лучей, придумываем показывать затмение солнца через глубокую толщу воды или через кусочек янтаря или какого-нибудь темного стекла, щадя слабость зрения этих людей, и их устраивает такое посильное восприятие, пусть даже оно менее достоверно, чем прямое созерцание.[110] Кажется, именно на Пифагора намекает Эмпедокл, на его исключительные, данные от бога и превышающие обычные человеческие, способности, когда говорит:

Жил среди них некий муж, умудренный безмерным познаньем,
Подлинно мыслей высоких владевший сокровищем ценным,
В разных искусствах премудрых свой ум глубоко изощривший,
Ибо как скоро всю силу ума напрягал он к познанью,
То без труда созерцал любое, что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя людских поколений.[111]

«Безмерное познание», «без труда созерцал, что есть и что было», «сокровище мыслей высоких» и тому подобные слова указывают на исключительную и большую, чем у других людей, остроту зрения, слуха и ума у Пифагора[112].

ГЛАВА XVI

(68) Таким было у него смягчение душ музыкой.[113] Другие виды очищения разума и всей души в целом при помощи всевозможных средств он применял следующим образом. Он считал, что налицо должно быть благородство усилий, нацеленных на познание и ученые занятия, а по отношению к свойственной всем от природы невоздержанности и стремления к излишнему должно для тех, кто с ним общается, определить и средства ее распознавания, и самые разнообразные способы сдерживания и подавления, действующие на нее подобно огню и железу, которые (средства) никто, если он дурной человек, ни выдержать, ни стерпеть не в состоянии. Кроме того, он проповедовал среди учеников воздержание от мяса одушевленных существ, а также от некоторых видов пищи, препятствующих уму быть бодрым и чистым, словесное воздержание и полное молчание, применяемое в течение многих лет как средство сдерживания языка, и напряженное и неустанное внимание при изучении и освоении сложнейших основоположений (69) и ради этого отказ от вина, пост и короткий сон, пренебрежение к славе, богатству и тому подобному и неприятие этого, нелицемерное уважение старших, а в отношениях с родственниками — искреннее чувство равенства и благожелательность, внимательное участие и поддержка младших без чувства зависти [к их молодости], дружеское согласие всех со всеми: богов с людьми — через благочестие и умелое служение [людей богам], основоположений — друг с другом, и вообще дружеское согласие души с телом, а разумной ее части с неразумными[114] — через философию и осуществляемое в соответствии с ней

умозрение, людей — друг с другом, а именно сограждан — через твердую законность, граждан разных народов — через истинное знание природных свойств [чужого народа][115], мужа и жены или братьев и домочадцев — через неискаженные взаимоотношения, — одним словом, дружеское согласие всех со всеми[116] и еще с неразумными животными — через справедливость, природную взаимосвязь и общность, а в теле, которое как таковое смертно[117], умиротворение и улаживание разногласий скрытых в нем противоборствующих сил — через здоровье и обеспечивающие здоровье образ жизни и благоразумие в подражание благотворному согласию космических элементов.[118] (70) Первым, по общему признанию, открыл и утвердил как закон все это, называемое при сокращении и объединении в одно целое одним словом «дружба», Пифагор.[119] И вообще он был для тех, кто окружал его, первопричиной их наиболее благоприятного общения с богами наяву и через сны, каковая способность никогда не сохраняется у души, если она замутнена гневом или искажена печалью, наслаждением или какой-нибудь другой постыдной страстью и тем более такой тяжелейшей, клянусь Зевсом, и самой нечестивой из всех этих страстей — невежеством! От всех этих страстей он с величайшим искусством излечивал и очищал душу и воспламенял божественное начало в ней, спасал и переводил божественный взгляд души на умопостигаемые предметы, ибо, согласно Платону, это средство ее спасения лучше, чем десятки тысяч телесных очей.[120] Ибо только этому взгляду, напряженно всматривающемуся, усиленному подобающими ему вспомогательными средствами и развитому, открывается истина относительно всего сущего. Соотнося [свою деятельность] именно с этой целью,

производил он очищение мыслительной способности, и именно таков был у него тип воспитания, и направлен он был на это.

ГЛАВА XVII

(71) Так он воспитывал учеников. Когда к нему приходили новички и изъявляли желание учиться у него, он давал согласие не сразу, но лишь после того, как производил проверку и оценку их характера и способностей, сперва расспрашивая кого-нибудь о том, как они себя ведут с родителями и остальными домашними, затем сам наблюдая несвоевременный смех или молчание, разговорчивость сверх должной меры их самих, а также другие их порывы, каковы они, знакомых, которые у них были, и их общение с этими знакомыми, с кем они в основном проводят время и кто из встреченных ими людьми вызывает у них радость или огорчение. Кроме того, он наблюдал их внешний вид, и походку, и все телодвижения в целом и, распознавая их по отличительным признакам, свойственным их природе, обнаруживал по внешним проявлениям скрытый в душе нрав. (72) Того, кто выдерживал это испытание, он держал в ожидании еще три года, проверяя, много ли в нем твердости и истинной любви к учению и достаточно ли он укрепился в решении, чтобы презирать почести[121]. После этого он предписывал пришедшим пятилетнее молчание, испытывая их способность воздерживаться, так как молчание — наиболее трудный вид воздержания, каковое испытание назначают нам и те, кто учредил мистерии. К этому времени то, что было у каждого (я имею в

виду имущество), переходило в общую собственность и передавалось специально назначенным для этого лицам, которые назывались «политиками»[122], причем *некоторые* из них были и экономами, и законодателями [в общине][123]. Те же, которые после испытания их образа жизни и других нравственных достоинств признавались достойными участвовать в изучении основоположений, теперь, после пятилетнего молчания, становились эсотериками и, допущенные внутрь, слушали за завесой Пифагора,[124] созерцая его непосредственно; до этого же они, находясь по ту сторону завесы и ни разу не видя Пифагора воочию, просто слушали его речи все то время, пока их нравы на долгое время становились предметом испытания. (73) Если же они не выдерживали испытания и изгонялись, имущества они получали вдвое больше, чем внесли, а «совместно слушающие» (так называло себя окружение Пифагора)[125] насыпали им надгробный холм и, встречаясь с ними впоследствии, вели себя так, как будто перед ними кто-то другой, и говорили, что умерли те, которых они выдумали сами себе в надежде, что они станут прекрасными и добрыми благодаря учению, так как были убеждены, что тот, кто плохо организован и, так сказать, недокончен и бесплоден[126], плохо поддается обучению. (74) Если же кто-нибудь после вынесения ими о нем суждения на основании его внешнего вида, походки, других телодвижений и спокойных состояний и возникновения благих надежд на него, после пятилетнего молчания, после священнодействий и посвящений в тайны учения, происходивших благодаря столь серьезным занятиям, после стольких и таких сильно действующих способов отмывания от грязи и очищения души и продвижения вперед, возникшего от столь разнообразных видов созерца-

ния, благодаря которым у всех них души становились во всех отношениях чистыми и прозорливыми, продолжал оставаться все таким же нечувствительным и не связанным с другими, такому ставили некий обелиск, и насыпали там, где он учился, могильный холм (говорят, они сделали такое по отношению к Periллу из Фурий и Килону-эксарху из Сибариса[127], которых признали в конце концов негодными), и, изгнав его из «дома совместного слушания», давали ему в изобилии золота и серебра (ибо и это было у них общим[128] и распределялось между всеми членами общины некоторыми назначенными для этой цели людьми, которых они называли по их функции экономами[129]); и если они когда-нибудь встречались потом с этим человеком при других обстоятельствах, они считали его всем чем угодно, но только не тем, кем он был для них раньше, так как тот в их глазах умер.[130]

(75) Поэтому и говорит Лисид[131], браня некоего Гиппарха, разгласившего учение Пифагора среди непосвященных и липнущих к нему без изучения наук и без умозрения, следующее: «Рассказывают, что ты даже публично философствовал среди первых встречных, делая то, что Пифагор считал ниже своего достоинства и что ты, Гиппарх, вполне уяснил себе, однако не сдержался, благородный, отведав сицилийской роскоши, которой тебе не следовало поддаваться. Если ты переменился, буду рад за тебя, если же нет, ты умер для нас», а затем продолжает: «Ибо благочестивый должен был бы помнить о его наставлениях относительно божественного и человеческого и не делать блага мудрости общими с теми, кто еще не освободил душу от сна. Ведь непозволительно предлагать то, что добыто с трудом после стольких усилий, любому встречному, и не должен ты был разглашать тайны

обеих элевсинских богинь[132]. Кто поступает таким образом, равно враждебен правде и нечестив. (76) Полезно подсчитать, сколько времени мы потратили, чтобы очиститься от грязи, запечатлевшейся в наших сердцах, пока однажды по прошествии многих лет не сделались восприимчивы к его учению. Ведь подобно тому, как красильщики, предварительно очищая, протравливают перед крашением ткань плаща, чтобы она впитала краску так, что ее уже невозможно было бы смыть и чтобы она уже никогда не обесцветилась, поступал и сей божественный муж,[133] предварительно подготавливая души, возлюбившие философию, дабы не обмануться в ком-либо из тех, кого он надеялся сделать прекрасным и добрым. Ибо отыскивал он слова и источники мудрости, которые не были лживы, как у многих софистов, которые прельщают юношей, не обучая их никогда ничему хорошему, тогда как Пифагор был действительно сведущ в науках о божественном и человеческом. Они же, сделав свое обучение предлогом, делают много скверного, улавливая непорядочно и как попало молодых людей. (77) И поэтому обучают они слушателей плохо и наспех. Ведь они смешивают с неупорядоченными и запятнанными нравами теоретические положения и слова о божественном, как если бы кто-нибудь вливал в глубокий колодец, полный грязи, чистую и прозрачную воду. Ведь такой человек и грязь перемешал бы, и вода исчезла бы. Таким же образом поступают и те, кто так учит, и те, кто так учится. Ибо плотные и густые заросли окружают умы и сердца тех, кто, не пройдя очищения, посвящает себя занятиям науками. Эти заросли закрывают собой в душах все кроткое, нежное, разумное и мешают умозрительной способности расти открыто и выступать на первый план. Коснувшись этого

вопроса, назову и тех, кто насадил эти заросли: невоздержанность и корыстолюбие, они же обе имеют большое потомство. (78) От невоздержанности рождаются нечестивые браки, мотовство, пьянство, противоестественные удовольствия и некоторые необузданные желания, приводящие к пропастям и обрывам, так как некоторых уже вынудили эти желания вступить в связь с матерями или дочерьми и, заломив этим людям руки, как пленникам, силой привели и поставили их на край гибели, поправ, наподобие тираннов, государство и закон. От корыстолюбия же родились грабежи, разбой, отцеубийства, святотатства, отравления и все прочие сходные с ними преступления. Сначала нужно уничтожить материал, которым питаются эти страсти, очистить и избавить от стольких зол свободный разум огнем, железом и всеми возможными средствами, которые предоставляют науки, и лишь тогда насаждать в нем и предлагать ему что-нибудь полезное».[134]

(79) В столь великом и таком необходимейшем предварительном попечении о науках нуждается, как считал Пифагор, философия, и потому он придавал исключительное значение методу обучения и передачи своих философских положений и тщательнейшим образом реализовывал его, испытывая и распознавая умонастроение поступающих в учение при помощи разнообразных способов обучения и бесчисленных видов научного исследования.

ГЛАВА XVIII

(80) После этого расскажем о том, как он разделил отобранных им соответственно достоинству каждого. Ведь он не

считал правильным участие *всех* учеников во *всех* его беседах ввиду неодинаковости их природных данных. С другой стороны [считал он], было бы несправедливо, если бы одни присутствовали на всех самых важных занятиях, другие же не были бы ни на одном из них, так как это было бы нарушением принципа равенства и жизни сообща. Однако, передавая каждой отдельной группе ту часть своего учения, которая ей следовала, он уделял приличествующую долю и предоставлял помощь в освоении своего учения по возможности *всем*, потому что каждой отдельной группе предлагался курс наук, более всего соответствующий ее достоинству. Поэтому, назвав одних пифагорейцами, других — пифагористами[135], как мы называем одних аттическими авторами, а других — аттикистами[136], и так разграничив подобающим образом учеников, первых он сделал своими ближайшими учениками, вторым же определил быть ревностными их подражателями.[137] (81) Поэтому пифагорейцам он предписал иметь общее имущество и проводить все время вместе, живя бок о бок, остальным же — имущество иметь каждому отдельное, заниматься же в одном месте сообща.[138] Таким образом, эта преемственность двух способов обучения была установлена самим Пифагором.

Согласно другому толкованию, существовало два вида пифагорейской философии, потому что было два вида воспринимающих ее: одни назывались «акусматики», другие — «математики»[139]. Исходя из этого деления, иные признавали математиков пифагорейцами, акусматиков же — нет, и науку их считали наукой не Пифагора, а Гиппаса. О Гиппасе же одни говорят, что он был из Кротона, другие — из Метапонта.[140] (83) Философия акусматиков представляет собой изре-

чения без доказательств и без объяснений, почему именно так нужно делать, и остальное, поскольку оно было изречено «Тем»[141], они пытаются сохранять как божественные предписания и стараются показать, что сами от себя они ничего не говорят и не должны говорить, а самыми мудрыми среди них считаются те, которые знают наизусть больше всего подобных изречений. Все так называемые акусмы[142] делятся на три вида: одни отвечают на вопрос, что это такое, другие — что есть самое, третьи — что следует делать или не делать. Примеры первого вида: «Что такое острова блаженных?» — «Солнце и луна». «Что такое прорицалище в Дельфах?» — «Тетрактида, то есть гармония, в которой заключены сирены».[143] Примеры того, что есть самое: «Что самое праведное?» — «Жертвовать». «Что самое мудрое?» — «Число. Второе по достоинству — давать имена вещам».[144] «Что самое мудрое у наших соотечественников?» — «Искусство врачевания».[145] «Что самое прекрасное?» — «Гармония».[146] «Что самое сильное?» — «Мысль». «Что самое лучшее?» — «Счастье». «Какое высказывание можно считать самым правдивым?» — «Что люди злы». Поэтому, говорят, Пифагор и хвалил стихи поэта Гипподаманта с острова Саламин:

Боги, откуда такое, скажите, откуда случилось?
Люди, откуда, скажите, откуда злыми вы стали?

(83) Вот что представляют собой акусмы этого второго рода. Каждая из них решает вопрос, что́ есть самое. Мудрость этих акусм — та же самая, что и мудрость, приписываемая семи мудрецам[147]. Ведь и те исследовали не что такое благо [«хорошее»], но что является лучшим, не что трудно, но что самое трудное (а самое трудное — познать себя самого), не

что легко, а что самое легкое (самое легкое — жить по привычке). Итак, акусмы этого рода, вероятно, подражают мудрости семи мудрецов, ведь эти последние жили раньше Пифагора. А вот примеры акусм, которые решают вопрос, что́ следует делать или не делать, например: «Следует обзавестись потомством (ибо следует оставить после себя тех, кто будет вместо тебя служить богу)». Или: «Первой подвязывать *правую* сандалию».[148] Или: «Не следует ходить торными дорогами, не следует окунать руку в сосуд с водой для освящения, не следует мыться в общей бане», (84) так как во всех этих случаях неизвестно, чисты ли те, вместе с кем ты это делаешь. А вот другая: «Ни с кого не снимать его ношу (ибо не нужно становиться причиной чужого безделья), но, напротив, помогать ее взваливать». «С женщиной, имеющей на себе золото, для детопроизводства не сходиться».[149] «Не говорить без света».[150] «Ради хорошей приметы совершать возлияние богам через ушко сосуда, и чтобы никто не пил с этой стороны».[151] «На перстне в качестве печати изображения божества не носить, чтобы не осквернять его, так как это образ, который нужно хранить в жилище».[152] «Свою жену не нужно преследовать, потому что она — просительница, поэтому и от очага отца уводим ее к своему очагу, и правой рукой берем».[153] «Не приносить в жертву белого петуха, так как он — проситель и посвящен Месяцу, вследствие чего и указывают время петухи».[154] «Спрашивающему совета давать самый лучший, ибо совет священен». «Благом являются труды, наслаждения же во всех отношениях — зло, потому что пришедшие для наказания должны быть наказаны».[155] «Приносить жертву и подходить к алтарю нужно необутым». «В храм не следует заходить по пути, ибо не нужно рассматривать

5 1057

службу божеству как нечто второстепенное». «Если стойко сражаешься и получил рану спереди, смерть — благо, если поступаешь наоборот, она позорна». «Только в тех животных, которые предназначены для жертвы, не входит душа человека. Поэтому тем, кому это приличествует, следует есть лишь жертвенных животных, других же животных не трогать».[156] Таково содержание одних акусм, другие подробно рассказывают о жертвоприношениях — как нужно совершать их в то или иное время, и о других почестях богам, о переселении из земной жизни[157], о погребении, как нужно предавать земле. (86) В некоторых акусмах поясняется, почему нужно так делать, например, нужно производить потомство, чтобы оставить после себя тех, кто будет служить богам вместо тебя, в других же нет никаких дополнительных пояснений. И, по-видимому, некоторые пояснения возникли изначально, другие же прибавлены позже, как, например, пояснение, что не нужно преломлять хлеб потому, что это не приносит пользы человеку на суде в Аиде. Прибавленные же к акусмам предположительные объяснения вещей такого рода принадлежат не пифагорейцам, а некоторым чуждым их учению людям, которые изощряются в выдумках и приспосабливают к акусмам предположительные объяснения вроде того, о котором только что шла речь: почему не следует преломлять хлеб. Ибо одни говорят, что не следует потому, что не нужно делить то, что объединяет людей (в древности по обычаю варваров все друзья ели от одного хлеба), другие — что не следует потому, что не нужно производить зловещего предзнаменования преломлением и поеданием того, что служит началом единства.[158]

Но все, что у них разделяется на то, что нужно делать или не нужно делать, нацелено на божественное, и таков был их

принцип, и вся жизнь у них сводилась к следованию богу, и таков же был смысл их философии. (87) Ведь смешно поступают люди, ищущие источник блага где-то в другом месте, а не у богов, и это похоже на то, как если бы какой-нибудь человек в стране, где правит царь, стал служить какому-нибудь начальнику из граждан, подчиняющемуся царю, пренебрегая тем, кто начальствует над всеми. Ибо именно так, по мнению пифагорейцев, и поступают люди. Ведь если есть бог и он — господин над всеми, нужно, по их единодушному мнению, просить добра у господина, потому что всех тех, кого любят и кому рады, наделяют благами, а с теми, к кому относятся противоположным образом, поступают наоборот.

Такова мудрость акусматиков. Был среди них некто пифагореец I иппомедон из Асины Арголидской, который утверждал, что Пифагор приводил пояснения и доказательства всех этих акусм, но так как их передавали друг другу многие и при этом все менее и менее, чем их предшественники, понимавшие смысл, то изречения в конце концов лишились его и остались лишь одни трудные для понимания слова. Те же из пифагорейцев, которые относятся к математикам, не только соглашаются, что эти изречения — пифагорейские, но и сами добавляют к ним еще больше и то, что добавляют от себя, считают истинным. Причина же расхождений, по их мнению, такова. (88) Пифагор прибыл из Ионии и Самоса в то время, когда тиранном там был Поликрат, во времена расцвета Италии, и сблизился с влиятельными людьми полисов. А так как эти люди были преклонного возраста и не могли посещать его школу из-за того, что были заняты общественными делами, то, поскольку ему было затруднительно давать им уроки

и разъяснения, он излагал им свои положения бездоказательно, полагая, что ничуть не менее полезно и без выяснения причины знать, что следует делать, подобно тому как, например, больные, хотя им и не объясняют, почему с ними обращаются так или иначе, тем не менее выздоравливают. Когда же Пифагор общался с людьми помоложе и теми, которые были способны к труду и учению, он давал таким уроки и разъяснения. Поэтому непонятные изречения исходят от старших, а понятные — от более молодых учеников Пифагора. Что касается специально Гиппаса, то он, поскольку был из числа пифагорейцев и поскольку разгласил тайну и первым изобразил шар, состоящий из двенадцати пятиугольников, погиб в море как нечестивец, хотя и приобрел славу первооткрывателя,[159] однако все это изобретено «тем человеком» (так пифагорейцы указывают на Пифагора, не называя его по имени). (89) Пифагорейцы рассказывают, что тайна геометрии вышла наружу следующим образом. Один из пифагорейцев лишился имущества, и так как для него это было несчастьем, ему позволили заниматься землемерием. Геометрия же называлась у них «наукой от Пифагора»[160]. Итак, вот что мы выяснили о различии обоих родов занятий и обоего рода слушателей Пифагора. Действительно, тех, которые слушали его за завесой, и тех, которые слушали его, отделенные ею от него, тех, которые слушали, видя его, или тех, которые слушали его без лицезрения, тех, которые подразделялись на «находящихся внутри» и «находящихся вовне», до́лжно воспринимать не иначе, как две описанные нами разновидности[161], а политиков, и экономов, и законодателей следует поместить среди них же.[162]

ГЛАВА XIX

(90) Вообще же стоит посмотреть, какое множество способов обучения находил Пифагор и в зависимости от природы и способностей каждого человека передавал ему соответствующую долю мудрости. Ярчайший же пример следующий. Когда к нему пришел Абарид, скиф из страны гиперборейцев[163], незнакомый с эллинским образованием, непосвященный и уже достигший преклонного возраста, Пифагор не стал приобщать его к своему учению с помощью разнообразных видов умозрения, но вместо пятилетнего молчания и стольких же лет слушания лекций и других испытаний сразу подготовил его к слушанию основоположений и с помощью одного своего сочинения, «О природе», и другого, «О богах»,[164] в кратчайший срок обучил его. (91) Ведь Абарид прибыл из страны гиперборейцев, где он был старшим и самым опытным в богослужении жрецом Аполлона, направляясь из Эллады в свою страну, чтобы положить в гиперборейский храм в дар богу собранное золото.[165] Оказавшись же по пути в Италии и увидев Пифагора, он тщательно сопоставил его вид с обликом бога, которому служил, и, убедившись, что перед ним не кто иной как Аполлон, и не просто человек, похожий на Аполлона, но воистину он сам[166], что жрец определил глазами по его величественному виду и умом — по тем отличительным признакам, которые познал раньше при служении Аполлону, отдал Пифагору стрелу, с которой отправился в путь из храма, надеясь, что она будет ему полезной при преодолении преград, которые встретятся во время столь долгого странствования. Ибо он, сев на нее, преодолевал непроходимые места — реки, озера, болота, горы и другое и,

как передают, обращаясь к ней со словами, производил очищения, изгонял чуму, отводил бури от городов, заслуживающих того, чтобы им была оказана помощь.[167] (92) В самом деле, мы знаем, что Лакедемон после произведенного им в этой земле очищения уже не заражался чумой, тогда как прежде эта болезнь часто поражала его из-за тяжелого воздуха в том месте, где он расположен: над ним возвышаются Тайгетские горы, рождающие сильное давление[168]. Абарид также очистил и Кносс на Крите. Приводят и другие примеры Абаридовой способности очищать. Пифагор же, приняв стрелу и не удивясь ей и даже не спросив, почему тот дарит ее, но ведя себя так, как будто он действительно бог, и в свою очередь, отведя Абарида в сторону, показал свое бедро из золота, безобманную примету,[169] перечислив ему одно за другим все, что хранится в храме Аполлона у гиперборейцев, и представив тем самым убедительное подтверждение правильности уподобления его Аполлону, прибавил, что он пришел для служения и делания добра людям, а образ человека принял для того, чтобы они не смутились и не стали бы избегать обучения у него, почувствовав отчуждение к высшему существу. Затем он велел Абариду остаться и помогать ему исправлять души учеников, золото же, которое тот собрал, приобщить к имуществу его учеников, которые под влиянием его речей поступали таким же образом, дабы подкрепить основоположение, гласящее «у друзей все общее», делом. (93) Когда он остался вследствие происшествия, которое мы только что описали, Пифагор в сжатом виде изложил ему учение о природе и о богах и вместо искусства наблюдения за внутренностями жертвенных животных научил его способности предвидения с помощью науки чисел, полагая, что она —

более ясная, более возвышенная и более родственная числам богов[170]. Пифагор также дал Абариду и другие соответствующие его природе наставления. Но вернемся к тому, о чем шла речь: к тому, как Пифагор стремился исправить нрав каждого человека по-разному, в зависимости и от природы, и от возможностей этого человека. Итак, все его подобные приемы в памяти людей не сохранились, да и о тех, что сохранились, рассказать нелегко. (94) Мы приведем лишь немногие и самые известные образцы пифагорейского метода обучения и сохранившиеся воспоминания об образе жизни этих мужей.

ГЛАВА XX

Итак, проводя испытание, первое, на что он обращал внимание, это могут ли поступающие в учение «хранить безмолвие» (ибо именно этим термином он пользовался[171]), и наблюдал, способны ли учащиеся молчать и хранить в тайне все, что ни услышат, затем, скромны ли они; и он больше ценил в них стремление молчать, чем говорить. Наблюдал он и за всем остальным в их поведении: не отдаются ли они безоглядно страстям и желаниям, и всегда обращал пристальное внимание на подобные вещи, например, как они проявляют себя в гневе или когда вожделеют чего-либо, склонны ли к ссорам и честолюбивы или нет и как ведут себя при вражде или дружбе с кем-либо. Когда же, внимательно рассмотрев все это, он приходил к выводу, что они пригодны благодаря своим хорошим нравам, он проверял после этого их способности к заучиванию и запоминанию: во-первых,

могут ли они быстро и осмысленно схватывать сказанное, во-вторых, сопутствует ли [этому схватыванию] некое любовное и целомудренное отношение к тому, чему их учат (ἀγάπησις καὶ σωφροσύνη πρὸς τὰ διδασκόμενα). (95) Ибо он исследовал предрасположенность их природы к смягчению, называл же он это [действие смягчения] «укрощением»[172]. Дикость же он считал несовместимой с подобным направлением, потому что дикость влечет за собой бесстыдство, непристойность, распущенность, бестактность, непонятливость, неподчинение власти, непочтительность и другие, связанные с ней и противоположные мягкости и кротости, пороки. Итак, при испытании он исследовал именно эту предрасположенность к смягчению, развивал ее в учениках посредством упражнений, отделял приспособленных к восприятию благ исходящей от него мудрости и таким путем стремился возвести их к достоверному знанию. Если же он видел, что человек неприспособлен к этому [воздействию], он отказывал ему, словно тот был иноплеменник и чужеземец.

ГЛАВА XXI

Вслед за этим я расскажу о повседневных занятиях, к которым он приучал своих последователей, ведь они, ведомые им вперед, поступали согласно его указаниям так. (96) Утренние прогулки эти мужи совершали в одиночестве и в таких местах, в которых была подобающая тишина и безлюдность, где храмы, и священные рощи, и что-нибудь другое, отрадное для души.[173] Ибо они считали, что не следует встре-

чаться с кем-либо, прежде чем не приведешь в порядок собственную душу и не настроишь на соразмерный лад разум. Разум же отлаживает именно такая тишина. Они понимали, что он приходит в смятение, если тотчас, встав с постели, идешь толкаться среди шумной толпы. Именно поэтому все пифагорейцы выбирали всегда места, считающиеся наиболее священными. И лишь после утренней прогулки они вступали в общение друг с другом, чаще всего в храмах; если же не там, то в подобных местах. Это время они использовали для обучения, заучивания и исправления своего нрава. (97) После такого времяпрепровождения они начинали заниматься уходом за телом. Большинство натиралось маслом и участвовало в беге, меньшинство же занималось также и борьбой в садах и в рощах, а иные даже делали упражнения с гимнастическими гирями или вели кулачный бой с воображаемым противником, выбирая упражнения, необходимые для увеличения телесной силы.[174] На завтрак они ели хлеб и мед или медовые соты, вина днем не пили. Время после завтрака они посвящали внутренним делам государственного домохозяйства (τὰς πολιτικὰς οἰκονομίας) и внешним, связанным с чужеземцами, — в соответствии с установленными законами, так как со всем этим они хотели управиться после завтрака. В пополуденное время они снова отправлялись на прогулку, но не порознь, как утром, а вдвоем или втроем, припоминая уроки и посвящая себя прекрасным занятиям. (98) После же прогулки они совершали омовение и, омывшись, встречались за совместной трапезой, причем за одной возлежали не более десяти человек.[175] Когда все сотрапезники были уже в сборе, совершали возлияния, приносили в жертву начатки плодов и кадили ладаном. Затем приступали к обеду, чтобы

закончить его до захода солнца. На обед были вино, лепешки и хлеб, закуска, вареные и сырые овощи.[176] Подавалось и мясо, но лишь жертвенных животных[177]. Блюда из морских рыб бывали редко, так как некоторые из них по каким-либо причинам считались вредными. (99) После такого обеда совершались возлияния[178], затем — чтение вслух. Обычно читал самый младший, а самый старший указывал, что нужно читать и как нужно читать. Когда же собирались уходить, виночерпий наливал вина для возлияния, а старший из тех, кто их совершал, произносил следующие заповеди: «Нежному и плодоносному растению не вредить и не губить его, равно как и живому существу, если оно не вредит человеку, не причинять вреда и не губить его».[179] (100) Еще кроме этого: «По отношению к роду божеств, демонов и героев иметь благосклонное и благочестивое расположение мыслей,[180] равно как и по отношению к родителям и благодетелям».[181] «Закону помогать, с беззаконием воевать».[182] После этих слов все расходились по домам. Одежда у них была белая и чистая, постельная ткань — тоже. Простыни были из льна, так как тканью из овечьей шерсти они не пользовались.[183] Охоту они не одобряли и к такому виду упражнений не прибегали.[184] Итак, вот каковы были предписания относительно пищи и времяпрепровождения для большинства пифагорейцев, которые надо было выполнять ежедневно.

ГЛАВА XXII

(101) Известен и другой способ воспитания — посредством «пифагорейских изречений», тех, которые касаются

образа жизни и человеческих предубеждений, из множества которых приведу лишь немногие. Пифагорейцы призывали изгонять из истинной дружбы дух соперничества и вражды, лучше всего из любого вида дружбы, если это возможно, если же нет — то по крайней мере из дружбы с родителями и вообще со старшими, точно так же и из дружбы с благодетелями.[185] Ибо спорить и ссориться с родителями и благодетелями под влиянием нахлынувшего гнева или какой-нибудь другой такой же страсти не приносит пользы существующей дружбе. Они говорили, что душевных царапин и ран при дружбе надо наносить друг другу как можно меньше. Это происходит, если умеют уступать и смирять свой гнев оба, но более всего, если это делает младший, какое бы из указанных выше положений он ни занимал[186]. Исправления и вразумления младших старшими, которые они называли «стреноживанием»[187], должны делаться, по их мнению, с большой благожелательностью и осторожностью, и старшим при вразумлении нужно проявлять много заботливости и родственного чувства. Тогда вразумление будет прекрасным и полезным. (102) Из дружбы никогда не нужно изгонять доверия — ни во время игры, ни во время занятий. Ведь трудно сохранять установившуюся дружбу в прежнем виде, если однажды в нравы тех, кто называет себя друзьями, вкрадется ложь. Не нужно отказываться от дружбы из-за несчастья или каких-нибудь других помех, если они возникнут в нашей жизни, но лишь по причине полного разочарования в друге и в дружбе с ним, происшедшего из-за большой испорченности и неисправимости друга. Итак, вот каков был тип исправления, совершавшийся у них посредством изречений [Пифагора] и распространяющийся на все добродетели и на жизнь в целом.

ГЛАВА XXIII

(103) Важнейшим же способом обучения у него был способ обучения посредством символов. Ведь этот способ, оттого что он был древнейшим, применялся и почти всеми эллинами, но в исключительно разнообразных формах преобладал он у египтян. По той же причине обнаружил бы и у Пифагора великое радение об этом способе тот, кто ясно расчленил бы образы пифагорейских символов и постиг их сокровенный смысл, увидев, сколь много правильного и истинного содержится в них, если обнажить и освободить их от иносказательности и сродниться путем простого и незамысловатого изложения смысла с величием дўши этих философов и их превышающей человеческое понимание божественностью (104) Ведь и те, кто непосредственно принадлежал к школе, особенно самые старшие и жившие в одно время с Пифагором, а также учившаяся у Пифагора-старца молодежь, то есть Филолай и Еврит, Харонд и Залевк, Брисон и Архит-старший, Аристей и Лисид, Эмпедокл и Замолксис, Эпименид и Милон, Левкипп и Алкмеон, Гиппас и Фимарид[188] и все те, которые были их современниками, — множество разумных и выдающихся мужей, свои рассуждения и беседы друг с другом, воспоминания и заметки, сами сочинения и все, что было ими издано, большинство из которого сохранилось до наших дней, не стремились посредством обиходных, банальных и для всех остальных привычных выражений сделать понятными для предварительно не подготовившихся слушателей, чтобы те могли сказанное ими постичь сразу, но, согласно предписанному им Пифагором умолчанию о божественных таинствах, прибегали к загадочным для непос-

вященных способам выражения и скрывали с помощью символов истинный смысл своих диалогов и сочинений. (105) И если бы кто-нибудь собрал эти символы сами по себе, не раскрыв их смысла и не снабдив их серьезным толкованием, излагаемое показалось бы читателям смешным и похожим на старушечью болтовню, полным вздора и пустословия. Но если эти символы будут раскрыты сообразно их природе и станут для многих вместо темных ясными и чистыми, они уподобятся каким-то велениям и оракулам Аполлона, и обнаружат достойный удивления ум, и вселят в истинных любителей учености божественное вдохновение Стоит упомянуть немногие из них, чтобы дать более ясное понятие о подобном способе обучения. «Мимоходом не следует ни входить в храм, ни вообще поклоняться богам, даже если окажешься возле самых дверей»[189]; «Приноси жертвы и молись босым»[190]; «Избегая торных дорог, ходи тропинками»[191]; «О пифагорейских вещах без света не говори». Таков, в общих чертах, был способ его обучения посредством символов.

ГЛАВА XXIV

(106) Так как и пища, когда ее принимают правильно и разборчиво (καλῶς καὶ τεταγμένως), весьма содействует тому, чтобы обучение осуществлялось наилучшим образом, рассмотрим некоторые предписания Пифагора и относительно нее. Из видов пищи он полностью отвергал такие, которые производят ветры и беспорядок в желудке, а противоположные им, которые действуют на тело успокаивающе и смиряют его, напротив, рекомендовал и советовал употреблять. Поэтому

он считал годным в пищу даже просо. Совсем он отвергал виды пищи, враждебные божественной природе, поскольку они мешают нам сделаться своими для богов (ἀπάγοντα ἡμᾶς τῆς πρὸς τοὺς θεοὺς οἰκειώσεως). С другой стороны, он призывал усиленно воздерживаться от употребления тех ее видов, которые считаются священными, так как они достойны почитания, а не обыкновенного их поедания людьми. Он также призывал остерегаться той пищи, которая мешает способности предвидеть будущее, или чистоте и непорочности души, или сохранению благоразумия и добродетели. (107) И те виды пищи, которые враждебны непорочному состоянию и замутняют как другие проявления душевной чистоты, так и те, которые имеют место в представлениях, возникающих во время снов[192], он отвергал тоже. Эти предписания относительно пищи он установил для всех, отдельным же наиболее преуспевшим в созерцании и потому достигшим высших ступеней знания философам он запретил раз и навсегда ненужные им и неправедные виды пищи, предписав им никогда не есть мяса одушевленных существ, совсем не пить вина, не приносить в жертву богам животных и ни в чем не причинять им вреда, но, напротив, заботливейшим образом соблюдать справедливость и по отношению к ним.[193] (108) И сам он жил таким же образом, воздерживаясь от употребления в пищу животных и принося бескровные жертвы, стараясь и чтобы другие не уничтожали родственных нам живых существ, а также делая диких животных более благоразумными и укрощая их словом и делом, а не причиняя вреда битьем[194]. Даже тем государственным лицам, которые занимались специально законодательством, предписал он воздерживаться от мяса одушевленных существ, ибо те, которые хотят поступать в

высшей степени по справедливости, конечно же, не должны причинять вреда родственным нам живым существам, потому что как те смогли бы убедить других совершать справедливые поступки, сами объятые жаждой излишеств? Родственная же близость к нам животных, которая возникает благодаря единству жизни, самих ее частиц и образованных из этих частиц соединений, связывает нас друг с другом как бы братской связью. (109) Однако другим ученикам, тем, чья жизнь не была совершенно чистой и праведной, полной любви к мудрости, он разрешил питаться мясом некоторых животных.[195] Но и им назначил определенное время для воздержания. Предписал им не есть ни сердца, ни головного мозга и воздерживаться от их поедания всем пифагорейцам, так как сердце и мозг руководят и как бы организовывают доступ к мышлению и жизни и служат неким их основанием.[196] Отвергал же он эти виды пищи из-за природы божественного разума. Так и мальву запретил он есть, потому что она — первый вестник и указатель тяготения небесного к земному,[197] и рыбы чернохвостки советовал не есть, так как она посвящена подземным богам, и рыбы краснушки тоже не вкушать — по какой-то другой сходной причине.[198] И «не касаться бобов» — по многим божественным, природным и имеющим отношение к душе причинам.[199] И другое в этом роде, подобное вышеизложенному, предписал он, начиная вести людей к добродетели через правильное питание.

ГЛАВА XXV

(110) Он полагал, что и музыка во многом содействует здоровью, если пользоваться ею соответственно подобающим

ладам. Ибо он имел обыкновение применять подобный вид очищения не как второстепенный, ведь именно этот вид очищения он называл «музыкальным исцелением». В весеннюю пору он практиковал вот какое исполнение песен: усаживал посередине кого-нибудь играющего на лире, а вокруг садились искусные в пении, и так, пока тот играл, они пели какие-нибудь пеаны[200], благодаря которым они, по их убеждению, проникались радостью, гармонией и ритмом. Сами же ученики использовали музыку как лечебное средство и в другое время, и одни мелодии были против того, что порождает угнетенное состояние души, против уныния и терзаний, придуманные как средство, более всего предохраняющее от них, а другие, наоборот, — против злобных и гневных порывов и против любого изменения подобной [разгневанной] души; был изобретен ими и еще один род музыкальных произведений — против влечений.[201] Исполнялись под аккомпанемент лиры и пляски, потому что флейты, по мнению Пифагора, имеют звучание резкое, торжественно-манерное (πανηγυρικόν) и нисколько не благородное. Для исправления души использовались также стихи из Гомера и Гесиода. (112) Говорят, что Пифагор и на деле унял однажды с помощью флейтиста спондеической мелодией[202] бешенство пьяного юноши из Тавромения, ночью ломившегося к возлюбленной через ворота соперника [у которого она была] и намеревавшегося их поджечь, потому что он был распален и взбудоражен фригийским напевом флейты. Пифагор очень быстро остановил это. Сам он случайно в поздний час наблюдал за ночным небом и убедил флейтиста [сопровождавшего юношу] перейти на спондеический ритм, благодаря чему юноша, быстро успокоившись, в пристойном виде отправился домой, тогда как

раньше даже не подпускал к себе и просто не хотел слышать обращенных к нему разумных доводов, более того, безрассудно не замечал оказавшегося рядом Пифагора.[203] (113) Эмпедокл же, когда однажды один юноша уже поднял меч против его гостеприимца Анхита, потому что тот на суде приговорил к смерти отца юноши, и бросился, будучи вне себя от гнева, чтобы поразить мечом приговорившего его отца к смерти, словно Анхит был убийцей, настроил лиру, которая была у него под рукой, и, исполнив какой-то смягчающий и умиротворяющий напев, тотчас, по слову поэта, влил соку «гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье бедствий дающего»[204] и спас своего гостеприимца Анхита от смерти, а юношу — от убийства. (114) Рассказывают, что после этого случая юноша стал крупнейшим из приверженцев Эмпедокла. Кроме того, вся пифагорейская школа производила то, что они называли «настраиванием», «слаживанием» (συναρμογὰν) и «смягчением»[205]. Отходя ко сну, они освобождали разум от смятения и шума, царящего в нем после проведенного дня, некоторыми напевами и специальными мелодиями и таким путем обеспечивали себе спокойный, с немногочисленными, но приятными сновидениями, сон, а встав ото сна, снимали сонную вялость и оцепенение с помощью другого рода мелодий. Иногда это были песни без слов. Бывало, что они устраняли некоторые болезни и страдания, как говорят, и в самом деле сопровождая пение магическими словами (ἐπᾴδοντες), и, вероятно, отсюда и вошло в употребление это понятие — «заклинание» (ἐπῳδή). Таким образом, Пифагор применил весьма полезный способ исправления человеческих нравов и образа жизни людей с помощью музыки. (115) Раз уж мы здесь повествуем о мудрости Пифагора-воспитателя,

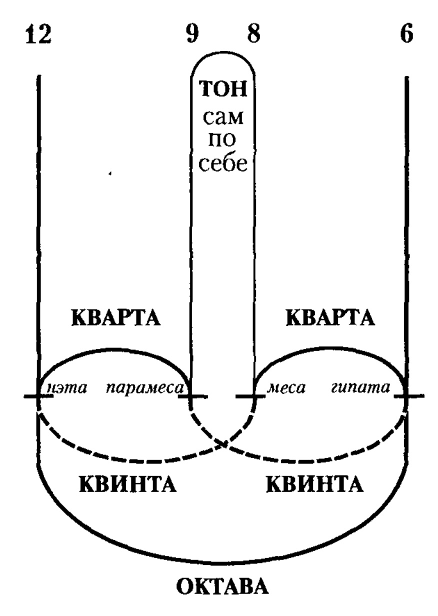
6 1057

есть смысл рассказать по порядку и о том, что стоит близко к нашей теме: как открыл он законы гармонии и гармонические отношения между звуками. Начнем несколько издалека.

ГЛАВА XXVI

Пребывая однажды в состоянии озабоченности и напряженного размышления, не сможет ли он придумать для слуха какое-нибудь подспорье, надежное и не вводящее в заблуждение, как, например, придумали для глаза измерение с помощью циркуля или прави́ла и, конечно же, диоптры, для осязания — взвешивание на весах и систему мер, Пифагор, прогуливаясь как-то возле кузницы, по какой-то счастливой случайности прислушался к ударам молотков, кующих железо на наковальне и издающих попеременно друг за другом гармоничнейшие звуки, кроме одного парного сочетания. Он различил в них созвучие, возникающее при всех ударах[206], затем при каждом пятом и каждом четвертом[207]; промежуток же между двумя последними интервалами сам по себе не образовывал созвучия, но, вписываясь иначе в их отношение, довершал общее созвучие. (116) Радуясь, словно догадка была внушена ему богом, он вбежал в кузницу и, проделав самые разнообразные опыты, установил, что различие звуков зависит от массы молотков, а не от силы удара и формы пятки у молотка и не от изменения положения железа, которое ковали. Точно определив вес молотков и то, что наклонение их при ударе происходит совершенно одинаково, он удалился к себе домой и, привязав к одному-единственному гвоздю, вбитому под углом в стену (чтобы и в этом не было никакого

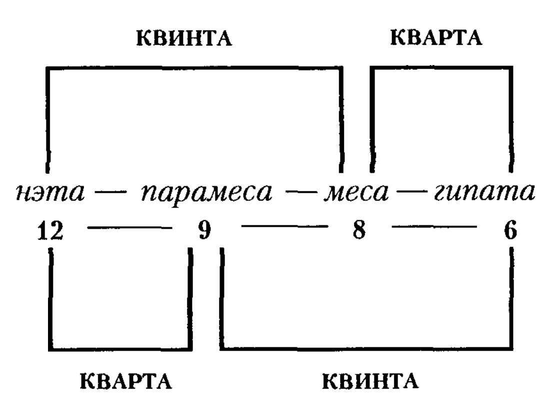
различия или чтобы вообще не учитывать различий между несколькими гвоздями), четыре струны из одинакового материала и равного числа элементов, имевшие одинаковую толщину и направленные в одну сторону, расположил эти струны одну вслед за другой, подвесив к ним снизу разный по количеству груз, но сохранив при этом совершенно равную их длину. (117) Затем, ударяя поочередно по паре струн, он нашел созвучия, о которых говорилось выше, — в каждой паре струн они были различными. Он установил, что между струной, к которой прикреплен самый большой вес, и струной, к которой прикреплен наименьший вес, образуется интервал в октаву, так как к первой было подвешено 12 гирек, а ко второй — 6. Он открыл, что октаве свойственно отношение 2:1, что подтверждало и весовое соотношение гирек.[208] Между струной с самым большим весом и ближайшей к той, которая была самой легкой по весу, имевшей 8 гирек, было полуторное отношение и интервал в квинту; в полуторном отношении находились и подвешенные к ним тяжести.[209] Между струной с самым большим весом и следующей, к которой был прикреплен вес, больший, чем к двум предыдущим, а именно 9 гирек, интервал был в квинту аналогично тяжестям.[210] Таким путем он обнаружил отношение 4:3 и одновременно то, что эта струна находится со струной с наименьшим весом в полуторном отношении, (118) так как 9 относится к 6 именно так.[211] Равным образом струна, следующая за струной с наименьшим весом, к которой было прикреплено 8 гирек (= меса), образовывала с ней, имевшей 6 гирек (= гипата), отношение 4:3, а с той, которая имела их 12, находилась в полуторном отношении[212]. Промежуток между квинтой и квартой, на который квинта больше

кварты, он обнаружил в отношении 9:8, в котором находилась струна с девятью гирьками и струна с восемью[213]. И с той и с другой стороны, от квинты и кварты, открылся звукоряд в октаву: если начинать с квинты, то *квинта* в соединении с квартой давала октаву — так же, как двойное отношение составляется из полуторного и отношения 4:3, что показывает и соотношение чисел 12, 8 и 6 между собою,[214] — или, если начинать наоборот с кварты, то теперь уже *кварта* в соединении с квинтой давала октаву — так же, как двойное отношение и на этот раз составляется из отношения 4:3 и полуторного [но поменявшихся местами], что и показывает соотношение чисел 12, 9 и 6 между собою.[215]

Усовершенствовав руку и слух на определении весов и звуков и открыв их соотношения, он искусно перенес общее для всех струн крепление с вбитого под углом гвоздя на ту часть инструмента, которую он назвал хордотоном[216], а необходимое натяжение струн, аналогичное подвешиваемым когда-то тяжестям, производили теперь размеренно поворачивающиеся в верхней части инструмента колки. (119) Пользу-

ясь таким образцом и как бы безошибочным указателем[217], он распространил впоследствии свой опыт на самые разные инструменты: цимбалы, флейты, свирели, монохорды[218], тригон[219] и похожие на них и нашел во всех них отношения гармонии и неизменные числовые соответствия. Назвав звук, связанный с числом 6, гипатой[220], звук, которому соответ-

ствует число 8 и который находится в отношении 4:3 к гипате, — месой[221], следующий за месой, выражающийся числом 9 и звучащий тоном выше, чем меса (таково именно отношение 9:8), — парамесой[222], а тот звук, которому соответствовало число 12, — нэтой[223] и заполнив промежутки аналогичными звуками согласно диатонической последовательности[224], он подчинил таким образом октахорд[225] числовой гармонии, наблюдающейся при отношениях 2:1, 3:2, 4:3 и отличном от них отношении 9:8. (120) Таким образом обнаружил он в диатонической последовательности тонов продвижение с некоей естественной необходимостью от самого низкого звука к

самому высокому. Отсюда же, из диатонического наклонения, вывел он и хроматическое и энгармоническое наклонение, о чем можно будет рассказать, когда речь пойдет специально о музыке.[226] Диатоническое же наклонение являет следующие ступени и такое естественное продвижение: полутон, тон, затем еще тон, и это есть кварта, соединение двух тонов и так называемого полутона. Затем, с прибавлением другого тона, вставленного в середину, образуется квинта, соединение трех тонов и полутона. Затем после этого следуют полутон, тон и еще тон — другая кварта, то есть другое отношение 4:3. Поэтому у более древнего гептахорда[227], начиная с самого низкого звука, все четвертые друг от друга звуки образовывали созвучие через весь звукоряд в кварте, так как полутон при переходе занимал соответственно первое, среднее и третье места тетрахорда, в пифагорейском же октахорде (121) либо в результате соединения тетрахорда с пентахордом, либо соответственно несовпадению двух тетрахордов, отделенных друг от друга тоном, от самого низкого звука к самому высокому будет наблюдаться продвижение такого рода, что каждый пятый из звуков образуют друг с другом созвучие и интервал в квинту, так как полутон в результате последовательного перехода занимает первое, второе, третье и четвертое места. Вот так, рассказывают, открыл он теорию музыки и, подчинив ее определенным законам, передал ученикам в как нельзя более прекрасном виде.[228]

ГЛАВА XXVII

(122) Восхваляют многое и из того, что сделали в общественной жизни близкие к нему люди. Ибо говорят, что ког-

да у жителей Кротона вошло в обычай совершать пышные выносы и погребения, один из пифагорейцев сказал народу, что он слышал рассуждение Пифагора о богах, говорившего, что Олимпийские боги обращают внимание не на большое количество жертв, а на душевное расположение жертвующих,[229] подземные же боги, напротив, из-за того, что им досталась по жребию низшая доля, радуются битью в грудь и рыданиям, а также постоянным возлияниям и приношениям на могилу и заупокойным жертвам, совершаемым с большой расточительностью. (123) Вот почему Аида из-за его склонности к принятию проявлений такого рода называют Плутоном[230], и тем, которые скромно воздают ему честь, он позволяет оставаться наверху в мире[231] долгое время, а когонибудь из семьи тех, которые бывают расточительны при проявлениях горя, он всегда сводит под землю, чтобы достичь почестей при поминовении усопшего. После такого наставления у слушавших возникло убеждение, что они сохранят свою жизнь, если будут умеренными в горе, если же станут проявлять неумеренную расточительность в почитании умерших, все погибнут раньше срока, отведенного судьбой. (124) Другой пифагореец, взяв на себя роль третейского судьи в деле, где не было свидетелей, прогуливаясь отдельно то с одним из ведущих тяжбу, то с другим, в обоих случаях остановился возле какого-то надгробного памятника и сказал, что лежащий здесь был в высшей степени достойным человеком. После того как один из тяжущихся сказал об умершем много добрых слов, а другой лишь спросил: «Ну и как, ему от этого прибыло?», пифагореец подумал и склонился на сторону того, который восхвалял добронравие умершего. Другой же пифагореец, взяв на себя роль третейского судьи в боль-

шом деле, приговорил одного из тяжущихся уплатить четыре таланта, другого — получить из них два, отсудил у него в пользу первого три, сам же, казалось, дал каждому по таланту.[232] Когда два каких-то человека, замыслив обмануть ломбардщицу, оставили у нее плащ, договорившись с ней, что она не о́тдаст его кому-нибудь одному из них, пока они не явятся за ним оба, но впоследствии просчитались, и взял то, что они оставили вместе, один, сказав, что другой разрешил ему это сделать, второй же, который не пришел, подал на ломбардщицу в суд и рассказал судьям о первоначальном условии [якобы нарушенном ломбардщицей, отдавшей плащ одному, а не обоим], пифагореец, взявшийся быть судьей в этом деле, [разгадав их замысел] постановил, что если они явятся вместе, женщина выполнит договор.[233] (125) Два других человека, казалось, были очень дружны между собою, но один стал молча подозревать другого, потому что какой-то из его прихлебателей сказал ему, что тот соблазнил его жену. Один из пифагорейцев случайно зашел в оружейную мастерскую в тот момент, когда считавший себя обесчещенным показывал нож оружейнику, пеняя ему на то, что нож будто бы недостаточно остр. Поняв, что тот готовится к мести якобы обесчестившему его, пифагореец сказал: «Нож у тебя острее всего чего угодно, но только не клеветы». И, сказав это, достиг того, что человек переменил решение и опрометчиво, по ошибке не совершил преступление против друга, которого уже пригласил к себе домой. (126) Другой пифагореец, когда у одного из приезжих упал в храме Асклепия пояс с золотом[234], а по закону упавшее в храме на землю поднимать было нельзя, отчего приезжий огорчился, велел вынуть золото, которое земли не касалось, пояс же оставить, так

как он касался земли. И вот что произошло, говорят, в Кротоне, хотя люди неосведомленные относят это происшествие к другим местам: когда во время представления над театром пролетали журавли, какой-то человек из приплывших в город морем, сказал другому, сидящему поблизости: «Видишь свидетелей?» Услышав эти слова, один из пифагорейцев отвел их в суд к хилиархам, предположив (как оказалось в результате допроса их рабов, верно), что они утопили в море каких-то людей, призвавших в свидетели злодейства журавлей, пролетавших в это время над кораблем.[235] И когда двое пифагорейцев, по-видимому, поссорились и уже направлялись к Пифагору, младший, подойдя к старшему, начал примирительный разговор, говоря, что не нужно апеллировать к третьему, а нужно подавить злобу в себе самих, тот, выслушав, сказал ему, что лично ему все нравится за исключением того, что он, будучи старшим, не подошел для примирения первым...[236] (127) К этому можно добавить и то, что рассказывают о Финтии и Дамоне, о Платоне и Архите, о Клинии и Проре.[237] Кроме этого, рассказывают о Евбуле из Мессины, что, когда он, плывя домой, попал в плен к этрускам и был увезен в Этрурию, этруск Навсифой, будучи пифагорейцем, узнав, что Евбул — один из учеников Пифагора, отнял его у разбойников и в полной безопасности доставил в Мессину. (128) Когда карфагеняне собирались отправить на пустынный остров больше пяти тысяч своих пленников, карфагенянин Мильтиад, увидев среди них Посида-аргивянина (оба они были пифагорейцами), подошел к нему, и, скрыв от него то, что готовится, убедил его как можно скорее бежать к себе на родину, и, посадив на какой-то подплывший корабль, дал ему припасы на дорогу, и спас

таким образом человека от опасности. В общем, если кто-нибудь стал бы рассказывать обо всех случаях помощи пифагорейцев друг другу, этот рассказ превысил бы своей продолжительностью должный объем сочинения.

(129) Поэтому перейдем лучше к рассказу о том, как некоторые из пифагорейцев были политическими деятелями и высшими должностными лицами. Ибо они и за соблюдением законов следили, и некоторыми городами Италии управляли, с одной стороны, декретируя и советуя все самое, по их мнению, лучшее, с другой — не пользуясь общественными доходами в своих целях. Когда же против них стали выдвигать множество клеветнических обвинений, до некоторых пор все-таки одерживали верх добронравие пифагорейцев и добрая воля самих граждан, вследствие чего эти последние хотели, чтобы именно пифагорейцы распоряжались общественными делами. Считается, что именно в это время в Италии и в Сицилии были лучшие государственные устройства. (130) Ведь и Харонд из Катаны, считающийся одним из лучших законодателей, был пифагореец, и локрийцы Залевк и Тимар, приобретшие известность законодательной деятельностью, тоже были пифагорейцами, и те, которые составили законодательства для жителей Регины, одно — называемое «гимнасиарховым»[238], а другое — «Феокловым», были, говорят, пифагорейцами: Фитий и Феокл, а также Геликаон и Аристократ. Выгодно отличались образом жизни и нравами от других и расположенные в тех местностях города, которые пользовались этими законодательствами в то время.

В целом же, как утверждают, Пифагор был изобретателем и всей системы государственного воспитания. Он говорил, что ни одна из существующих вещей не является беспримесной, но и земля причастна огню, а огонь — воде, воздух —

этим последним, а они в свою очередь — ему, а также что в прекрасном есть частица безобразного, в справедливом — несправедливого, да и все остальное подчиняется тому же закону (по этой причине разум получает толчок как в ту, так и в другую сторону, и есть два вида движения души и тела: один — неразумный, другой — обусловленный разумным выбором), что же касается государственного устройства, то он установил для него некие три линии, соединяющиеся окончаниями и образующие прямой угол, одна из которых имеет природу эпитрита [= 4:3], другая выражается числом 5, усиленным во столько же раз[239], третья же — посередине между ними обеими.[240] (131) Если подсчитать числовые соотношения линий и площади, образованные при них, получится изображение наилучшего государственного устройства. Платон же присвоил себе славу этого изобретения, открыто написав в «Государстве», что этот эпитрит есть база, сопряженная с пятеркой и дающая две гармонии.[241] Говорят, что Пифагор упражнялся и в выработке надлежащей меры в страстях, и в обладании серединой в них,[242] и в том, чтобы жизнь каждого ученика, если тот станет обладателем какого-нибудь предпочтительного для него блага, сделалась счастливой, и в целом — как совершать выбор наших благ и подобающих занятий.

(132) Говорят, что кротонцы отказались от наложниц и вообще от внебрачных связей. Существует прекрасное и замечательное изречение Дино, жены Бронтина, одного из пифагорейцев, которая была мудра и прекрасна душой: «Женщина должна совершать жертвоприношение, встав с мужнина ложа, в тот же день». Некоторые считают, что это сказала Феано, когда к ней пришли кротонские женщины, прося ее убедить Пифагора поговорить с их мужьями о благоразумном

обращении с ними, так как жена передала просьбу и Пифагор говорил с кротонцами и убедил их совершенно оставить царящую в то время распущенность. (133) Рассказывают также, что Пифагор, когда из Сибариса в Кротон пришли послы с требованием о выдаче беглых рабов, взглянув на одного из послов, который был убийцей его друзей, ничего не ответил ему. Когда же тот вновь спросил его и захотел вступить с ним в общение, Пифагор сказал, что людям такого сорта прорицания не даются, вследствие чего у некоторых возникло убеждение, что Пифагор — это сам Аполлон. Все это, а также то, о чем было рассказано чуть выше: о низложении тираннов и освобождении городов от их власти в Италии и в Сицилии, и другие еще более многочисленные рассказы, которые мы приведем, свидетельствуют о его деятельности для пользы общества.

ГЛАВА XXVIII

(134) Вслед за этим уже не в общих чертах, но взяв отдельно каждую его добродетель, украсим словом деяния его, вытекающие из этих добродетелей.[243] Начнем же сперва, как водится, с богов, и постараемся показать его благочестие, и явим себе самим удивительные деяния, проистекающие от благочестия, и украсим их словом. Одним из подтверждений этого благочестия пусть будет тот пример, который мы уже и прежде упоминали, а именно тот, который доказывает, что он познал, какова была его душа и откуда она вошла в тело, и представил ясные доказательства своих прежних воплощений[244]. А вот другой после него: переходя однажды реку Несс вместе со многими своими друзьями, он обратился к ней с

приветствием, и река довольно громко и отчетливо ответила: «Здравствуй, Пифагор!» Кроме того, он в один и тот же день был в Метапонте, в Италии, и в Тавромении, в Сицилии, и разговаривал со своими друзьями из того и другого города на глазах толпы, что подтверждают почти все авторы, между тем как города эти находятся друг от друга на расстоянии многих стадий по суше и по морю, непреодолимых даже за очень много дней. (135) То, что он показывал бедро из золота гиперборейцу Абариду, догадавшемуся, что Пифагор — Аполлон Гиперборейский, чьим жрецом был Абарид, считается несомненной истиной, а не обманом, и всем известно. Приводят постоянно и без расхождений тысячи других примеров деяний этого человека, еще более удивительных и обнаруживающих его божественную природу: и сбывшиеся предсказания землетрясений, и быстрые прекращения им чумы, мгновенные остановки бурь, града и ливней, и умиротворение морских и речных волн, для того чтобы друзья могли легко переправиться.[245] Переняв это искусство от Пифагора, нечто подобное и во многих местах делали Эмпедокл из Акраганта, Эпименид Критский и Абарид Гиперборейский. (136) Известны их сочинения[246], кроме того, у Эмпедокла было прозвище «Защитник от ветра»[247], Эпименида прозвали «Очистителем»[248], а Абарида — «Воздухоходом», так как он, сев на стрелу Аполлона, дарованную ему у гиперборейцев, переправлялся через реки, моря и непроходимые места, каким-то образом летя по воздуху, что сделал, по предположению некоторых, и Пифагор, когда в Метапонте и в Тавромении в один и тот же день беседовал со своими друзьями из того и другого города. Говорят и то, что он предсказал землетрясение, когда пил из родника, и о корабле, плывшем при благоприятном

ветре, сказал, что тот утонет. (137) И только что упомянутое пусть тоже будет свидетельством его благочестия. А теперь я хочу показать первоначала почитания богов Пифагором и близкими к нему людьми.

Все, что пифагорейцы предписывают делать или не делать, имеет целью согласование действий с волей божества, и первоначалом всех их предписаний является идея следования богу, и есть у этих философов такое изречение, что смешно поступают люди, ищущие источник блага где-то в другом месте, а не у богов, и это похоже на то, как если бы какой-нибудь человек в стране, где правит царь, стал прислуживать бы какому-нибудь из подчиняющихся царю граждан, пренебрегая самим начальствующим и царствующим над всеми. Ибо люди, по их мнению, поступают именно так. Но так как есть бог и он — господин над всеми, нужно, по их единодушному мнению, просить добра у господина. Ведь всех тех, кого любят и кому рады, одаряют благами, а с теми, к которым относятся противоположным образом, поступают наоборот.[249] Поэтому ясно, что следует делать то, что доставляет богу радость. (138) Волю божества нелегко угадать тому, кто не умеет слушать бога, или не слушает слышавшего его, или не подготовлен божественным искусством к этому слушанию. Вот почему они так радеют об искусстве угадывания воли божества. Ведь оно — единственный толкователь воли богов. И хотя занятия их кажутся достойными тем, которые считают, что боги есть, другим, однако, и их вера в богов, и эти занятия кажутся наивными. Из их запретов многое привнесено из мистерий, потому что они знают, что значат эти запреты, и не считают их хвастливой ложью, но считают учредителем того или иного установления какого-нибудь бога.

ГЛАВА XXVIII

И все пифагорейцы единодушно верят баснословным рассказам об Аристее из Проконнеса[250] и Абариде Гиперборейском и всему, что рассказывается в этом роде. Ибо все подобное они воспринимают на веру и сами многое пытаются делать в том же духе, а то, что считается баснословным, упоминают так, как будто из того, что восходит к божеству, ничто не может вызывать недоверия. (139) Кто-то рассказывал, что Еврит говорил, будто пастух, пася неподалеку от могилы Филолая скот, слышал некий голос, поющий из нее, и пифагорейцы не только ему поверили, но и спрашивали, какой был лад[251]. И рассказывавший это, и Еврит были пифагорейцы, а Еврит — ученик Филолая. Говорят, что и Пифагору кто-то рассказал однажды о том, как ему приснилось, что он разговаривает с умершим отцом, и спросил: «Что это предвещает?» Пифагор же сказал ему, что ничего не предвещает, но говорил он с отцом не в воображении. «Так же, — добавил он, — как ничего не предвещает то, что ты сейчас разговариваешь со мной». Так что пифагорейцы считают, что не они суеверны в отношении всего чудесного, а те, кто не верят. Ведь дело обстоит не так, как думают изображающие из себя мудрецов, что для бога одно возможно, а другое — нет, — для бога возможно все. И есть начальные слова стихов, которые, как говорят, принадлежат Лину[252], но, возможно, они сочинили их сами:

Нет ничего невозможного — верь всегда и надейся:
Богу легко и возможно сделать все, что захочет.

(140) Подтверждение правильности своих взглядов они находят в том, что первый, кто изрек это, был не простой человек, но бог. И одна из акусм звучит так: «Кто ты, Пифа-

гор?» – «Аполлон Гиперборейский». Доказательством этому служит то, что Пифагор, присутствуя на состязаниях, когда вставал, приоткрыл золотое бедро, и то, что он забрал у Абарида Гиперборейского дары и стрелу, при помощи которой тот передвигался. (141) Об Абариде же говорят, что он пришел из страны гиперборейцев, собирая золото для храма Аполлона и предсказывая мор. Останавливался он в святилищах, и никто не видел, чтобы он пил и ел.[253] Говорят, что в Лакедемоне он принес отворотные жертвы и поэтому в Лакедемоне с той поры никогда не было мора. И вот, забрав у этого Абарида стрелу, без которой тот не мог находить дорогу, Пифагор сделал его своим другом. (142) А в Метапонте, когда какие-то люди молились, чтобы им досталось то, что находилось на подплывавшем судне, Пифагор сказал им: «Достанется вам мертвец». И оказалось, что судно, действительно, везло мертвеца. А в Сибарисе Пифагор, взяв в руки толстую ядовитую змею, затем отпустил ее, и точно так же в Тиррении он брал в руки маленькую змею, укус которой был смертелен. В Кротоне же, как говорят, он гладил белого орла, а тот сидел спокойно. Когда кто-то захотел послушать его, он сказал, что не будет говорить, пока не появится какое-нибудь знамение, и после этого в Кавлонии появилась белая медведица. А человека, собиравшегося сообщить ему о смерти сына, он опередил, сказав о ней сам. (143) И о Миллии из Кротона[254] Пифагор вспомнил, что тот прежде был Мидасом, сыном Гордия, и Миллий отправился на материк, чтобы совершить на могиле обряд согласно указаниям Пифагора. Рассказывают также, что человек, купивший дом Пифагора и все перерывший в нем, с одной стороны, никому не осмелился

сказать, что он в нем видел, с другой стороны, в наказание за это прегрешение[255] он, совершая святотатство в Кротоне, был схвачен и казнен, так как увидели, как он взял отвалившуюся от статуи золотую бороду. Эти сведения достоверны, достоверны и другие в этом роде. Поскольку относительно Пифагора нет разноречий и невозможно, чтобы об одном человеке все говорили одинаково, полагают, что разумно воспринимать сказанное им как слова существа высшей природы, а не просто человека. Да и загадочное изречение указывает на это. (144) Ибо есть у пифагорейцев такое изречение:

Есть человек двуногий, и птица, и третье, другое.

Под третьим подразумевается Пифагор. Таков он был благодаря своему благочестию, и молва о нем соответствовала истине. К клятвам все пифагорейцы, помня наставление Пифагора:

Чтите богов сперва, как положено чтить по закону,
Чтите и клятву всегда, а также преславных героев,[256]

относились так, что один из них, вынужденный под давлением закона поклясться, хотя и собирался дать хорошую клятву, все же, соблюдая запрет, настоял на том, чтобы ему вместо клятвы позволили заплатить три таланта[257]: на такую сумму он был оштрафован судом за отказ дать клятву[258]. (145) Их мнение о том, что ничто не происходит самопроизвольно и случайно, но все совершается согласно божественному промыслу, особенно с людьми добрыми и благочестивыми, подтверждает рассказ о Фимариде из Тарента, пифагорейце, который приводит Андрокид в книге «О пифагорейских символах».[259] Фимарида, когда он собирался отплыть и уже ухо-

7 1057

дил, окружили друзья, прощаясь с ним и напутствуя его на прощание. И один из них, когда он уже всходил на корабль, сказал: «Пусть сбудется все, что ты хочешь, Фимарид, по воле богов!» А тот ответил: «Пусть будут во благо твои слова, но я хотел бы лучше от богов всего того, что я *заслужил*». Ибо он считал это более осмысленным и благоразумным: не искушать и не гневить божественный промысел личными желаниями. Если кто-нибудь хочет знать, откуда у этих людей такое послушание богам, то нужно сказать, что наглядный образец числового учения о богах Пифагор получил от Орфея.[260] (146) Не вызывает сомнения, что, заимствовав исходные пункты учения о богах у Орфея, Пифагор написал о них книгу, которую он потому и назвал «Священным словом»[261], что как бы сорвал цветок в таинственнейшем уголке орфеевых владений, независимо от того, было ли это сочинение его собственным, как утверждает большинство, или сочинением Телавга, как говорят некоторые и наиболее заслуживающие доверия пифагорейцы, ссылаясь на записки Дамо, дочери Пифагора, сестры Телавга, оставленные ей самим Пифагором и переданные, как говорят, после ее смерти Битале, дочери Дамо, и вошедшему в зрелый возраст Телавгу, сыну Пифагора, мужу Биталы, так как он, будучи в момент смерти Пифагора юным, жил потом, конечно, при Феано, своей матери. Из этого «Священного слова» (или «Учения о богах», встречаются оба варианта названия) становится ясным, кто передал Пифагору учение о богах. Ведь там сказано: «Это слово о богах принадлежит Пифагору, сыну Мнемарха, которое я постиг, пройдя посвящение в Либетрах Фракийских[262] с помощью Аглаофама, посвящающего в тайны, который передал мне, что Орфей, сын Каллиопы, обу-

ченный матерью на горе Пангей, говорил, что неизменная сущность числа является изначальной силой, пекущейся обо всем, что есть на небе и на земле, и о той природе, что между ними; она также корень постоянства божественных людей, богов и демонов».[263] (147) Из этих слов ясно, что мысль о том, что существование богов определяется числом, он заимствовал у орфиков. С помощью же самих чисел он делал удивительные предсказания и служил богам соответственно числам, считая, что подобное служение более всего родственно их природе.[264] Это можно было бы понять вот откуда (ведь нужно представить и какое-нибудь доказательство для веры в сказанное): когда Абарид совершал обычный для него обряд жертвоприношений и по свойственному всем варварам обыкновению предсказывал будущее по внутренностям жертвы, особенно по птичьим (ибо внутренности птиц считаются наиболее удобными для предсказания), Пифагор, не желая мешать его стремлению к истине, дал, однако, более достоверное предсказание без крови жертвы и ее умерщвления; кроме того, то, что петух, по его мнению, — священная птица солнца, он доказал совершенно точно Абариду с помощью знания природы чисел. (148) От благочестия и была у него вера в богов. Ведь он всегда убеждал людей ничто не считать удивительным, и точно так же в учениях о богах, поскольку боги могут все. И [убеждал] собирать основоположения о богах (которым надлежит верить) — те, которые он передал ученикам. Поэтому его ученики до такой степени верили и принимали близко к сердцу то, чему он их учил, что Еврит из Кротона, слушатель Филолая, когда какой-то пастух рассказал ему, что в полдень слышал из могилы голос Филолая, умершего много лет назад, и при этом голос как бы пел,

спросил пастуха: «Что за лад был, скажи, умоляю?!» Сам же Пифагор на чей-то вопрос, что предвещает видеть во сне давно умершего отца, разговаривающего со спящим, ответил: «Ничего, как ничего не предвещает то, что ты разговариваешь сейчас со мной». (149) Одежда была у него белой и чистой, а также белыми и чистыми были простыни. Все это из льна, так как изделиями из шерсти он не пользовался. И ученикам передал этот обычай. О высших существах он говорил подобающим образом и при всяком удобном случае вспоминал богов и воздавал им почести, так что за обедом совершал возлияния богам и призывал славословить высших существ каждый день. Обращал он внимание и на знамения, и на прорицания, и на вещие голоса, в общем, на все кажущееся случайным. (150) В жертву же богам приносил ладан, просо, печенье, медовые соты, мирру, другие благовония; животных сам не приносил в жертву, и никто из философов его школы, достигших высших ступеней посвящения, этого не делал, другим же ученикам, акусматикам или политикам, он разрешал приносить в жертву одушевленных существ: или петуха, или барана, или кого-нибудь из новорожденных животных, быков же приносить в жертву запрещал.[265] Подтверждением его почитания богов служит и то, что он призывал не клясться именем богов. Вот почему Силл, один из пифагорейцев, житель Кротона, только за то, чтобы не приносить клятву, заплатил денежный штраф, хотя и собирался принести хорошую клятву.[266] А пифагорейцам приписывают такого рода клятву: стесняясь из благоговения упоминать имя Пифагора (так же, как они стараются не упоминать имен богов), они намекают на него, говоря о муже, изобретателе тетрактиды:

ГЛАВА XXVIII

Нет, клянусь изобретшим тетрактиду мудрости нашей,
Ту, из которой течет источник вечной природы!

(151) В целом же, как говорят, Пифагор в вопросе о богах был приверженцем толкования и образа мыслей Орфея и почитал богов примерно так же, как Орфей, чтя их, запечатленных в изваяниях из меди, но связанных не с нашими человеческими формами, а с божественными первообразами, — их, всеобъемлющих, обо всем пекущихся и имеющих природу и образ Вселенной. Возвещают же о них обряды очищения и так называемые мистерии, в которых содержится самое точное знание о богах. Еще он, как утверждают, соединил философию о божествах[267] с различными культами, одному научившись у орфиков, другому — у египетских жрецов, третьему — у халдеев[268] и магов, четвертое заимствовав из мистерий, совершающихся в Элевсине, на Имбросе, Лемносе и в Самофракии, а кое-что — у тех сообществ, которые распространены у кельтов и иберов.[269] (152) У латинян же читается «Священное слово» Пифагора, но не для всех и не всеми, но лишь теми, кто готов причаститься к его поучениям о добром и не совершает ничего постыдного. Сам же он говорит, что люди трижды совершают возлияние богам и Аполлон прорицает с треножника из-за того, что Троица — первое рожденное число[270], Афродите же нужно жертвовать что-нибудь числом шесть, так как это число — первое, которое приобщается ко всей числовой природе,[271] а будучи поделенным любым образом, получает одинаковую потенцию отнятых и остающихся.[272] Гераклу нужно приносить жертвы с наступлением восьмого месяца, потому что он рожден семимесячным. (153) Пифагор также говорит, что в храм нужно входить в чистой и белой одежде и не спать в ней, так как

бездеятельному сну подобает коричнево-красный и черный цвет, чистота же и белизна — свидетельство прямоты и справедливости помыслов. Он учит, что, если в храме прольется нечаянно кровь, нужно очистить от нее храм или золотой тканью, или морской водой[273], потому что вода возникла раньше всего другого[274], а золото — самое лучшее из всего существующего, ибо по нему устанавливается цена всему остальному. (154) Он запрещает и рожать в храме, так как это неблагочестиво, когда божественное начало, каким является душа, входит в тело в храме.[275] Он учит на праздниках не стричь волос и ногтей, считая, что забота о нашем благообразии не должна заставлять нас забывать о власти богов. Он запрещает убивать в храме даже вошь, полагая, что ничто мертвое и ненужное не должно задевать божество. Он говорит, что богов нужно чтить кедром и лавром, кипарисом и дубом, а также миртом[276] и ничего не счищать листвой этих деревьев. Зубы мастикой не чистить, так как ему известно, что она является первым порождением влажной природы и питала первую нерасчлененную материю. Вареную пищу он советует не жарить, говоря, что не следует мягкость соединять с гневом[277]. Вслед за магами он запрещает сжигать тела умерших, считая, что смертное не должно приобщаться ничему божественному.[278] (155) Он считал наиболее благочестивым хоронить умерших в белых одеждах, намекая этим на простую и первую природу соответственно числу и началу всех вещей.[279] Более всего он призывает блюсти хорошие клятвы, так как для нас будущее далеко, для богов же нет ничего далекого. Он говорит, что гораздо более благочестивым будет претерпеть несправедливость, чем убить человека (ибо право суда принадлежит Аиду),[280] учитывая силы, заключенные в

душе и ее субстанции, первичной среди сущего. Он запрещал делать гроб из кипариса, так как скипетр Зевса сделан из кипариса или по какой-либо другой тайной причине. Перед обедом он предписывает совершать возлияние Зевсу-Спасителю, Гераклу и Диоскурам, воспевая Зевса, породителя и распределителя пищи, Геракла, олицетворение природной силы [которую она дает], и Диоскуров как образец согласия всех вещей.[281] (156) Он говорил, что возлияние следует совершать, не закрывая глаз, так как ничто из того, что прекрасно, не заслуживает стыда и позора. Он советовал, всякий раз когда гремит гром, прикасаться к земле в память о рождении всего сущего. Входить в храм он советует справа, а выходить по левую сторону, так как правое — начало числа, называемого лучшим среди чисел и потому божественного[282], левое же — начало четного и символ распадающегося[283]. Таковы, говорят, были проявления его благочестия, да и другие сохранившиеся рассказы о благочестии Пифагора можно оценивать согласно сказанному, так что довольно об этом.

ГЛАВА XXIX

(157) Важнейшим же свидетельством его мудрости, если говорить о ней в целом, пусть будут записки пифагорейцев, во всем правдивые и, кроме всех прочих достоинств, краткие, с другой стороны, покрытые налетом старинной и древней манеры речи, словно неким нежным нетронутым пухом, в высшей степени продуманно оформленные при помощи божественного знания, полные и предельно насыщенные мыслями, а кроме того, пестрые и разнообразные по форме

и материалу и вместе с тем свободные от излишеств и исключительно скупые на слова, изобилующие наглядными и бесспорными фактами при научном их изложении и полном, что называется, силлогизировании (μετὰ πλήρους, τὸ λεγόμενον, συλλογισμοῦ), если только человек осваивает их, используя подобающие им методы, очищаясь [через их чтение] не мимоходом и не поверхностно. Так вот, основа философии Пифагора — знание об умопостигаемом мире и богах. (158) Затем он учит всему, что касается естества, а также этической философии и заканчивает логикой[284] и передает самые разные сведения и высшие знания, а в целом из того, что становится объектом познания человека, нет ничего, что не исследовалось бы в этих сочинениях. Итак, если все признают, что из ходящих теперь под его именем сочинений одни действительно его, другие же представляют собой конспект его лекций и поэтому обязаны своей славой опять-таки не их авторам, а Пифагору, как если бы они были его творениями, то из всего этого очевидно, что Пифагор был достаточно искушен во всей мудрости в целом. Но говорят, что он более всего отдавал предпочтение геометрии. Ведь у египтян много геометрических решений, так как еще с древних времен, когда правили боги, из-за разливов Нила и убывания воды в нем они были вынуждены все измерять, так что египетские мудрецы разметили землю, отчего и наука была названа «геометрия» [землемерие]. Но и наука о небесных явлениях, в которой также был сведущ Пифагор, не остается у них в пренебрежении. Есть мнение, что все его умозрительные построения о линиях заимствованы у египтян. А что касается расчетов и чисел, это, говорят, изобретение финикийцев. Науку же о небесных явлениях некоторые одина-

ково относят и к египтянам, и к халдеям. (159) Говорят, переняв все это и умножив знания, Пифагор развил эти науки и одновременно мудро и умело преподавал их своим слушателям.

Название «философия» придумал первым он и сказал, что влечение к ней есть как бы любовь к мудрости, мудрость же есть знание истины, коренящейся в истинно сущем. Он же познал это истинно сущее и говорил, что оно нематериально, вечно и одно только действенно, каковым является лишь бестелесное, остальное же, соименное ему, — это материальные и телесные виды, называющиеся сущими по причастности к истинно сущим, виды порожденные и разрушимые и никогда в подлинном смысле слова не существующие. Мудрость же есть знание о реальностях, сущих господствующим образом (κυρίως), а не о соименных им подобиях, так как телесные вещи и непознаваемы, и препятствуют выработке точного представления о них, будучи и безграничными[285], и такими, которые невозможно охватить познанием, и как бы вовсе не существующими из-за их разрозненности в целом и невозможности положить предел, который можно было бы обозначить правильно. (160) Науку же о том, что по своей природе непознаваемо, невозможно даже себе представить. Следовательно, нужно стремиться не к беспредметному знанию, но в большей степени к знанию о реальностях, сущих господствующим образом, всегда тождественных себе, пребывающих неизменными и соответствующих понятию «сущее». Постижение же истинно сущего — так уж случилось — связано также и с постижением соименных им подобий, и эта связь, прежде не изучаемая, выражается в том отношении, в котором находится наука о частном к науке об общем.

«Поэтому, — говорит Архит, — те, которые правильно находят общее, смогут правильно рассмотреть и частные вещи, каковы они». Ведь сущее в своем наличном бытии предстает уже не чем-то одним, однородным и простым, а является взгляду разнообразным и многовидным, и поэтому [в наличном бытии] имеется как мыслимое и бестелесное, которое носит имя сущего, так и телесное и подпадающее под ощущения, которое по причастности объединяется с подлинно сущим. (161) Обо всем этом он передал точнейшие знания и ничего не оставил неисследованным. Он передал людям и общие всем наукам приемы (κοινάς ἐπιστήμας), как, например, аподиктическое искусство[286], искусство давать определения и искусство расчленять понятия, как это можно понять из воспоминаний пифагорейцев. Он имел обыкновение в предельно коротких изречениях символическим образом возвещать своим ученикам сложные и разветвленные мысли, подобно тому как Аполлон и сама природа, первый — самыми обыденными словами, вторая — при помощи незначительных по величине семян, являют бесконечное и труднопостижимое обилие, он — смыслов, она — свершений. (162) Именно таково изречение самого Пифагора: «Половина всего — *начало*»[287]. Однако не только в этом полустишии, но и в других, сходных с ним, скрыл божественнейший Пифагор искру истины для способных разжечь ее, утаив за краткостью необозримую и неизмеримую глубину умозрения, как, например, в этом: «Все годится числу»[288], — которое он очень часто изрекал перед всеми. Или опять же в выражении «дружба — равенство»[289], или в понятии «космос»[290], или, клянусь Зевсом, в слове «философия», а также в понятии «эсто»[291] или... [пропуск в тексте] или в слове «тетрактида»[292]. Все это и

множество других выражений и стихов Пифагор придумал для пользы и исправления учеников, и он был так чтим и так вдохновлял тех, кто был способен его понять, что у «совместно слушающих» почитание его приняло форму клятвы:

Нет, клянусь человеком, изобретшим для нас тетрактиду,
Ту, из которой течет источник вечной природы![293]

Вот каким удивительным был образ его мудрости.

(163) Из искусств, как говорят, пифагорейцы более всего почитали мусическое, а также искусство врачевания и искусство угадывания воли богов.[294] Они были молчаливы, любили слушать и хвалили того, кто умеет это делать. Из врачебного искусства они более всего уделяли внимание тому, что касалось образа жизни,[295] и были наиболее усердны именно в этом, стараясь прежде всего изучить признаки правильного соотношения питья, еды и отдыха; далее, они едва ли не первыми начали заботиться о порядке самого приготовления пищи и напитков и выбирать то, что для этого нужно. Чаще предшественников применяли пифагорейцы и целебные мази, применение же лекарств они одобряли меньше, а если использовали их, то главным образом для умащения ран, а что касается надрезов и прижиганий, то это они применяли менее всего. (164) При некоторых болезнях они прибегали и к заклинаниям.

Они считали, что и музыка имеет большое отношение к здоровью, если применять ее соответственно подобающим музыкальным ладам. Они использовали для исправления души также и избранные места из Гомера и Гесиода. Они думали, что нужно удерживать и сохранять в памяти все, чему учишь-

ся и что говорят, и до тех пор приобретать знания и слушать лекции, пока может их воспринимать запоминающая и заучивающая часть души, потому что познает именно она и именно в ней хранится то, что познано. Поэтому они очень высоко ценили память, делали много упражнений для ее усиления и весьма заботились о ней, а при обучении оставляли заучиваемое не раньше, чем накрепко запоминали содержание предыдущего урока, и каждый день запоминали то, что говорилось на занятиях следующим образом. (165) Пифагореец не вставал с постели до тех пор, пока не припоминал все происшедшее вчера. Припоминал же он следующим образом. Он пытался восстановить мысленно, что вначале сказал он, или услышал, или какое приказание отдал домашним, встав после сна, и что было вслед за этим, а что — еще позже, и о последующих своих поступках он размышлял таким же образом. Затем вспоминал, кто был первый, с кем он встретился, выйдя из дома, кто второй и что сказали те, кого он встретил первым, вторым и третьим. И о других событиях вспоминал точно так же. Он пытался восстановить в памяти все случившееся за день, стремясь припоминать в том порядке, в каком некогда случилось каждое из этих событий. Если времени для отдыха после сна у него было больше, чем обычно, он пытался припомнить таким же образом, что произошло позавчера. (166) И более всего они старались развивать память, так как ничто не содействует приобретению знаний, опыта и рассудительности в такой степени, как память.

От этих занятий вся Италия наполнилась философами и, прежде безвестная, впоследствии благодаря Пифагору стала называться «Великой Грецией», и в ней появилось множе-

ство философов, поэтов и законодателей. Ими были привнесены в Элладу и ораторское искусство, и эпидиктические речи[296], ими были написаны и законы. И те, кто при случае упоминают натурфилософов, вспоминают прежде всего об Эмпедокле и Пармениде из Элеи[297], а те, которые хотят употребить какие-нибудь сентенции о жизни, приводят мысли Эпихарма[298], и почти все философы знают их наизусть. Итак, в этой главе нами было сказано о мудрости Пифагора, о том, как он обычно приводил к ней людей в зависимости от того, насколько каждый был способен приобщиться к этой мудрости, и о том, как он умело передавал ее людям.

ГЛАВА XXX

(167) Как Пифагор осуществлял справедливость и учил людей соблюдать ее, мы лучше всего поймем, если помыслим, с чего начинается справедливость и от каких первопричин рождается, а также поймем причину несправедливости. А вслед за тем мы поняли бы и то, как Пифагор, с одной стороны, остерегался несправедливости, а с другой — делал так, чтобы наилучшим образом осуществлялась справедливость. Итак, началом справедливости является общность и единочувствие всех людей, более всего напоминающее единочувствие души и тела, а также такое состояние, когда чужое и мое не противоречат друг другу, о чем говорит и Платон, заимствовав эту мысль у пифагорейцев[299]. (168) Поэтому Пифагор развивал все самое лучшее в людях, изгоняя из их нравов чувство собственности и укрепляя общинное начало вплоть до самых последних мелочей, которые могут быть при-

чинами как спокойного состояния, так и смятения. Ведь у всех них все было общим и постоянно одним и тем же, для себя же никто ничего не приобретал. И если кто нравился общине, он пользовался общим добром самым справедливым образом, а если не нравился, то, забрав имущество, свое и даже бо́льше того, что внес когда-то в общее достояние, он уходил. Так, исходя из первоначала, Пифагор наилучшим образом установил справедливость. Далее, к справедливости ведет чувство родства с людьми, отчуждение же и пренебрежение к общему роду порождает несправедливость. Поэтому он, желая, чтобы люди еще шире распространили родственное чувство, проповедовал связь людей и с однородными им животными, призывая относиться к последним, как к родичам и друзьям: ни в чем не чинить им обиду, не убивать и не есть. (169) Итак, он сблизил людей и с животными, оттого что их тела состоят из тех же самых частиц, что и наши, и они участвуют в общем процессе жизни вместе с нами, и, кроме общности, вытекающей из одинаковой с нами одушевленности животных, установил в еще большей степени родство разумной части нашей души с ними. Из этого ясно, что он установил справедливость, выведя ее из самого главного начала.[300] Так как многих иногда заставляет совершать несправедливые поступки недостаток средств, Пифагор хорошо предусмотрел и это обстоятельство, приучив людей через разумное управление своим домохозяйством сочетать свободную трату средств со справедливым их использованием. И, кроме того, еще: справедливое управление своим домохозяйством — начало порядка в полисах в целом, так как полис — это совокупность домохозяйств. (170) Поэтому говорят, что сам Пифагор, получив в наследство имущество

Алкея, умершего после посольства в Лакедемон,[301] не менее, чем любомудрием, удивлял своим умением управлять домохозяйством, дочь же его, порожденная им после женитьбы и выданная впоследствии замуж за Мемнона-кротонца, так держала себя, что, будучи незамужней, была первой в хороводе девиц, а став женщиной, обладала правом первой [при совершении общественных жертвоприношений] подходить к алтарям. Жители же Метапонта, сохранявшие память о Пифагоре и в последующие времена, дом его превратили в святилище Деметры, а переулок, где он стоял, посвятили Музам.[302] (171) Так как разнузданность, роскошь и презрение к законам часто приводят к несправедливости, Пифагор призывал неустанно помогать закону и воевать с беззаконием. Поэтому он и установил такую последовательность: первым из зол проникает в дома и города роскошь, вторым — разнузданность, третьим — гибель. По этой причине он увещевал всячески воздерживаться, и отвергать роскошь, и с рождения приучать себя к умеренности и мужественному образу жизни, и не осквернять себя ничем жалким, дерзким, скандальным, грубым, смешным — всем, что порождает зло. (172) Кроме этого, он открыл другой прекраснейший вид справедливости, а именно законодательный, который предписывает, что нужно делать, и запрещает то, что не нужно делать, и лучше судебного вида справедливости, так как последний, подобно искусству врачевания, врачует уже заболевших, а первый с самого начала не дает заболеть и заблаговременно печется о заключенном в душе здоровье. Именно такой постановкой вопроса объясняется тот факт, что самые лучшие законодатели были учениками Пифагора: сначала Харонд из Катаны, затем Залевк и Тимарат[303], написавшие

законы локрийцам, кроме них Феэтет и Геликаон, Аристократ и Фитий, ставшие законодателями в Регине. И все эти законодатели у сограждан достигли божественных почестей. (173) И не так, как, например, Гераклит сказал эфесцам, чтобы они утвердили закон, согласно которому граждане, достигнув возмужалости, вешались,[304] — нет, эти люди стремились установить законы с большим пониманием и опытностью в общественных делах. Да и что удивляться на них, причастных благородному образу жизни и воспитанию Пифагора? Фракиец Залмоксис, ставший рабом Пифагора и слушавший речи близких к Пифагору людей, отпущенный на свободу и приехавший к гетам, и законы для них установил, как мы говорили в начале рассказа[305], и мужество вселил в сограждан, убедив их, что душа бессмертна. Еще и поныне все галаты, и траллы, и многие из варваров учат своих сыновей, что душа умерших не разрушается, но пребывает вечно и что не нужно поэтому бояться смерти, а смело идти навстречу опасностям. И оттого, что он воспитал гетов и дал им законы, Залмоксис почитается у них как величайший из богов. (174) Кроме того, более всего полезной для установления справедливости Пифагор считал власть богов и, отправляясь именно от нее, установил он государственное устройство, законы, справедливость, правосудие. Не лишним будет сказать немного и о том, как он разделил справедливость по отдельным предметам (τὰ καθ' ἕκαστον διώρισε). От него усвоили пифагорейцы представление о том, сколь полезно размышлять о божестве, что оно есть и так относится к человеческому роду, что наблюдает за ним и не презирает его. Ведь мы нуждаемся в таком руководстве, против которого [если признáем его] не сочтем себя вправе восставать. Имен-

но таким является руководство божества, коль скоро божество таково, что достойно власти над Вселенной. Ибо пифагорейцы говорили, правильно говорили, что живое существо по природе дерзко и разнообразно по своим порывам, влечениям и остальным видам страстей[306]. Значит, оно нуждается в такой власти свыше и таком управлении, от которых будут исходить разумность и порядок. (175) Они считали, что нужно, чтобы каждый, сознавая пестроту своей природы, не забывал о благочестивом отношении к божеству и о служении ему и всегда имел бы перед умственным взором божество, как бы присматривающее и наблюдающее за человеческим поведением. После богов и демонов более всего следует чтить родителей и закон и готовить себя не к притворному, а к искреннему послушанию им.[307] В целом же они считали, что нужно осознать, что нет большего зла, чем анархия. Ведь не дано природой человеку сохранить себя, если нет над ним руководителя. (176) Эти мужи убеждали людей оставаться верными отеческим нравам и обычаям, даже если они намного хуже других. Никогда не будет ни полезным, ни спасительным отвергнуть с легкостью имеющиеся законы и принять нововведения.[308] Пифагор совершил и множество других дел, в основе которых лежит благочестивое отношение к богам, обнаруживая, что жизнь его согласуется с его словами. Стоит упомянуть об одном случае, который может пролить свет и на все остальные. (177) Расскажу же я о том, что сказал и сделал Пифагор в отношении посольства, посланного из Сибариса в Кротон, чтобы вытребовать беглых рабов. Ибо он, когда некоторым из его учеников задавали вопросы послы, один из которых был убийца, а другой — сын одного из участников мятежа, умершего от болезни, а сограждане

8 1057

Пифагора не знали, как себя повести, сказал товарищам, что он лично не хотел бы, чтобы у него с кротонцами возникли большие разногласия, так как он считает, что эти люди не имеют права ни возлагать священные дары на алтари, ни отрывать умоляющих о защите от алтарей[309]. Когда же послы из Сибариса, подойдя к нему, стали бранить его, он сказал убийце, требовавшему от Пифагора объяснений по поводу того, в чем винит их Пифагор, что он ему не даст оракул;[310] вот почему его стали обвинять в том, что он утверждает, будто он — Аполлон, потому что и прежде при каком-то разбирательстве на вопрос, прочему это произошло, он ответил вопрошавшему вопросом: «Неужели и Аполлон, делая предсказание, счел бы достойным себя еще и разъяснять его?» (178) Другому же человеку, высмеивающему, как ему казалось, рассуждения, в которых Пифагор утверждал, что души возвращаются на землю, и сказавшему, что он даст письмо отцу, когда Пифагор отправится в подземное царство, и попросит его взять ответное, когда тот будет возвращаться от отца на землю, он сказал, что не собирается отправляться в места для нечестивых, где явственно ощутит карающие удары. Когда же его бранили послы, а сам он сошел в сопровождении многих к морю и очистился, кто-то из членов совета сказал кротонцам, так как те обрушивались на послов с порицаниями [совсем] по другому поводу, что пришедшие в безрассудстве своем осмеливаются бранить даже Пифагора, о котором, если бы все живые существа издавали те же самые звуки, что и люди, как это было, по утверждению составителей мифов, вначале, даже ни одно животное не осмелилось бы сказать ничего худого. (179) И Пифагор нашел способ отучать людей от совершения несправедливостей

напоминанием о посмертном суде над душами, зная, что он в действительности происходит, зная и то, что упоминание о нем полезно для страха перед совершением несправедливых поступков. Он убеждал, что гораздо лучше претерпеть несправедливость самому, чем убить человека (ибо право суда принадлежит не нам, а Аиду), принимая во внимание душу, ее субстанцию и первичность природы сущего[311]. (180) Желая показать, как в неравном, несоразмерном и самом по себе лишенном предела можно обнаружить отличающуюся равенством, соразмерностью и полагающую предел справедливость, чтобы указать, как до́лжно ее соблюдать, Пифагор сказал, что справедливость подобна той единственной из геометрических фигур, у которой линии, образующие ее форму, беспредельны, и в то же время, при неодинаковом их расположении относительно друг друга, они имеют равные потенции[312]. Так как и при общении с другим человеком есть некая справедливость, то, говорят, пифагорейцы понимали ее следующим образом. При общении одно — уместно, а другое — нет, и это разделение обусловлено различиями в возрасте, достоинстве, родственных связях, заслугах и всем другим, чем отличаются люди друг от друга[313]. Ибо есть род общения, который кажется уместным в отношениях молодых людей друг к другу, в отношениях же со старшим он неуместен. В отношении младшего к старшему неуместен любой вид гнева, дерзости или угрозы, но младшему при общении со старшим нужно всячески остерегаться подобных неуместных проявлений. Почти то же самое говорили они и о достоинстве. (181) С человеком, достигшим истинного достоинства, порождаемого добронравием, невозможны ни неуместное, ни непристойное обращение, ни развязная речь, ни что-нибудь из того,

что только что было упомянуто[314]. Подобное этому они говорили и об обращении с родителями и благодетелями. При выборе же срока, в течение которого проявление будет уместно, имеет место некое разнообразие и многовидность. Ибо и те, кто гневаются, и те, кто сердятся, делают это одни в надлежащий момент, а другие — нет,[315] и, опять же, из тех, которые стремятся, влекутся и порываются к чему бы то ни было, одним выпадает удачный момент, а другим — неудача. То же самое можно сказать и о других видах страстей, о поступках, настроениях, беседах, встречах. (182) Сама же уместность в известной мере поддается изучению, осмыслению и обучению, но в целом в себе она ничего этого не содержит. Сопутствуют и почти совпадают с природой уместного понятия срока, подобающего, слаженности и все прочие однородные с ними. Самым ценным во всем пифагорейцы считали начало, будь то наука, или практика, или зарождение чего-либо, или, опять же, домашнее хозяйство, государство, военный лагерь, или любое другое подобное им устройство. Природа же начала во всем, что упоминалось, трудноразличима и неочевидна. В науках дело не простого ума — постичь и хорошо различить, глядя на части предмета познания, каково их общее начало. (183) Ибо велико их различие в отдельности, да и относительно всего в целом есть опасность неправильно указать начало — ничего, попросту говоря, здорового после этого не возникнет, если останется непознанным истинное начало. То же самое они говорили и о другом начале[316]. Никогда не будет порядка ни в доме, ни в государстве, если не будет истинного начальника, стоящего у власти и властвующего по доброй воле. Чтобы осуществлялась власть, нужно желание обеих сторон, одинаково как началь-

ника, так и подначального, как, например, для того, чтобы правильно проводилось обучение, нужно, говорили они, чтобы оно было добровольным по обоюдному желанию учителя и ученика, так как, если их желания будут каким-то образом расходиться, намеченное дело не будет выполнено надлежащим образом. Итак, Пифагор считал прекрасным делом, когда учителя умеют убеждать, а ученики — повиноваться. Убедительное подтверждение этому на деле он дал такое. (184) Он приехал к Ферекиду Сиросскому, который был его учителем,[317] на Делос из Италии, когда тот заболел уже упоминавшейся вшивой болезнью, и ухаживал за ним. Он оставался при нем вплоть до его кончины и выполнил религиозные обряды в честь покойного наставника: столь ревностно он заботился о своем учителе.

(185) Соблюдению договоров и верности им Пифагор столь хорошо учил своих последователей, что, говорят, когда однажды Лисид, помолившись в храме Геры, встретил при выходе из него Еврифама-сиракузянина, одного из своих товарищей, входящего в преддверие храма богини, и тот попросил подождать его, пока он помолится, сел на какое-то сиденье из камня, которое там было, а когда Еврифам, помолившись и о чем-то размышляя, глубоко задумался и вышел незамеченным через другой вход, Лисид провел спокойно в том же положении оставшуюся часть дня и наступившую ночь и большую часть еще и следующего дня и, может быть, оставался бы и дольше на том же самом месте, если бы Еврифам не оказался на следующий день в «доме совместного слушания» и не вспомнил бы о нем, услышав, что кто-то из товарищей ищет Лисида. Придя к храму, он застал Лисида в ожидании, как и было условлено, и увел его с собой, ска-

зав, что виной всему его забывчивость, и прибавив: «Кто-то из богов на меня ее наслал, чтобы проверить твою верность уговорам». (186) Помимо многих других средств для умиротворения души Пифагор установил и вегетарианство. Ведь пифагорейцы, привыкнув считать убийство животных делом беззаконным и противоестественным, еще более противоречащим божественному закону считали убийство человека и уже не участвовали в войне.[318] Война же — это главный организатор и вдохновитель убийств, так как она набирает силу именно от них. И предписание «Не перешагивай через весы»[319] заключает в себе требование справедливости. Пифагорейцы призывали упражняться во всем, что имеет отношение к справедливости, как это будет показано в нашем сочинении о символах[320]. Во всем этом бросается в глаза великое стремление к умножению справедливости и передаче ее людям, которое обнаруживал Пифагор в словах и на деле.

ГЛАВА XXXI

(187) Вслед за этим последует рассказ о благоразумии Пифагора — как он укрепил его и передал ученикам.[321] Итак, уже приводились его общеизвестные высказывания о благоразумии, среди которых выделяется требование отсекать огнем и железом всякую несоразмерность.[322] Того же рода требование воздержания от поедания одушевленных существ и от неумеренного потребления некоторой пищи[323] и обычай выставлять при трапезах сладкие и изысканные яства, а затем отдавать их рабам лишь с той целью, чтобы поупражняться в обуздании вожделения к этим яствам[324]. И дозволе-

ние носить золотые украшения лишь гетерам, но не свободнорожденным женщинам. И требование поддерживать бодрость ума и освобождаться от того, что мешает ему быть таким. (188) Кроме того, требование словесного воздержания и полного молчания, чтобы научиться владеть языком; напряженное и неустанное постижение и изучение труднейших основоположений, а ради этого воздержание от вина, короткий сон, неподдельное пренебрежение к славе, богатству и тому подобному; нелицемерное уважение старших, к ровесникам — искреннее чувство равенства и дружелюбие, к младшим — доброжелательное участие и поощрение и все прочее, что имеет отношение к той же самой добродетели[325]. (189) Благоразумие этих мужей, доставшееся им от Пифагора, можно понять и на примере того, что рассказывают о пифагорейцах Миллии и Тимихе Неанф и Гиппобот[326]. Они говорят, что тиранн Дионисий, после того как, приложив все старания, не добился дружбы ни одного из пифагорейцев, потому что они были осторожны и сторонились его единовластия и беззакония, послал отряд в тридцать человек под предводительством Евримена-сиракузянина, брата Диона[327], навстречу пифагорейцам, чтобы подкараулить их во время перехода из Тарента в Метапонт, который они обычно совершали при благоприятных обстоятельствах, так как они приучали себя к переменам климата и выбирали с этой целью удобные места. (190) В Фанах, местечке близ Тарента, в ущелье, через которое им нужно было проходить, Евримен организовал засаду, спрятав воинов. Когда ничего не подозревавшие пифагорейцы в полдень достигли этого места, на них, как разбойники, с криком напали воины. Те, испугавшись и вместе с тем сохраняя осторожность, из-за внезапно-

сти нападения и множества воинов (самих их было числом примерно десять), а также из-за того, что они были бы убиты, сражаясь, безоружные, с вооруженными до зубов воинами, решили спасаться бегством, ничуть не считая это чуждым добродетели. Ведь они знали, что мужество — это знание того, чего должно избегать, а что — стойко выдерживать.[328] (191) И они уже были близки к спасению (ведь воины Евримена, отягощенные оружием, отстали, преследуя их), если бы беглецы не очутились на каком-то поле, где были посеяны бобы, как раз находившиеся в поре цветения. И, не желая нарушить запрет, предписывающий не касаться бобов, они остановились и были вынуждены обороняться от преследователей камнями, палками и кто чем попало, одних из них убив, других ранив, сами же они все были убиты воинами, и никто вообще не остался в живых, но перед этим они радостно встретили смерть соответственно заповедям школы. (192) Евримен и его воины были в большом и вполне понятном смущении, если они не приведут ни одного живого к Дионисию, который, отправляя их, сказал, что это их единственная цель. Итак, насыпав погибшим земли и сделав курган, как на могилах героев[329], воины ушли из этого места. Затем им встретились Миллий из Кротона и Тимиха-лаконянка, его жена, отставшие от большинства, потому что Тимиха была уже на десятом месяце беременности и шла поэтому с остановками. Обрадовавшись, что этих можно взять живыми, воины привели их к тиранну, относясь к ним очень бережно и заботливо. (193) Тот, расспросив о случившемся и придя в уныние, сказал Миллию и Тимихе: «Но вы получите от меня больше всех почестей, если захотите быть моими соправителями». После того как Миллий и Тимиха отвергли все его

предложения, Дионисий сказал: «Вы будете отпущены на свободу в подобающем сопровождении, если объясните мне хотя бы одно обстоятельство». Когда Миллий спросил, что именно хочет знать Дионисий, тот сказал: «То, по какой причине твои товарищи предпочли умереть, а не потоптать бобы». На что Миллий тотчас ответил: «Они остановились, чтобы не потоптать бобов, я же предпочту скорее потоптать бобы, чем сказать тебе, почему они это сделали». (194) После того как раздраженный его ответом Дионисий приказал умертвить его, а Тимиху пытать (ведь он думал, что она, будучи женщиной, беременной и к тому же лишившейся мужа, легко выболтает тайну из страха перед пытками), благородная женщина, стиснув язык зубами, отгрызла его и выплюнула, показав, что, опасаясь, как бы женский пол ее, побежденный пытками, не открыл что-нибудь из того, о чем надлежит молчать, она отделяет орудие речи от себя. Столь не любили пифагорейцы вступать в дружеские отношения с чуждыми им людьми, даже если это были отношения с царями. (195) Подобные этим предписания были у них и относительно молчания, необходимого для упражнения в благоразумии. Ведь самый трудный вид воздержания — это воздержание от слов. К благоразумию относится и то, что Пифагор убедил кротонцев воздерживаться от неосвященного жертвоприношения и внебрачного полового общения с наложницами[330], а также и исправление душ музыкой, с помощью которой он образумил буйствующего от любви юношу[331]. И призыв отвращать гордость относится к той же добродетели. (196) И вот что еще предписал делать своим ученикам Пифагор и первооткрывателем чего был он сам. Они всегда заботились о том, как выглядит их тело: чтобы

оно не худело и не толстело, так как это свидетельствует о неправильном образе жизни. Но точно так же заботились они и о настроении и старались не быть то слишком грустными, то слишком веселыми, но всегда умеренно радостными. Они боролись с гневом, унынием, волнением. Среди них существовало мнение, что ни одно из несчастий человеческой жизни не должно быть неожиданностью для разумных существ, но следует ожидать всего, над чем сами они не властны. Если же они когда-нибудь гневались или печалились или случалось с ними что-нибудь другое в этом роде, они уходили прочь куда-нибудь, и каждый наедине с собой старался подавить это страдательное состояние души (πάθος) и вылечить себя от него. (197) Говорят о пифагорейцах и то, что никто из них, пока был одержим гневом, ни рабов не наказывал, ни свободнорожденных не вразумлял (вразумление же они называли «стреноживанием»), но ждал, когда восстановится спокойное состояние души. Пережидали они молча и спокойно. Действительно, Спинфар часто рассказывал об Архите из Тарента, как он однажды, придя в поле сразу после возвращения из похода, который город предпринял против мессапов, увидел, что управляющий и другие рабы не радеют о земледелии, но совершенно обленились, в гневе и негодовании только, кажется, и сказал, что им повезло, что он на них разгневался: если бы не это, они бы не избежали наказания за такой проступок. (198) Спинфар говорил, что и о Клинии рассказывали нечто подобное, потому что и тот откладывал все увещания и наказания до тех пор, пока восстановится спокойное состояние души.[332] От жалоб, слез и тому подобного эти мужи воздерживались, и ни корысть, ни сильное желание, ни гнев, ни тщеславие, ни что-нибудь дру-

гое в этом роде не становились причиной раздора, но все они так относились друг к другу, как заботливый отец относится к детям.

Прекрасно и то, что все изобретения они относят и приписывают Пифагору, нисколько не придавая значения собственной славе первооткрывателей, за редким исключением. Ведь и в самом деле, очень мало было известно пифагорейцев, которые оставили собственные воспоминания. (199) Удивляет и их педантичная осторожность: за столько лет никто из пифагорейцев не показал никому своих записей, вплоть до поколения Филолая, да и Филолай первый из пифагорейцев опубликовал три свои нашумевшие книги, которые, говорят, Дион из Сиракуз купил за сто мин по просьбе Платона,[333] лишь потому, что впал в крайнюю нужду; сам Филолай принадлежал к пифагорейскому братству и поэтому сочинил эти книги. (200) О славе они, говорят, высказывались так. Неразумно обращать внимание на мнение всякого человека, и особенно если это мнение большинства. Правильно воспринимать и судить дано немногим. Ведь ясно, что лишь люди знающие могут это делать. А таких немного. Так что ясно, что на многих эта способность не распространяется. С другой стороны, неразумно презирать восприятие и мнение всякого человека вообще. Тот, кто настроен таким образом, может оказаться невежественным и неисправимым. Незнающему необходимо учиться тому, что он не знает и не умеет, а тому, кто учится, необходимо обращать внимание на восприятие и мнения знающего и способного научить, (201) говоря вообще, необходимо, чтобы те юноши, которые хотят быть счастливыми, обращали внимание на восприятие и мнения старших и правильно живущих людей. Во всей человеческой жизни

в целом есть некое деление на возрасты (так, говорят, утверждали они), которые связаны друг с другом не случайной связью. Ибо если никто с рождения не направлял человека по жизни хорошо и правильно, один возраст отрицает другой. Поэтому нужно, чтобы воспитание ребенка, вырабатывая в нем прекрасное, благоразумное и мужественное, передавало бóльшую часть этих свойств юношескому возрасту, в свою очередь воспитание юноши и попечение о нем, развивая в нем это прекрасное, благоразумное и мужественное, передавало бóльшую часть этих свойств возрасту мужчины, между тем как многим эта преемственность кажется нелепой и смешной. (202) Ведь люди думают, что *детей* нужно приучать к соблюдению меры и к благоразумию, а также воздержанию от всего, что считается порочным и безобразным; когда же дети станут юношами, большинство, по крайней мере, позволяет им делать все, что они захотят. Ибо избегать любой разновидности порядка и старания, гоняться, попросту говоря, за забавами и разного рода шалостями и дерзостями в высшей степени свойственно детскому возрасту. Поэтому такое настроение из этого возраста переходит в юношеский. А сильные желания, и среди них род честолюбивых желаний, равно как и остальные порывы и настроения, которые бывают тяжелыми и беспокойными, переходят в юношеский возраст из зрелого. Поэтому из всех возрастов юношеский более всего нуждается в попечении. (203) Вообще говоря, никогда не нужно позволять человеку делать все, что ему захочется, но всегда нужно иметь какое-нибудь руководство и законную, хорошо организованную власть, которой будет послушен каждый из граждан. Ведь живое существо, брошенное на произвол и оставленное без попечения, быстро впадает в по-

рочность и зло. Говорят, что они часто спрашивали и обсуждали вопрос, ради чего мы приучаем детей принимать пищу своевременно и в умеренном количестве и внушаем им, что своевременность и умеренность прекрасны, а противоположные качества, беспорядочность и неумеренность, безобразны, вследствие чего люди более всего бранят пьяниц и обжор. Ведь если ничто из этого уже не значимо для нас, когда мы достигаем зрелого возраста, нет смысла приучать к такому порядку человека в детстве. То же самое говорили они и о других привычках. (204) У остальных живых существ, тех, которые воспитываются людьми, ничего подобного не наблюдается, но тотчас с самого начала и щенка, и жеребенка заставляют привыкать и учат тому, что им нужно будет делать не только в детстве, но и тогда, когда они вырастут. Вообще говорили, что пифагорейцы призывали знакомых и тех, кто общался с ними регулярно, из того, что заслуживает осторожности, более всего остерегаться наслаждения. Ведь ничто не обманывает нас и не ввергает в заблуждение так сильно, как страсть к наслаждениям.[334] Вообще же, как кажется, они старались никогда ничего не делать ради наслаждения (ибо безобразна и вредна во многом эта цель), но поступать, что бы ни приходилось делать, имея в виду главным образом прекрасное и упорядоченное, а затем полезное и необходимое, а эти вещи нуждаются в старательном распознавании. (205) О так называемой телесной страсти, говорят, эти мужи рассуждали так. Самая страсть есть некий порыв, душевное движение, стремление либо к некоему насыщению чем-либо, либо к ощущению присутствия чего-либо, либо к какому-нибудь желанному состоянию чувств. Возникает страстное желание и противоположных вещей, как, например, жела-

ние опорожнения, желание отсутствия чего-либо, нежелание быть чувствительным в отношении некоторых вещей. Разнообразно это страдательное состояние души, и из всего того, что касается человека, имеет оно больше всего разновидностей. Но многие из человеческих страстей — приобретенные и порожденные самими людьми, и поэтому страдательное состояние души, связанное с ними, более всего требует заботы и предосторожности и постоянного упражнения в их преодолении. Ведь желание пищи после опорожнения тела — естественное желание, как естественно и, наоборот, желать после наполнения необходимого опорожнения. Желание же искусно приготовленной пищи, или изысканной и роскошной одежды и ковра, или требующего затрат, богато и роскошно обставленного жилья есть желание приобретенное. То же самое можно отнести и к утвари, чашам, слугам, употребляемым в пищу животным. (206) В целом, что касается человеческих страстей, то они чаще всего таковы, что не знают никаких границ и уводят в бесконечность. Поэтому сразу, сызмальства нужно заботиться о подрастающих людях, чтобы они желали того, что им следует желать, и остерегались пустых и суетных желаний, оставаясь безмятежными, свободными от подобного рода стремлений и презирая тех, кто заслуживает презрения своей привязанностью к страстям. Особенно важно понять, что напрасные, пагубные, суетные и дерзкие желания свойственны прежде всего людям, живущим в роскоши. Ибо нет ничего пустого, ненужного, к чему не устремлялась бы душа таких детей, мужчин и женщин. (207) Вообще человеческий род весьма разнообразен с точки зрения множества своих желаний. Об этом ясно свидетельствует разнообразие того, что он употребляет в пищу. Какое-то без-

граничное множество плодов, безграничное множество корней употребляет в пищу человек. Также употребляется в пищу и самое разнообразное мясо, и трудно найти, мясо какого живущего на суше, в воде и в воздухе живого существа не использовал бы в пищу человек. Им придуманы всевозможные способы приготовления пищи и самые разные смешения соков — вот отчего по своим душевным движениям поистине безумен и многолик человеческий род. (208) Ведь все то, что принимается в пищу, производит свое особенное состояние души. Но люди сразу замечают лишь то, что оказывается причиной значительного изменения душевного состояния, как, например, вино, которое, выпитое в большом количестве, до известного предела делает их более веселыми, а вслед за тем безумными и безобразными. То же, что не обнаруживает такой силы воздействия, как вино, люди не замечают. Между тем, все, что употребляется в пищу, порождает какое-нибудь особенное состояние души. Поэтому лишь обладающие большим умом могут понимать и видеть, что и в каком количестве нужно употреблять в пищу. Это знание было вначале у Аполлона и Пеана[335], а впоследствии у учеников Асклепия[336]. (209) Что касается деторождения, говорят, они утверждали следующее. Вообще они полагали, что нужно остерегаться того, что назвывается преждевременным плодом (ведь ни у растений, ни у животных такие плоды не бывают хорошими), но нужно, чтобы до плодоношения прошло известное время, чтобы из сильных и достигших зрелости тел произошли семена и плоды. Поэтому нужно, чтобы мальчики и девочки воспитывались в трудах и в гимнасиях, достигая подобающей выносливости, употребляя пищу, соответствующую их осмысленной, трудовой и выносливой жиз-

ни. Многое из того, что касается человеческой жизни, таково, что о нем гораздо лучше узнать позже. Сюда относится и потребность в любовных утехах. (210) Поэтому нужно, чтобы подросток воспитывался так, чтобы он не стремился до двадцати лет к близости подобного рода, а достигнув этого возраста, прибегал к ней, но редко. Это возможно, если здоровье признается чем-то достойным и прекрасным. Невоздержанность же и здоровье в одном человеке несовместимы. Говорят, что они хвалили такие из ранее установленных в греческих городах законы, которые запрещают сходиться с матерями, дочерьми и сестрами, а также не позволяют сходиться в храме и принародно, так как прекрасно и полезно ставить как можно больше препятствий проявлениям именно этой страсти.[337] Кажется, эти мужи полагали, что рожденных с природным недостатком или в результате насилия (ὕβρις) надо устранять, оставляя лишь тех, кто произведен полноценным и при этом благоразумно, в результате осмысленного и законного деторождения. Они считали, что родители будущих детей должны многое предусмотреть заранее. Во-первых, нужна величайшая предусмотрительность при подготовке себя к детопроизводству. Эта предусмотрительность должна выражаться в разумном и здоровом образе жизни, отказе от несвоевременного и обильного употребления пищи, а также такой пищи, от которой ухудшаются телесные свойства; вовсе не пить вина, так как они считали, что от плохого, нестройного и беспорядочного смешения возникают порочные семена.[338] (212) В общем, они полагали, что совершенно легкомысленно и непредусмотрительно поступает тот, кто собирается породить живое существо и вывести его на свет, к существованию, но не заботится с величайшей тщательно-

стью о том, чтобы этот приход к жизни и бытию был самым радостным из событий, в то время как любители собак со всей тщательностью заботятся о рождении щенков, чтобы они рождались от кого нужно и когда нужно и чтобы использовались какие нужно средства для рождения и воспитания собачьего потомства. Точно так же поступают и любители птиц. (213) Ясно, что и другие люди, заботящиеся о потомстве от живых существ, прилагают всяческое старание, чтобы деторождение у тех не совершалось неподобающим образом. Люди же о собственных порождениях не имеют никакого разумного попечения, но порождают наобум и как попало, избегая всякого разумного метода, да и после этого кормят и воспитывают с полным пренебрежением. А ведь это самая главная причина того, что множество людей дурны и порочны. Ибо с каким-то безрассудством и наподобие животных совершается у многих детопроизводство.[339] Таковы были наставления и нравы этих мужей, стремившихся в словах и на деле к благоразумию и воспринявших от самого Пифагора призывы к нему, подобные изречениям Аполлона.

ГЛАВА XXXII

(214) О мужестве Пифагора и его учеников свидетельствует уже многое из того, что было сказано, как, например, удивительная история о Тимихе и тех, кто решился умереть, но не нарушить запрет Пифагора, касающийся бобов, и многие другие поступки, подобные этим, которые благородно совершил и сам Пифагор, путешествуя повсюду без сопровождения и перенося тяжелые труды и опасности. Приняв

решение оставить родину и вести жизнь на чужбине, свергая тираннии и устанавливая порядок в полисах, объятых смутой, даря им свободу взамен рабства и прекращая произвол, смиряя дерзость и препятствуя людям наглым и тираннам, и, с одной стороны, милостиво помогая своим руководством людям справедливым и кротким, с другой — изгоняя диких и дерзких из людского сообщества, и запрещая им устанавливать свои законы, и проявляя к первым благосклонность, вторым же противясь всеми силами.[340] (215) Итак, можно было бы привести множество примеров таких поступков, и он часто совершал их, но самым замечательным из всего является то, что сказал и сделал Пифагор с величайшим свободомыслием при встрече с Фаларидом[341]. Ибо, когда он был задержан Фаларидом, жесточайшим из тираннов, а при нем был мудрый муж по имени Абарид, родом из гиперборейцев, который пришел только ради того, чтобы побеседовать с Пифагором, и задавал ему вопросы и особенно много вопросов о божественном: об изображениях богов и наиболее благочестивых формах служения им, о способности богов предвидеть, о небесных телах и их вращении вокруг земли, спрашивал и о многом другом, (216) Пифагор же по божественному — такова была его природа — внушению отвечал ему твердо, со всей правдивостью и убедительностью, так что привлек к себе слушателей, Фаларид во время этой их беседы воспылал гневом к Абариду, хвалившему Пифагора, пришел в ярость и по отношению к самому Пифагору и осмелился извергать ужасные хулы даже против богов и всего того, о чем говорил Пифагор. Абарид же, одобряя слова Пифагора, поблагодарил его, а после этого был научен им, что все на земле зависит от небесных явлений и управляется дру-

гими, еще более многочисленными и божественными силами и их энергией. И Абариду Пифагор вовсе не показался обманщиком, и он необычайно дивился на него, как на бога. В ответ на это Фаларид отверг искусство прорицания и те обряды, которые открыто совершаются в храмах. (217) Абарид же перевел разговор с этих предметов на явления всем очевидные и, со своей стороны, пытался убедить Фаларида, что есть божественное провидение, превосходящее любые чаяния и силы человека, ссылаясь на благодеяния богов и помощь некоторых демонов людям в трудных обстоятельствах или тяжелых войнах, при неизлечимых болезнях, во время мора или гибели плодов и в других подобных этим тяжелейших и безысходных ситуациях. Фаларид и на это отвечал дерзко и бесстыдно. Затем уже Пифагор, подозревая, что Фаларид хочет предать его смерти, и вместе с тем зная, что неподвластна его жизнь Фалариду, взял слово. Обращаясь к Абариду, он сказал, что переход душ с неба в воздушные слои и на землю совершается по воле неба, (218) а также очень понятно для всех рассказал о связи всех явлений с небом и неопровержимо доказал, что у души есть своя собственная сила, и после этого довольно подробно рассказал о совершенной энергии слова и ума. Затем он так же свободно говорил о тирании и всех случайных выгодах, о несправедливости и человеческом корыстолюбии в целом, убедительно показав, что все это ничего не стоит. Вслед за тем он произнес боговдохновенное наставление о наилучшем образе жизни и подробно сопоставил его с наихудшим, сообщил самые разумные сведения о душе, ее силах и страстях, как все это действует, и — самое прекрасное из всего сказанного — показал, что боги неповинны во зле и что все болезни и

телесные страдания — результат человеческой невоздержанности. Он также сказал и о том, что говорят плохого в мифах о богах писатели и поэты. И, обличая, одновременно вразумлял Фаларида, показал на примере его дел, какова сила тиранна и сколько ее, говорил о наказании по закону, что оно совершается заслуженно, представив множество подтверждений тому, провел ясное различие между людьми и другими живыми существами, со знанием дела рассуждал о внутреннем слове и его внешнем выражении[342], подробно говорил об уме и исходящем от него познании, (219) дал полезнейшие наставления по нравственными и многим другим связанным с ними вопросам, касающимся того, что является в жизни благом, присоединив к ним достойнейшим образом соответствующие увещевания и отговаривая от того, чего не следует делать. И самое главное: провел различие между тем, что делается по воле судьбы, и тем, что делается согласно уму, много и мудро рассуждал о демонах и бессмертии души. Но это была бы уже другая тема. То, что было сказано ранее, вполне подтверждает его мужество. (220) Ведь если он, подвергаясь смертельной опасности, философствовал с непоколебимой твердостью, целенаправленно и стойко защищался от грозящего ему несчастья и если с тем, кто подвергал его опасности, обращался свободно и откровенно, то, значит, он с полным презрением относился к тому, что считается страшным, как к чему-то такому, на что не стоит обращать внимания. И если он, как это свойственно человеческой природе, чувствовал угрозу смерти и тем не менее совершенно пренебрегал ею и грозящей ему в тот момент опасностью, ясно, я думаю, что он поистине не знал страха смерти. И еще более благородный, чем этот, поступок совер-

шил Пифагор, содействуя низвержению тираннии Фаларида и обузданию тиранна, собиравшегося принести непоправимые беды людям, освободив таким образом Сицилию от жесточайшей тираннии. (221) Тот факт, что он сам был инициатором этого заговора, подтверждают и оракулы Аполлона, в которых содержатся намеки на то, что Фаларид будет лишен власти тогда, когда его подданные станут совершеннее, обретут единодушие и объединятся друг с другом, что и случилось в то время при участии Пифагора благодаря его советам и руководству. Но еще большим доказательством служит срок. Ведь именно в тот день, когда Фаларид угрожал Пифагору и Абариду, был убит заговорщиками он сам. (222) И то, что случилось с Эпименидом, пусть также будет подтверждением сказанному. Ибо подобно тому, как Эпименид, ученик Пифагора, когда какие-то люди собирались его убить, призвав Эриний[343] и богов-мстителей, сделал так, что все заговорщики перебили друг друга, точно так же и Пифагор, защищая людей с чувством справедливости и мужеством Геракла, наказал бесчинствующего и причиняющего вред людям тиранна для пользы же людей и предал его смерти в согласии с предсказаниями Аполлона, с которым был связан единой природой с самого рождения. Вот какое удивительное доброе дело, свидетельствующее о его мужестве, мы только что рассказали. (223) Другим же доказательством мужества Пифагора служит его стремление сохранить законность, благодаря которому он делал только то, что было свойственно его природе, и что подсказывал ему правильный разум, и от чего его не могли заставить отступиться ни соблазны, ни трудности, ни какое-либо другое испытание (πάθος) или опасность. И друзья его предпочитали умереть, чем преступить

хотя бы на йоту то, что было им запрещено, и, пройдя испытания в различных бедах, они сохранили свой нрав неизменным и, вовлеченные во множество опасностей, ни разу не изменили учению Пифагора. Постоянно звучал среди них призыв «всегда помогать закону и воевать с беззаконием», сторониться роскоши и отвергать ее, приучать себя с рождения к разумному и мужественному образу жизни. (224) У них применялись некоторые мелодические заклинания против страдательных состояний души, одни — против уныния и подавленности, которые они изобретали с величайшей пользой для себя, другие же, наоборот, — против раздражения и гнева. С помощью этих мелодических заклинаний они, возвышая и понижая чувства до определенной меры, делали их соразмерными мужеству.[344] Более всего укрепляло благородство их натуры убеждение, что ни одно из несчастий человеческой жизни не должно быть неожиданностью для умных людей, но из того, что не в нашей власти, следует ожидать всего. Что же касается того, что зависит от нас, то они, когда ими овладевали гнев, печаль или какое-нибудь другое подобное чувство, удалялись от окружающих, и каждый наедине с собой пытался мужественно подавить страдательное состояние души и излечиться от него.[345] Отличительной чертой пифагорейцев было прилежание в учении и занятиях, и борьба со свойственной людям от природы невоздержанностью и корыстолюбием, и самые разные способы сдерживания и подавления пороков, которые они применяли с неумолимостью огня и железа и не щадили для этого ни сил, ни выдержки. Сюда относится благородный отказ от употребления в пищу одушевленных существ, сюда же — поддерживание бодрого состояния ума и освобождение от того, что

мешает ему быть чистым, а кроме того, их мужество укрепляло и словесное воздержание и полное молчание в целях обуздания языка, практиковавшееся ими на протяжении многих лет, а также напряженное и неустанное изучение и усвоение труднейших умозрительных положений (226) и с этой целью — отказ от вина, пост, короткий сон, неподдельное презрение к славе, богатству и тому подобному. И все это содействовало укреплению в них мужества. От жалоб, слез и всех других подобных проявлений эти мужи, говорят, себя удерживали. Воздерживались они и от просьб и ходатайств и всего прочего раболепия, считая заискивание делом низким и недостойным мужественного человека. О той же самой отличительнои черте их нравов свидетельствует и то, что все пифагорейцы самые главные и незыблемые свои правила всегда хранили в тайне, держа их в памяти, незаписанными, и не разглашая среди посторонних благодаря строго соблюдаемому словесному воздержанию, преемникам же передавали их, словно тайны богов. (227) Поэтому долгое время ничего достойного упоминания не разглашалось за пределами школы, изучаемое и познаваемое лишь в ее стенах. Если же пифагорейцам случалось когда-нибудь говорить при посторонних и, так сказать, профанах, они объяснялись друг с другом с помощью иносказаний, следы которых остались еще и поныне в том, что позднее было предано огласке, как, например, «огня ножом не разгребать» и тому подобные иносказания, которые в буквальном своем значении похожи на старушечью болтовню, когда же раскрывается их истинный смысл, приносят тому, кто понял их, удивительную и значительную пользу. (228) Но наиболее убедительным доказательством мужества пифагорейцев является их цель — дос-

тичь самого главного: спасти и освободить от стольких цепей и оков плененный с рождения ум, без которого никто не может вообще познать ничего здравого, ничего истинного и не может сделать этого с помощью какого бы то ни было чувства. «Ибо ум, по их словам, — все видит и слышит, а остальное глухо и слепо»[346]. На второй ступени они прилагали величайшие старания, направленные к тому, чтобы в теперь уже пребывающий в чистоте и разнообразно усовершенствованный тайными математическими обрядами ум вложить нечто полезное и относящееся к божественному миру, чтобы ум, с одной стороны, не боялся состояния освобожденности от предметов телесных, и в то же время, ведомый к предметам бестелесным, не отводил бы от них взгляда из-за слишком яркого их блеска и не обращался бы душой назад, к страстям, пригвоздившим ее к телу и поработившим в нем, и чтобы он вообще был недосягаем для всех действующих в мире становления (γενεσιουργὰ) и низменных страстей.[347] Ведь всеми этими способами осуществлялась подготовка и восхождение к совершенной мужественности[348]. Вот что можем мы сказать в подтверждение того, что Пифагор и пифагорейцы были мужественными людьми.

ГЛАВА XXXIII

(229) Пифагор совершенно ясно показал дружеское согласие всех со всеми: богов с людьми — через благочестие и умелое служение людей богам, основоположений — друг с другом, и вообще дружеское согласие души с телом, а разумной ее части с неразумными — через философию и осуществляемое по ней умозрение, людей — друг с другом, а именно

сограждан — через твердую законность, граждан разных народов — через истинное знание природных свойств чужого народа, мужа и жены или братьев и домочадцев — через неискаженные взаимоотношения, — одним словом, дружеское согласие всех со всеми и еще с неразумными животными — через справедливость, природную взаимосвязь и общность, а в теле, которое как таковое смертно, умиротворение и улаживание разногласий скрытых в нем и противоборствующих сил — через здоровье и обеспечивающие здоровье образ жизни и благоразумие в подражание благотворному согласию космических элементов. (230) Первым, по общему признанию, открыл и утвердил как закон все это, называемое при сокращении и объединении в одно целое одним словом «дружба», Пифагор[349] и так научил пользоваться этим дружеским согласием, что еще и теперь многие говорят о тех, кого объединяет крепкая дружба, что они дружат по-пифагорейски. В этой связи нужно рассказать и о методах воспитания и о наставлениях Пифагора, с которыми он обращался к своим последователям. Итак, эти мужи призывали изгонять из истинной дружбы дух соперничества и вражды, лучше всего из любого вида дружбы, если это возможно, если же нет — то по крайней мере из дружбы с родителями и вообще со старшими, точно так же и из дружбы с благодетелями. Ибо спорить и ссориться с родителями и благодетелями под влиянием нахлынувшего гнева или какой-нибудь другой такой же страсти не приносит пользы существующей дружбе. (231) Они говорили, что душевных царапин и ран при дружбе надо наносить друг другу как можно меньше. Это происходит тогда, когда умеют уступать и смирять свой гнев оба, но более всего, если это делает младший, какое бы из указанных выше

положений он ни занимал. Исправления и вразумления младших старшими, которые они называли «стреноживанием», должны делаться, по их мнению, с большой благожелательностью и осторожностью, и старшим при вразумлении нужно проявлять много заботливости и родственного чувства. Тогда вразумление будет прекрасным и полезным. (232) Из дружбы никогда не нужно изгонять доверия — ни во время игры, ни во время занятий. Ведь трудно сохранять установившуюся дружбу в прежнем виде, если однажды в нравы тех, которые называют себя друзьями, вкрадется ложь. Не нужно отказываться от дружбы из-за несчастья или каких-нибудь других помех, если они возникнут в нашей жизни, но лишь по причине полного разочарования в друге и в дружбе с ним, происшедшего из-за большой испорченности и неисправимости друга.[350] Не нужно никогда разжигать вражды с людьми не совсем дурными, а если она все-таки возникнет, благородно ожидать при столкновении, не переменится ли нрав враждующего и не появится ли у него доброжелательное отношение. Враждовать же против кого-нибудь нужно не на словах, а на деле: враг поступает с врагом законно и не против воли богов, если воюет с ним, как человек с человеком[351]. По возможности следует никогда не быть первопричиной раздора и более всего опасаться его возникновения. (233) Если собираешься вступить в подлинно дружеские отношения, прежде всего, говорили они, требуется разделить и распределить обязанности и обозначить их правильно и не как попало, но в соответствии с нравом каждой из сторон, чтобы ни одна встреча не была незначительной и случайной, но соблюдались уважение друг друга, единомыслие и порядок и чтобы своевольно, дурно и ошибочно не вспыхнула бы какая-либо страсть,

как, например, гнев или пылкое желание. Но можно привести примеры и того, как они в одно и то же время отклоняли решительно дружбу чуждых им людей и весьма старательно их избегали и остерегались, а дружбу между собою сохраняли строго в течение многих поколений. Это очевидно из того, что рассказывает Аристоксен[352] в своем сочинении «О пифагорейской жизни» со слов Дионисия, сицилийского тиранна, с которым он встречался, когда тот, лишенный власти, изучал науки в Коринфе. (234) Аристоксен рассказывает следующее: «От жалоб, слез и тому подобного те мужи воздерживались, насколько возможно. То же самое можно сказать о лести, просьбах, мольбе и всем прочем в этом роде. Итак, Дионисий, лишившись власти тиранна и прибыв в Коринф, часто рассказывал нам о Финтии и Дамоне. Речь шла о происшедшем ручательстве за смерть. Обстоятельства, при которых оно случилось, были следующими. Дионисий говорил, что некоторые из его окружения, часто упоминавшие о пифагорейцах, высмеивали их, бранили и называли хвастунами, говоря, что с них слетела бы эта важность, притворная верность принципам, бесстрастие, заставь их кто-нибудь испытать настоящий страх. (235) Так как другие стали им возражать и возник спор, условились разыграть с Финтием такой спектакль. Дионисий, призвав Финтия, сказал, что некто обвиняет его в том, что он вместе с другими состоит в заговоре против него, Дионисия, и присутствующие подтвердили это, так что негодование Дионисия выглядело совершенно правдоподобным. Финтия же эти слова удивили. Но так как сам Дионисий сказал, что это установлено точно и поэтому он должен умереть, Финтий ответил, что если уж Дионисию кажется, что это так и есть, то он просит предоста-

вить ему оставшуюся часть дня, чтобы уладить домашние дела, свои и Дамона, так как эти мужи жили вместе и имели общее имущество, а Финтий, будучи старшим, бо́льшую часть домашних дел взял на себя. Поэтому он просил отпустить его, говоря, что поручителем он оставит Дамона. (236) Дионисий, как он сам рассказывает, был удивлен этим и спросил, найдется ли такой человек, который останется в качестве заложника ждать смерти. После того как Финтий сказал, что найдется, и послали за Дамоном, последний явился и, выслушав о том, что произошло, сказал, что он ручается за Финтия и будет ждать здесь, пока тот возвратится. Сам он, говорит о себе Дионисий, просто был поражен всем этим; те же, которые с самого начала подбивали его на испытание, смеялись над Дамоном как над обреченным на смерть и говорили в шутку, что взамен оставлена лань[353]. Итак, солнце уже клонилось к закату, когда явился приговоренный к смерти Финтий, чем все были поражены и покорены. Сам же он, говорит Дионисий, обнял и поцеловал этих мужей, просил принять его третьим в их дружеский союз, но они наотрез отказались это сделать, несмотря на его настоятельные просьбы». (237) Это, говорит Аристоксен, узнал он от самого Дионисия.[354] Говорят, что пифагорейцы, даже не зная друг друга, стремились оказать дружескую помощь тем, кого они никогда не видели, если получали какое-нибудь доказательство, что те — приверженцы того же самого учения, что и они, так что, учитывая эту дружескую помощь, не таким уж невероятным покажется утверждение, что благородные люди, даже если живут на разных концах земли, — друзья друг другу прежде, чем познакомятся и разговорятся. Говорят, что один из пифагорейцев, идя долгим и безлюдным путем, ос-

тановился на каком-то постоялом дворе. От усталости и по разным другим причинам он тяжело и надолго заболел, так что со временем у него не осталось самого необходимого для жизни. (238) Хозяин двора, то ли из жалости к человеку, то ли из гостеприимства, предоставил к его услугам все необходимое, оказывая всяческую помощь и не жалея средств. Когда же болезнь усилилась, умирающий попросил его написать на доске какой-то знак и дал наказ, если с ним что случится, прикрепить эту доску возле дороги и наблюдать, не узнает ли кто-нибудь из путников знак. Ибо этот человек, сказал он хозяину двора, возместит расходы, которые тот понес ради него, и отблагодарит за заботу о нем. Хозяин двора после кончины похоронил его по обряду, однако не надеялся ни на возмещение расходов, ни на то, что будет облагодетельствован кем-нибудь из узнавших знак, но на всякий случай, хотя и был удивлен поручением, ежедневно выставлял доску на обозрение. Много времени спустя один из пифагорейцев, проходя мимо, остановился и узнал выставленный знак, расспросил о случившемся и выплатил хозяину двора денег гораздо больше, чем тот истратил. (239) Говорят, что Клиний из Тарента, услышав, что Прор из Кирены, ученик Пифагора, рискует потерять имущество, собрал средства, поплыл в Кирену и поправил материальное положение Прора, не только не обращая внимания на уменьшение своего собственного имущества, но и не опасаясь рискованного путешествия. Точно так же Фестор из Посидонии, как только услышал, что Фимариду с Пароса, пифагорейцу, случилось обеднеть после большого достатка, отправился, говорят, на Парос, собрав много серебра, и приумножил имущество Фимарида. (240) Все это — достойные и прекрасные примеры дружбы.

Гораздо более удивителен их взгляд на общность благ, дарованных богами, и то, что они утверждали о единстве ума и о божественности души. Ибо они часто призывали не разрушать в себе бога. Следовательно, все их ревностное отношение к дружбе в словах и на деле имело целью некую связь с божеством и единение с ним, а также общность ума и общность божественной части души у друзей. Вряд ли кто-нибудь нашел бы что-нибудь лучшее в человеческих словах и поступках, чем пифагорейская дружба. Думаю, что и все блага дружбы содержатся уже в ней самой. Вот почему, как бы охватив в этой главе все преимущества пифагорейской дружбы, мы прекращаем о ней разговор.

ГЛАВА XXXIV

(241) После того как мы рассказали о Пифагоре и пифагорейцах по видам их добродетелей, приведем теперь также и разрозненные свидетельства о том, что они имели обыкновение говорить, которые не укладываются в избранную нами схему. Итак, рассказывают, что они призывали всех эллинов, вступавших в их братство, говорить лишь на родном языке, так как говорить на чужом они не считали нужным. Для обучения же приходили к пифагорейцам и чужестранцы: мессапы, луканы, певкетии, римляне[355]. Метродор, брат Фирса, применявший то, чему научился у своего отца Эпихарма[356] и через него у Пифагора, большей частью в медицине, объясняя брату учение отца, говорит, что Эпихарм, а прежде него Пифагор лучшим из диалектов считали дорийский из-за его музыкальной гармонии. А что касается ионийского и эолий-

ского, то они грешат хроматизмом[357], аттический же — сверх меры. Дорийский же диалект гармоничен, слова состоят из полнозвучных букв. В пользу дорийского диалекта говорит его древность и следующий миф. Нерей был женат на Дориде, дочери Океана. От Нерея, согласно мифу, родились пятьдесят дочерей, и среди них мать Ахиллеса. Как утверждают некоторые, Девкалион, сын Прометея, и Пирра, дочь Эпиметея, родили Дора, последний — Эллина[358], Эллин — Эола. В храмах Вавилона можно услышать, что Эллин произошел от Зевса, от Эллина же родились Дор, Ксуф и Эол. С этим рассказом соглашается даже сам Гесиод.[359] Как бы то ни было, более поздним поколениям нелегко получить точные знания о древности или постичь что-либо. (243) Но и те и другие рассказчики единодушны в том, что старейшим из диалектов является дорийский, позже возник эолийский, названный так по имени Эола, третьим по времени был аттический, получивший имя от Аттиды, дочери Краная[360], четвертым — ионийский, названный по имени Иона, сына Ксуфа и Креусы,[361] дочери Эрехтея, рожденной[362] тремя поколениями позже появления первых фракийцев и похищения Орифии[363], как свидетельствует большинство историков. На дорийском диалекте говорил и Орфей, старейший из поэтов. (244) Из врачебного же искусства они, говорят, более всего уделяли внимание тому, что касается образа жизни, и были наиболее усердны именно в этом, стараясь прежде всего изучить признаки правильного соотношения питья, еды и отдыха; далее, они едва ли не первыми начали заботиться о порядке самого приготовления пищи и напитков и выбирать то, что для этого нужно. Чаще предшественников применяли пифагорейцы и целебные мази, применение же лекарств они одобряли

меньше, а если и использовали их, то главным образом для умащения ран; что касается надрезов и прижиганий, то это они применяли менее всего[364]. При некоторых болезнях прибегали они и к заклинаниям. (245) Говорят, что они избегали людей, выставляющих напоказ свои знания и открывающих свои души, словно ворота харчевни, всякому встречному; если же не находятся покупатели, эти люди сами рассеиваются по городам и в общем работают ради наживы в гимнасиях и с юношами, беря плату за недостойное дело. Пифагор же о многом говорил иносказательно для того, чтобы те, кто воспитаны в нравственной чистоте, восприняли его слова с пониманием, а остальные, как Тантал у Гомера[365], лишь огорчились бы, присутствуя на его уроках, но так ничего и не вкусив. Я думаю, пифагорейцы говорили и о том, что не следует обучать тех, кто приходит учиться, за плату, ведь те, кто берут плату, оказываются хуже резчиков герм[366] и колесничников, так как последние, когда кто-нибудь закажет им за деньги герму, ищут пригодное для создания образа дерево, а взимающие плату за обучение добродетели используют то, что уже приготовлено всей природой[367]. (246) Пифагорейцы говорят, что более всего следует заботиться о философии, родителях и земледелии, так как родителям и земледельцам мы обязаны тем, что живем, философам же и воспитателям — тем, что живем хорошо и разумно, обретя в их лице правильное руководство. Пифагор не считал нужным ни говорить, ни писать так, чтобы его мысли были понятны каждому случайному человеку, но первое, чему, говорят, учил он своих слушателей, это умению, избавившись от всякого рода невоздержанности, молчать обо всем том, что они от него слышали. Первый, кто разгласил тайну симметрии и

асимметрии среди непосвященных, был, говорят, наказан так, что его лишили не только общения и проживания вместе со всеми, но и соорудили ему надгробие, как будто ушел из жизни тот, кто некогда был им товарищем. (247) Другие же говорят, что и божество мстило тем, кто разглашал слова Пифагора: так, погиб в море, словно нечестивец, тот, кто разгласил секрет построения двадцатиугольника, то есть двенадцатигранника, одной из пяти объемных фигур, которую можно вписать в форму шара. Некоторые говорили, что разгласивший учение об иррациональности и несоразмерности претерпел то же самое. Своеобразным и основанным на использовании символов было все обучение у Пифагора, из-за подражания манере древних подобное каким-то загадкам и иносказаниям, точно так же, как для тех, кто праздно вопрошает оракулы, подлинно божественные и пророческие изречения кажутся несколько непонятными и затруднительными для толкования. Вот какие сведения о Пифагоре и пифагорейцах можно было бы извлечь из их разрозненных высказываний.

ГЛАВА XXXV

(248) Но были такие люди, которые враждовали с этими мужами и восставали против них. Итак, с тем, что заговор возник в отсутствие Пифагора, согласны все авторы, разногласия же имеются лишь по поводу случившегося в это время отъезда Пифагора: одни говорят, что он уехал к Ферекиду Сиросскому, другие — в Метапонт. Причин же заговора называют много, одна же, возникшая благодаря так называемым килоновцам, заключается вот в чем. Кротонец Килон, превосходивший всех граждан родовитостью, славой и бо-

10 1057

гатством, однако по складу характера тяжелый, склонный к насилию, воинственный и тираннический человек, приложив все старания, чтобы приобщиться к образу жизни пифагорейцев, и придя к самому Пифагору, получил от него отказ по указанной нами причине.[368] (249) После того как это произошло, и сам он, и его друзья стали стремиться к настоящей войне против Пифагора и его товарищей. И самолюбие Килона и его сторонников оказалось таким сильным и неодолимым, что они готовы были истребить всех пифагорейцев до единого. Итак, Пифагор с какой-то целью отправился в Метапонт и там, говорят, окончил жизнь. Сторонники же Килона продолжали бунтовать против пифагорейцев и выказывать к ним всяческое недоброжелательство. Но все-таки до определенного времени их сдерживало добронравие пифагорейцев и благоволение к ним самих полисов, которые хотели, чтобы общественными делами руководили пифагорейцы. Но наконец злой умысел килоновцев против этих мужей достиг такого предела, что они, когда пифагорейцы собрались в доме Милона в Кротоне и обсуждали общественные дела, поджегши дом, сожгли их, кроме двоих — Архиппа и Лисида: эти двое, будучи самыми молодыми и сильными, какимто образом вырвались наружу.[369] (250) После того как это случилось и полисы не приняли никакого решения о приключившейся беде, пифагорейцы отошли от дел. Произошло это по двум причинам: во-первых, из-за пренебрежения полисов (ведь они не обратили никакого внимания на столь великое бедствие) и, во-вторых, из-за гибели самых авторитетных пифагорейцев. Из двоих спасшихся (оба были из Тарента) Архипп вернулся в Тарент, Лисид же, возненавидев свой город за его бездействие, уехал в Элладу и жил в Ахайе Пелопоннеской, а затем при чьей-то поддержке[370]

переселился в Фивы. Его слушателем стал Эпаминонд[371], называвший Лисида отцом. Здесь он и умер. Остальные пифагорейцы, за исключением Архита из Тарента, оставили Италию. Собравшись в Регии, они проводили там время, общаясь между собою. (251) По прошествии некоторого времени, после ухудшения порядка в полисах... [пропуск в тексте]. Наиболее ревностными среди них были флиунтцы Фантон, Эхекрат, Полимнаст и Диокл[372], а также Ксенофил-халкидянин из Халкидики Фракийской[373]. Они сохраняли, хотя школа уже пришла в упадок, первоначальные нравы и учение до тех пор, пока благородно не окончили жизнь.

Вот что рассказывает Аристоксен. Никомах[374] же в остальном согласен с этим рассказом, но утверждает, что заговор возник из-за отсутствия Пифагора. Ибо как только он уехал на Делос к Ферекиду Сиросскому,[375] своему учителю, а тот неожиданно заболел вышеупомянутой вшивой болезнью, именно тогда те, которых пифагорейцы ранее отвергли и заклеймили[376], напали на них и всех их повсюду сожгли и самих италийцы побили камнями после этого и выбросили без погребения.[377] Тогда и случилось так, что знание у знающих оскудело, так как сохранялось ими до той поры в сердце невысказанным, а среди непосвященных ими высказывались лишь трудно понятные и необъяснимые речи. Исключение составляют немногие, которые, оказавшись на чужбине, сохранили некоторые остатки учения, довольно темные и труднопостижимые. (253) Ибо и они, живя в одиночестве и из-за того, что случилось, пав духом сверх меры, разбрелись кто куда и уже не хотели общаться ни с кем из людей. Живя в пустынных местах, куда бы ни забросила их судьба, одинокие и замкнутые, они большей частью довольствовались каж-

дый общением с собой, которое заменяло им все. Но из опасения, как бы совсем не погибла среди людей философия и сами они не стали бы из-за этого ненавистны богам, если полностью утратят столь великий данный им дар, они, написав некоторые заметки самого общего и иносказательного характера и собрав записи старших товарищей, а также то, что они помнили сами из этих записей, оставили их, где каждому довелось умереть, дав наказ сыновьям, или дочерям, или женам никому не давать их читать вне дома. Те же сохраняли их в течение довольно долгого времени, преемственно поручая то же самое потомкам.

(254) Так как Аполлоний[378] о тех же самых событиях рассказывает иначе и прибавляет много такого, о чем не говорят Аристоксен и Никомах, приведем и его рассказ о заговоре против пифагорейцев. Итак, он говорит, что некоторые стали относиться недоброжелательно к Пифагору сразу же. Ибо пока Пифагор беседовал с любым из посетителей, людям это нравилось. Когда же он начал общаться лишь с учениками, остальные почувствовали себя униженными. И, с одной стороны, когда он приехал к ним как чужеземец, они позволяли ему быть выше их, но, с другой, были недовольны тем, что им, коренным жителям, приходится терпеть превосходство чужеземца. А затем получилось так, что юноши, будучи родом из семей влиятельных и выделяющихся среди других достатком, с возрастом стали первенствовать не только в частной жизни, но и управлять государственными делами и, с одной стороны, объединились в товарищество (а было их свыше трехсот), с другой же, составляли лишь небольшую часть города, управлявшегося согласно другим обычаям и нравам, чем у них. (255) Но все-таки кротонцы, пока завоевывали окрестные земли и приехал Пифагор, долгое

время после колонизации сохраняли порядок, хотя были недовольные и ожидающие удобного случая для переворота. Когда же был завоеван Сибарис, а Пифагор уехал и завоеванные земли распределили по жребию, причем многие не получили тех наделов, которые им хотелось бы получить, затаенная ненависть вспыхнула, и против пифагорейцев [управлявших полисом] восстало большинство. Зачинщиками же мятежа стали люди, наиболее близкие к пифагорейцам по родству и домашним связям. Причиной же недовольства послужило то, что многое из того, что сделали пифагорейцы, им, как, впрочем, и обычным людям, чувствовавшим отличаемость пифагорейцев от остальных, было не по душе, а в делах самых значительных они только себя одних считали обойденными. Не нравилось им и то, что никто из пифагорейцев не называл Пифагора по имени: пока он был жив, пифагорейцы, если хотели упомянуть о нем, называли его «божественный», когда же он умер, они говорили о нем «тот муж», подобно тому как Евмей у Гомера упоминает об Одиссее:

Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив).[379]

(256) Точно так же не нравилось им и то, что те встают с постели не позже восхода солнца и не носят перстня с изображением какого-нибудь бога, первое делая потому, что хотят, застав восход солнца, помолиться ему,[380] а второе — потому, что боятся приближать перстень с изображением бога к местам погребений или какому-нибудь другому нечистому месту[381]; точно так же не делают они ничего безответственного и не обдуманного заранее, но рано утром решают, что будут делать, а ложась спать, перебирают в уме, что сделали, развивая в процессе обдумывания [сделанного] память; сходно

с этим и то, что, когда кто-нибудь из участников беседы назначает встречу в каком-нибудь месте, его там дожидаются весь день и всю ночь до тех пор, пока не придет,[382] — в этом опять же сказывается привычка пифагорейцев помнить уговор и не бросать слов на ветер; (257) в целом же у них все расписано вплоть до смерти, ведь даже в последний час они предписывают не воссылать неразумных молитв, но хранить благоговейное молчание наподобие тех, кто перед выходом в плавание наблюдает за полетом птиц[383], что делали и они, переплывая Адриатическое море. Все подобное, как я уже говорил, огорчало всех без исключения, коль скоро они поняли, что пифагорейцы живут по-особенному, воспитываясь вместе в пределах замкнутой общины. С еще большим раздражением относились родственники пифагорейцев к тому, что те лишь своим подают правую руку, а из близких никому, кроме родителей, и то, что у них общее имущество, а от их имущества оно отделено. Когда же этот раздор начали родственники, остальные охотно присоединились к враждебной пифагорейцам стороне. И когда из членов совета тысячи с речами выступили Гиппас, Диодор и Феаг, потребовав, чтобы все граждане имели право участвовать в органах власти и в народном собрании, а высшие должностные лица давали бы отчет тем, кто избран по жребию из всего народа, пифагорейцы же Алкимах, Динарх, Метон и Демокед препятствовали этому и не позволяли разрушать государственное устройство, установленное отцами, победу одержали те, которые говорили в защиту прав большинства. (258) Когда же вслед за тем собрался народ, из ораторов Килон и Нинон, прервав выступление пифагорейцев перед народом, начали обвинять их самих. Первый был из числа зажиточных, второй — из числа малоимущих. При произнесении этих речей, причем речь

Килона была более длинной, второй из выступавших, сделав вид, что он ознакомился с тайным учением пифагорейцев, а в действительности выдумав и написав сочинение, с помощью которого более всего надеялся их оклеветать, дал его чтецу и приказал читать вслух. (259) Оно имело заголовок «Священное слово», а общий смысл написанного был следующий: Пифагор призывает друзей чтить, как богов, а остальных смирять, как зверей. (Эту же мысль высказывают в стихах в своих воспоминаниях о Пифагоре его ученики:

Вровень он ставил друзей с богами блаженными неба,
А остальных не считал он даже достойными слова.)

(260) Гомера он особенно хвалит за стихи, в которых сказано «пастырь народов»[384], ибо это значит, что он, будучи сторонником олигархии, считал, что остальные подобны скоту. К бобам относится враждебно, так как они — учредители голосования и вводят в должность избранных по жребию[385]. Стремится к тираннии, призывая лучше на один день стать быком, чем весь век быть коровой. Восхваляет законы других народов и велит подчиняться их постановлениям. Вообще Нинон представил их философию как заговор против народного большинства и призывал даже не обращать внимания на их советы, а задуматься над тем, отчего люди вообще не пришли бы на собрание, если бы пифагорейцы смогли убедить членов совета тысячи принять их совет. Поэтому раз они мешают силой слушать остальных, не нужно и им позволять говорить, но правой рукой, которую они отказываются подавать, всякий раз, когда они поднятием руки или камешком для голосования выражают свое мнение, голосовать против их предложения, считая для себя позором, что те, которые одержали верх над 300 000 у реки Тетраэнта,[386] в самом горо-

де стали жертвой заговора тысячной доли граждан от этого количества. (261) В конце концов он так взбунтовал слушателей своей клеветой, что те через несколько дней, когда пифагорейцы совершали жертвоприношение Музам в доме неподалеку от храма Аполлона, собравшись толпой, напали на них. Одни из пифагорейцев, предвидя эту опасность, не явились, другие во время нападения бежали в харчевню, Демокед же с эфебами ушел в Платеи[387]. Мятежники, отменив прежние законы, путем голосования обвинили Демокеда в том, что он собрал молодежь для установления тираннии, и пообещали тому, кто его убьет, выдать в награду три таланта. Когда вслед за тем произошло сражение и Демокеда победил в схватке Феаг, они выплатили последнему три таланта. (262) После того как в городе и его окрестностях совершилось множество злодеяний, беглецы были подвергнуты судебному разбирательству и трем городам — Таренту, Метапонту и Кавлонию — было предоставлено право третейского суда, и посланные из этих городов для вынесения приговора, получив плату[388], как сказано в памятных записях кротонцев, постановили изгнать виновных. Кроме того, победившие мятежники изгнали по суду всех недовольных установившимися порядками, а вместе с ними и их потомство, говоря, что не нужно совершать бесчестие и отрывать детей от родителей[389]. При этом они конфисковали их имущество[390] и осуществили передел земли. (263) По прошествии же многих лет и после гибели сторонников Динарха в какой-то другой междоусобице и смерти Литата, главаря мятежников, горожанами овладели сожаление и раскаяние, и они решили вернуть в город оставшихся в живых пифагорейцев. Пригласив послов из Ахайи, они при их посредничестве помирились с изгнанниками, поставив в Дельфах обетный столб с клятвами. (264)

Из пифагорейцев же возвратились около шестидесяти человек, не считая совсем старых; среди них некоторые, занявшись врачеванием и оказывая помощь тем, кто был болен, стали во главе возвращения. Случилось так, что оставшиеся в живых имели теперь в глазах большинства хорошую репутацию, и как раз к этому времени относится возникновение поговорки о преступивших закон: «Теперь их судят не так, как при Ниноне». Когда в земли кротонцев вторглись жители Фурий[391], пифагорейцы помогали своему городу и вместе с другими рисковали жизнью. Отношение же горожан к ним так сильно переменилось в противоположную сторону, что, не ограничившись похвалами этим мужам, они решили, что праздник в честь Муз будет приятнее этим последним, если общественные жертвоприношения будут совершаться в храме Муз, который ранее был построен пифагорейцами и в котором те почитали богинь. Итак, о гонениях на пифагорейцев сказано достаточно.

ГЛАВА XXXVI

(265) Все авторы единодушны во мнении, что преемником Пифагора был Аристей, сын Дамофонта, кротонец, сверстник Пифагора, родившийся почти за семь поколений до Платона[392]. Аристей удостоился не только руководства школой, но и брака с Феано и воспитания детей благодаря своему исключительному превосходству над другими в понимании основоположений. Ведь сам Пифагор стоял, говорят, во главе школы тридцать девять лет, а всего прожил почти сто лет, руководство же школой передал Аристею, который был самым старшим. После Аристея школой руководил Мнемарх, сын Пифагора, Мнемарха сменил Булагор, при котором произошло разграбление Кротона[393]. После него школой руково-

дил Гартид из Кротона, возвратившийся из путешествия, в которое отправился перед войной. Однако из-за несчастья, случившегося с отечеством, он ушел из жизни. (266) Гартид был единственным пифагорейцем, который умер от горя, остальные же пифагорейцы, дожив, как правило, до глубокой старости, как бы освобождались от оков тела. Впоследствии, однако, школой руководил Аресан из Левкании, спасенный какими-то чужестранцами[394]; к нему приехал Диодор Аспендский[395], которого приняли из-за малочисленности людей в школе. Диодор же, вернувшись в Элладу, принес туда пифагорейские идеи. Приверженцами же письменного изложения учения стали в Гераклее Клиний и Филолай[396], в Метапонте Феорид и Еврит[397], в Таренте Архит[398]. Слушателем, но не принятым в сообщество пифагорейцев оказался Эпихарм[399]: приехав в Сиракузы, он, опасаясь тираннической власти Гиерона, воздерживался от открытых занятий философией, однако излагал стихами идеи пифагорейцев и тайно, ради развлечения, разглашал основоположения Пифагора.

(267) Из общего числа пифагорейцев одни сделались известными, многие другие, разумеется, остались безымянными. Вот имена сделавшихся известными. Из Кротона: Гиппострат, Димант, Эгон, Гемон, Силл[400], Клеосфен, Агел, Эписил, Фикиад, Экфант[401], Тимей[402], Буф, Эрат, Итаней, Родипп, Бриант, Энандр, Миллий[403], Антимедонт, Агей, Леофрон, Агил, Онат, Гиппосфен, Клеофрон, Алкмеон[404], Дамокл, Милон[405], Менон.

Из Метапонта: Бронтин[406], Пармиск[407], Орестад, Леонт, Дамармен, Эней, Хилант, Мелесий, Аристей, Лафаон, Евандр, Агесидам, Ксенокад, Еврифем, Аристомен, Агесарх, Алкий, Ксенофант, Фрасей, Еврит[408], Эпифрон, Ириск, Мегисфий, Леокид, Фрасимед, Евфем, Прокл, Антимен, Лакрит, Да-

мотаг, Пиррон, Рексибий, Аолпек, Астил, Лакид, Алиох, Лакрат.

Из Акраганта: Эмпедокл.

Из Элеи: Парменид.

Из Тарента: Филолай, Еврит, Архит, Феодор[409], Аристипп, Ликон[410], (Гестией), Полемарх, Астей, Кений, Клеон, Евримедонт, (Аркей), Клинагор, Архипп[411], Зопир[412], Евфин, Дикеарх, Филонид, Фронтид, Лисид, Лисибий, Динократ, Эхекрат[413], Пактион, Акусилад, Иккос[414], Писикрат, Клеарат, Леонтей, Фриних, Смихий, Аристоклид, Клиний, Габротел, Писиррод, Геландр, Архемах, Бриант, Мимномах, Акмонид, Дикант, Карофантид.

Из Сибариса: Метоп, Гиппас[415], Проксен, Еванор, Леанакт, Менестор[416], Деокл, Эмпед, Тимасий, Птолемей, Эндий, Тирсен.

Из Карфагена: Мильтиад[417], Анфен, Годий, Леокрит.

С Пароса: Ээтий, Фенекл, Дексифей, Алкимах, Динарх, Метон, Тимей, Тимесианакт, Евмер, Фимарид[418].

Локрийцы: Гиттий, Ксенон[419], Филодам, Евет, Евдик, Сфенонид, Сосистрат, Евфин, Залевк, Тимар.

Уроженцы Посидонии: Афамант, Сим[420], Проксен, Кранай, Миес, Бафилай, Федон.

Луканы: братья Оккел[421] и Оккил, Оресандр, Керамб.

Уроженец Дардана: Малион.

Из Аргоса: Гиппомедонт, Тимосфен, Евелфон, Фрасидам, Критон, Поликтор.

Лаконцы: Автохарид, Клеанор, Еврикрат.

Гипербореец: Абарид.

Из Регия: Аристид, Демосфен, Аристократ, Фитий, Геликаон[422], Мнесибул, Гиппархид, Евфосион, Евфикл, Опсим[423], Калаид, Семинунтий.

Из Сиракуз: Лептин, Финтий, Дамон[424].

Самосцы: Мелисс[425], Лакон, Архипп, Гелорипп, Гелорид, Гиппон[426].

Уроженцы Кавлонии: Каллиброт, Дикон, Наст, Дримон, Ксент.

Из Флиунта: Диокл, Эхекрат, Полимнаст, Фантон[427].

Из Сикиона: Полиад, Демон, Стратий, Сосфен.

Киренцы: Прор[428], Меланипп, Аристангел, Феодор[429].

Из Кизика: Пифодор, Гиппосфен, Буфер, Ксенофил[430].

Из Катаны: Харонд, Лисиад.

Из Коринфа: Хрисипп.

Этруск: Навсифой[431].

Из Афин: Неокрит.

Понтиец: Лирамн.

Итого: двести восемнадцать человек.

Из женщин-пифагореек прославились: Тимиха, жена Миллия из Кротона; Филтида, дочь Феофрия из Кротона; Биндако́, сестра луканов Оккела и Оккила; Хилонида, дочь Хилона-лаконца; Кратесиклея-лаконянка, жена Клеонора-лаконца; Феано, жена Бронтина из Метапонта; Мия, жена кротонца Милона; Ласфения из Аркадии; Габротелия, дочь Габротела из Тарента; Эхекратия из Флиунта; Фирсенида из Сибариса; Писиррода из Тарента; Нистеадуса-лаконянка; Бэо́ из Аргоса; Бабелика из Аргоса; Клеэхема, сестра Автохарида-лаконца. Итого: семнадцать[432].

Комментарий и указатели

КОММЕНТАРИЙ

1. Переводим по конъектуре Наука.

2. Намек на одно из мест платоновского «Тимея», где сказано: «Все хоть сколько-нибудь благоразумные люди при устремлении как к малому, так и к большому делу всегда призывают в помощь бога» (27 С).

3. Разночтение: «свой рассказ».

4. Ямвлих имеет в виду многочисленные подложные сочинения, появившиеся в эллинистическую эпоху под именами Архита, Филолая и других известных пифагорейцев. Характеристику этих сочинений дает Кингслей (см. P. Kingsley. Ancient Philosophy, Mystery and Magic. Empedocles and Pythagorean Tradition. — Oxford. — 1995. — P. 317–347). Собраны же они в уже упоминавшемся нами во вводной статье издании Тезлеффа: H. Thesleff. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period. — Åbo, 1965.

5. *Анкей* — вождь племени лелегов, населявших побережье Эллады до прихода туда греческих племен в историческое время. Согласно Аполлонию Родосскому, один из участников похода аргонавтов («Аргонавтика» I,188).

6. Одно из возможных толкований κατοικήσαντα Σάμην τὴν ἐν τῇ Κεφαληνίᾳ «заселивший [остров] Саму, что в Кефалении»,

так как Кефалленией греки называли не только остров Кефаллению, но и целую морскую область, куда кроме островов Кефалления, Закинф, Итака и Дулихий входил также и остров Сама. «Кефалення», с одним «л», — так в тексте Ямвлиха.

7. Имеется в виду то ли город Халкида на острове Эвбея, то ли одноименный город в южной Элиде, но во всяком случае не Халкида Сирийская, откуда был родом сам Ямвлих.

8. Меламфилл буквально означает «Темнолиственный».

9. В большинстве источников Мнесарх.

10. Порфирий приводит мнение историка Клеанфа, утверждавщего, что отец Пифагора был сириец из сирийского Тира, приплывший на Самос по торговым делам и удостоившийся самосского гражданства («Жизнь Пифагора» 1).

11. Эти стихи цитирует также Порфирий («Жизнь Пифагора» 2). Имя поэта неизвестно.

12. Имена Пифии, Пифаиды и Пифагора имеют один и тот же корень.

13. Имя Пифагор буквально означает «Тот, о ком объявила Пифия» (Πυθία + ἀγορεύω).

14. *Эпименид* — генеалогический писатель Эпименид, о котором упоминает Диоген Лаэртский (I,115), а не знаменитый критский мудрец и ясновидящий, живший гораздо раньше Пифагора. Возможно также, пифагореец Эпименид, которого упоминает Ямвлих ниже, в XXIII,104. *Евдокс* — вероятно, историк Евдокс Родосский, которого упоминает тот же Диоген Лаэртский (VIII,90), хотя может быть и известный астроном, геометр, врач и законодатель Евдокс Книдский (V—IV вв. до н.э.), который был пифагорейцем, хотя последний по складу своего ума вовсе не был склонен к составлению сомнительных генеалогий. *Ксенократ* — ученик Платона, написавший помимо других сочинений также и «Пифагорейские вопросы».

15. Ямвлих, говоря о том, что душа Пифагора была спутницей Аполлона, по-видимому, неслучайно употребляет слово συνοπαδός («сопутствующая»), которое употребляет и Платон в «Федре», когда говорит, что избранные человеческие души сопутствуют Зевсу в воинстве богов и демонов.

16. Из рассказа Ямвлиха явствует, что отец Пифагора был торговец, Порфирий пишет, что он был хлеботорговец (ук. соч., 1), по Диогену же Лаэртскому (VIII,1), он был камнерез.

17. Порфирий утверждает, что Пифагор учился у Гермодаманта, *сына* Креофила («Жизнь Пифагора» 1), да и сам Ямвлих чуть ниже объявляет Гермодаманта другом Пифагора, называя Гермодаманта даже не сыном, а *потомком* Креофила.

18. *Ферекид Сиросский* — один из первых греческих философов, современник семи мудрецов; по словам Диогена Лаэртского, «первым написал о природе и происхождении богов» (I,116). Об отношениях Пифагора и Ферекида Сиросского см. ниже (II,11; XXX,184; XXXV,248).

19. У древних греков слово «демон» не имело значения «злой дух», а обозначало просто божество, которое могло быть и добрым, и злотворным. О различиях, существующих между добрыми и злотворными демонами, подробно говорит Порфирий в трактате «О воздержании от животной пищи» (II,39–42).

20. *Фалес* и *Биант* наряду с Солоном, Периандром, Клеобулом, Хилоном и Питтаком входили в состав античного канона мудрецов.

21. В 538 г. до н.э.; Поликрат, правитель Самоса, известен лишь благодаря рассказу Геродота о его дружбе с египетским фараоном Амасисом и драгоценном перстне, который был самой любимой вещью Поликрата и который он бросил в море, чтобы боги не испытывали зависти к его чрезмерному счастью (III,40–43).

11 1057

22. Таким образом, в §9 Ямвлих ошибся, назвав Пифагора учеником *самого Креофила*, что хронологически невозможно.

23. Физиками (от слова φύσις — «природа») в древности называли натурфилософов. *Анаксимандр* (ок. 610–546 гг. до н.э.) — философ, принадлежащий к милетской школе, но считавший первоначалом не какую-либо стихию, как считали Фалес (вода) или Анаксимен (воздух), а беспредельное (ἄπειρον). С точки зрения хронологии общение Пифагора с Анаксимандром маловероятно, хотя *точная* дата смерти Анаксимандра не установлена (546 г. до н.э. — предположительно).

24. *Диосполь* («город Зевса»), очевидно, обозначает Фивы египетские, где было святилище Зевса Аммона. Почти всем знаменитым греческим философам греческая историко-философская традиция приписывала пребывание и обучение в Египте (Фалес, Платон и др.).

25. Выше, в II,7 говорится, что Пифаида родила Пифагора в Сидоне, поэтому сказано «отечество по рождению», т. е. по месту рождения.

26. *Мох* — финикийский мудрец, живший в XII в. до н.э. и считавшийся создателем финикийской космогонии. Кроме того, Моха, а не Демокрита древние считали основоположником учения об атоме. Физиолог — то же, что натурфилософ.

27. Евсевий, цитируя Филона из Библа, рассказывает об инициациях в Финикии и утверждает, что греческие произошли от них («Praeparatio evangelica» I,10,8,38–39).

28. Гора Кармел считалась посвященной Зевсу (там был его храм). Ниже, в §15, Ямвлих говорит, что эта гора считалась неприступной. Она была неприступной в том смысле, что большинству было запрещено на нее подниматься, а не в том смысле, что на нее физически трудно было взойти.

29. И. Леви («La légende de Pythagore en Palestine», Paris, 1927, passim) считает, что рассказ Ямвлиха о путешествии Пифагора в Египет копирует рассказ из «Гимна Аполлону» (ст. 20–332), где изображается, как Аполлон взошел на критский корабль, чтобы переправиться на Крит. Однако ниже Ямвлих называет Пифагора «божественным демоном», а это название было у неоплатоников специальным термином: «божественными» назывались те демоны, которые стоят в иерархии демонов наиболее высоко и имеют свойства богов, о чем довольно подробно пишет Прокл в «Комментарии к „Алкивиаду"» (67.19–85.17 и специально о «божественных» демонах 71.5 сл.).

30. Диоген Лаэртский пишет, что Поликрат верительным письмом свел Пифагора с Амасисом, а затем Пифагор выучил египетский язык (VIII,3), Порфирий же сообщает, что благодаря Амасису Пифагор поступил в обучение к жрецам Гелиополя, затем Мемфиса и наконец Диосполя и поразил своим рвением жрецов Диосполя настолько, что они «в недоумении допустили его и к жертвоприношениям и к богослужениям, куда не допускался никто из чужеземцев» («Жизнь Пифагора» 8). Сообщение Диогена Лаэртского, если учесть неприязненное отношение Пифагора к тираннии Поликрата, следует признать недостоверным.

31. Порфирий сообщает (со ссылкой на «Историю Египта» стоика Херемона), что египетские жрецы, у которых обучался Пифагор, занимались постоянным наблюдением звездного неба и с этой целью *распределяли между собой* ночное время, вероятно, чтобы сохранять напряженное внимание и не пропустить ни одного, даже малозначительного, небесного явления («О воздержании от животной пищи» IV,8). О постоянных занятиях Пифагора астрологией см. ниже (VI,31; XII,59; XXIX,158).

32. *Камбис II*, сын Кира II, — персидский царь с 529 по 522 гг. до н.э. Завоевание Египта Камбисом произошло в 525—524 гг. до н.э., следовательно, если принять хронологию самого Ямвлиха, Пифагор, уехавший с Самоса после установления там тираннии Поликрата в 538 г. до н.э., провел в Египте 13 лет, а не 22 года. В «Теологуменах арифметики» (р. 53.1—5) Ямвлих также утверждает, что Пифагор был взят в плен воинами Камбиса и в качестве раба уведен в Вавилон, однако ни один из источников, кроме Ямвлиха и Апулея («Флориды» XXI,11), о пленении Пифагора воинами Камбиса не сообщает.

33. *Маги* — в данном случае маги — это потомственные жрецы Персии. До VII в. до н.э. это название носило восточнолидийское племя, из которого позже выделилось особое сословие проповедников и жрецов зороастрийской религии. Во времена Ямвлиха магами также называли жрецов всех религий иранского происхождения. — *Прим. ред.*

34. Пифагор, как и египетские жрецы, обучал с помощью символов для того, чтобы, с одной стороны, избежать профанации, с другой — дать наглядное чувственное выражение реальностей иного мира, так как σύμβολον («символ») буквально означает «соединение, совпадение», т. е. через символ осуществляется соединение этого и того мира.

35. Лучше бы сказать «геометрии числа», так как у Пифагора и пифагорейцев числа имели пространственно-геометрическое, а не абстрактное выражение, и Аристотель в «Метафизике» говорит, что в отличие от всех остальных пифагорейцы считали, что числа обладают *величиной* (1080b30).

36. *Абака* — счетная доска.

37. Ямвлих использует образное выражение. Ἀντιπελαργεῖν буквально означает «отплачивать аистиной заботой», так как аис-

ты — единственные птицы, которые заботятся о своих состарившихся родителях и доставляют им пропитание.

38. Древние атлеты перед борьбой умащали свое тело оливковым маслом.

39. Например, Фаворин Арелатский, автор «Разнообразных повествований», сообщение которого приводит Диоген Лаэртский (VIII,12–13) и которому следует Порфирий («Жизнь Пифагора» 15), утверждая, что Пифагор посоветовал атлету Евримену есть мясо, чтобы победить. «Некоторые утверждают, — говорит Диоген Лаэртский, приведя рассказ Фаворина, — что такое питание установил не философ Пифагор, а какой-то Пифагор-умаститель, ибо философ запрещал даже убивать животных, а тем более ими кормиться» (там же).

40. На этом жертвеннике Аполлону приносили нехарактерные для этого бога, как и для многих других языческих богов, бескровные жертвы — нехарактерные потому, что рядом с этим жертвенником находился на Делосе жертвенник Аполлона, составленный из рогов жертвенных животных, который некогда устроил Тезей после своей победы над Минотавром. Порфирий в своем трактате «О воздержании от животной пищи» называет жертвенник, на котором приносил жертвы Аполлону Пифагор, не «бескровным», а «жертвенником благочестивых» (II,28) и находит в этом факте подтверждение основного положения 2-й книги своего трактата, что первоначально совершали растительные жертвоприношения, а животных стали приносить в жертву гораздо позже. Порфирий утверждает, что пифагорейцы следовали именно этому древнему благочестивому обычаю растительных жертвоприношений и, уделяя при жертвоприношении части жертвенного животного богам, сами его не ели.

41. По сообщению Диогена Лаэртского (VIII,3), Пифагор вместе с Эпименидом спускался в пещеру Зевса на горе Иде

(Крит). Порфирий же рассказывает об этом событии и о пребывании Пифагора на Крите вообще подробнее («Жизнь Пифагора» 17). Законодательство Крита считалось образцовым, и Платон, например, предпочитал его всем другим. Судя по тому, что в Афинах всегда была сильна лаконофильская партия и традиция, спартанские законы ценились тоже высоко.

42. По сообщению Платона («Законы» 624 А), Минос раз в девять лет беседовал с Зевсом в пещере на горе Иде (Крит).

43. Имеются в виду мудрецы Анахарсис, Солон и Фалес. Анахарсис, будучи скифом, большую часть жизни провел в Афинах, Солон, недовольный порядками, установившимися в результате захвата власти Писистратом, покинул Афины и много лет провел в странствиях по Малой Азии, Фалес же, по сообщению Диогена Лаэртского (I,27), обучался у жрецов в Египте и долгое время не жил в родном Милете.

44. Таким образом, Ямвлих считает, что помимо тираннии Поликрата была и другая, не менее важная, причина отъезда Пифагора в Италию: невежество тогдашних жителей Самоса и желание Пифагора распространить шире свою философию, к восприятию которой сограждане Пифагора были непригодны. Порфирий (9) и Диоген Лаэртский (VIII,3) считают недовольство властью Поликрата *единственной* причиной, вызвавшей переезд Пифагора в Италию.

45. *Акусматик* — от глагола ἀκούω («слушаю»).

46. Так назывались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии, особенно вокруг Тарента.

47. По утверждению Гесиода, в человеколюбивых демонов, покровительствующих людям и оберегающих их, превратились души совершенных людей «золотого века», по утверждению же Платона, есть человеколюбивые демоны, которые являются существами-посредниками между богами и людьми и передают волю

богов людям, а молитвы и просьбы людей — богам («Пир» 202 Е). Пифагор мыслится Ямвлихом именно в этом смысле как человеколюбивый демон-посредник между миром богов и людей, посланный богами в помощь людям и возвещающий им волю богов.

48. Страна гиперборейцев, мифического народа, жившего на севере, считалась местом, которое Аполлон периодически посещал и в котором он жил с осени до весны, гиперборейцы же считались слугами и жрецами Аполлона. Под Пифийцем также подразумевается Аполлон.

49. *Пеан* — согласно Гомеру, врачеватель богов («Илиада» V,401), позднее был отождествлен с богом Асклепием, врачевателем людей. Таким образом, пифагорейцы и сам Ямвлих считали Пифагора как бы врачевателем человеческих душ и потому отождествляли его с Пеаном.

50. По словам Евсевия («Praeparatio evangelia» IV,5,2) боги населяют небо и эфир вплоть до Луны, демоны — лунную область и воздух, души — Землю и подземный мир. Порфирий утверждает, что те души, которые отделились от мировой души, населяют обширное пространство под Луной и являются добрыми демонами («О воздержании от животной пищи» II,38).

51. В восприятии Ямвлиха душа Пифагора является спутницей Аполлона и послана на землю его руководящей волей (§8) с определенной миссией (исправление человеческого рода и улучшение его качества). Как уже говорилось выше (комментарий №15), Ямвлих в понимании судьбы и назначения Пифагора следует платоновскому мифу из «Федра» (246 Е–248 С).

52. Имеется в виду сочинение Аристотеля «О пифагорейцах», которое не сохранилось, как и три других сочинения Аристотеля, написанных им о философах-пифагорейцах, а именно «О философии Алкмеона», «О философии Архита» из «Из сочинений Тимея и Архита».

53. *Героями* в древности назывались потомки богов и людей, т. е. полубоги. В «Золотых стихах пифагорейцев» говорится о том, что «надо чтить славных героев» (3-й стих). Гиерокл в своем «Комментарии к „Золотым стихам пифагорейцев"» в духе неоплатонизма трактует героев как людей, которые были приняты в сонм богов, так как им при жизни удалось избежать недоброжелательства материи и привязанностей к смертному. Он также сближает героев с ангелами, поскольку герои так же, как и ангелы («вестники»), возвещают людям правила счастливой жизни (F. Mullach. Fragmenta Philosophorum graecorum. — Parisiis, 1860. — Vol I: Hieroclis commentarius in aureum carmen. — P. 424–425).

54. *Эксцентриситет* — элемент, характеризующий форму орбиты. В зависимости от величины эксцентриситета орбита может иметь форму эллипса, параболы или гиперболы. *Эпицикл* — вспомогательная окружность: планета движется равномерно по эпициклу, в то время как центр его перемещается по другой окружности с центром в Земле — так называемому деференту.

55. Реминисценция из «Государства» Платона (527 E 1); ниже, в §70, см. парафраз того же самого высказывания Платона.

56. Τὰς ὄντως τῶν ὅλων ἀρχὰς, т. е. начала того, что в мире феноменов кажется разрозненным, а в действительности представляет собой целое.

57. Тавромений был основан не раньше 403 г. до н.э., и поэтому политическая деятельность Пифагора распространиться на него никак не могла.

58. Законодатель Залевк жил и занимался законодательной деятельностью почти за сто лет до того, как Пифагор приехал в Италию. Харонд же вполне мог ввести пифагорейские законы в Катане, тем более что он упомянут в списке известных пифагорейцев в §267. (О законодательной деятельности пифагорейцев см. A. Delatte. Essai sur la politique pythagoricienne. — Paris, 1922. — P. 177–202).

59. Более подробно о влиянии Пифагора на политическую жизнь Великой Греции и Италии в целом рассказывает Порфирий («Жизнь Пифагора» 21–22).

60. В 529 г. до н.э. В хронологии Ямвлих, как всегда, небрежен. По Ямвлиху, Пифагор в 18 лет покинул Самос в 538 г. до н.э. после установления тираннии Поликрата, следовательно, родился в 556 г. до н.э., в возрасте 56 лет вернулся на Самос после путешествий в 500 г. до н.э., а потом уже уехал в Италию, т. е. позже 500 г. до н.э. Здесь же датой прибытия Пифагора в Италию оказывается 529 г. до н.э. (!), чего никак не может быть, если исходить из предшествующей хронологии жизни Пифагора. Диоген Лаэртский относит прибытие Пифагора в Италию к 60-й Олимпиаде, т. е. к 540–536 гг. до н.э., судя по тому, что он называет 60-ю Олимпиаду временем расцвета Пифагора (VIII,45).

61. То же самое рассказывает теми же словами Порфирий («Жизнь Пифагора» 25), причем вся 7-я и большая часть 8-й главы у Ямвлиха и Порфирия совпадают иногда буквально. Вероятно, Ямвлих взял материал для этих глав именно из Порфирия, а может быть, у них был один и тот же источник.

62. Идея, что старшее всегда лучше младшего, является главной идеей, отличающей сознание древнего человека от сознания человека современного. Она была выражена уже Гесиодом в мифе о золотом веке и постепенно ухудшающихся поколениях людей. Предельно же лаконично ее выразил Гораций в шестом стихотворении 3-й книги «Од». В подстрочном переводе стихи Горация звучат так: «Что только ни испортило губительное время! Поколение отцов, худшее, чем поколение дедов, родило нас, более негодных [чем отцы], а от нас родится еще более порочное [по сравнению с нами] потомство».

63. Стих из «Илиады» (IV,68).

64. По Гесиоду («Теогония» 886–900), Афина родилась из головы Зевса, после того как он, опасаясь, что сын его первой жены Метиды («Мудрости»), если он родится, лишит его власти, проглотил ее. Гера же, согласно Гесиоду («Теогония» 927 сл.), мстя Зевсу, родила Гефеста без участия Зевса в зарождении и, поразившись безобразному виду новорожденного, сбросила его с Олимпа.

65. Миф об основании Кротона Гераклом рассказывается ниже в IX,50.

66. Хотя Геракл получил приказание служить Еврисфею и совершить свои подвиги через оракул Аполлона, однако под старшим богом подразумевается Зевс, а не Аполлон, так как в начале предложения говорится о повиновении *родительской* воле (а родителем Геракла был Зевс), а в конце — об учреждении игр в честь *отца*, да и Аполлон через оракул выражал не свою волю, а волю верховного, старшего бога.

67. *Первые* — это троянцы, потерпевшие поражение в войне из-за вины Париса, который, охваченный любовной страстью, проявил невоздержанность и похитил Елену, *вторые* — это эллины, многие из которых при возвращении домой погибли во время морской бури, насланной на них богами в наказание за то, что один из их предводителей, Аякс, сын Оилея, совершил в храме Афины насилие над Кассандрой.

68. Гнев богов на то, что Аякс совершил преступление в храме Афины, распространился и на родной город Аякса Локры и Локриду: оракул потребовал от локрийцев, чтобы они в течение тысячи лет посылали в храм Афины Илионской двух девушек, которые бы, служа в нем, не имели права покинуть его до самой смерти.

69. В те годы, когда Пифагор жил в Кротоне, семеро кротонцев четыре олимпиады подряд одержали победы в беге на олимпийских играх.

70. Имеются в виду семь мудрецов античного канона (см. №20)

71. Согласно Гераклиду Понтийскому, Пифагор называл себя любомудром (философом), а не мудрецом, потому что, по словам Пифагора, никто не мудр, кроме бога. По свидетельству Диодора Сицилийского (X,10.1), Пифагор и свое учение называл любомудрием, а не мудростью. Упрекая семерых мудрецов, он говорил, что из людей никто не мудр, так как человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, но тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром (философом) — *Прим. ред.*

72. В этом отрывке (43—44) образование означает не сумму механически и формально получаемых знаний, как в наше время, а воспитание в себе определенных умственных и нравственных качеств, однако если перевести παιδεῖα, как обычно, словом «воспитание», возникает множество трудностей, вызванных контекстом.

73. Совет, состоящий из тысячи человек, высший орган власти в Кротоне.

74. Т. е. при том, что каждая Муза имеет свое особое назначение и выполняет свою особенную функцию, у всех девяти Муз общая цель: содействовать согласию и гармонии в вещах.

75. *Дике* — богиня Правды и Справедливости (в нравственном ее аспекте), *Фемида* же — богиня правосудия и правопорядка, следящая за выполнением законов верховного бога на земле. Представление о местонахождении Дике в царстве Плутона связано с идеей посмертного суда и воздаяния.

76. Под *свидетелями клятвы* имеются в виду боги. Если перевести χωρὶς ὅρκων как «без клятв», то тогда непонятно, почему выше Пифагор не советует произносить имен богов *при клят-*

вах, поэтому единственно возможный перевод ὅρκοι — «свидетели клятвы», т. е. боги. К тому же в «Золотых стихах» пифагорейцев выдвигается требование чтить именно клятву и клясться правильно (εὐορκεῖν, 2-й стих). По мнению Гиерокла, комментатора «Золотых стихов», пифагорейское требование чтить клятву означает не только правильность клятвы, но и сдержанность и осторожность в ее употреблении, так как клятвой ввиду ее важности нельзя злоупотреблять, и, вероятно, поэтому Пифагор призывает кротонцев не клясться именами богов, а употреблять простые, искренние слова, вызывающие доверие. Но может быть, Пифагор не рекомендует употреблять клятвенных слов, связанных с именем того или иного бога, из чувства благоговения перед божественными силами, т. е. почти в смысле христианского требования не произносить имени божьего всуе. Однако если Христос в Евангелии призывает не клясться вовсе, то в жизни древних греков, особенно времен Пифагора, клятва играла огромную роль и была залогом постоянства и прочности в отношениях между людьми; более того, клятва, по их представлениям, отражала неизменность божественных законов, и тот же Гиерокл называет клятву «стражем вечности» (ἀϊδιότητος φρουρά ук. соч., р. 422). Диоген Лаэртский говорит, что Пифагор предписывал «не клясться богами, а стараться, чтоб *была вера твоим собственным словам*» (VIII,22).

77. Т. е. по состоянию домашнего хозяйства можно судить о том, каков сам хозяин и каковы принципы его управления.

78. Μόνης ταύτης τῆς ἐννοίας αἴσθησιν ἐιληφότων, буквально «получили ощущение одного только этого помысла (или представления)», где «одного только» кажется лишним словом. Предлагаемая конъектура к этому трудному месту (μόνους... εἰληφότας) дает смысл: «одни только люди получили ощущение этого помысла», что еще хуже, если учесть, что большинство животных

заботятся о своем потомстве много лучше и больше иных людей и никогда не бросают своих детей на произвол судьбы.

79. При совершении свадебного обряда поначалу происходило символическое отлучение невесты от родительского очага, совершаемое ее отцом, и невеста как бы передавалась под опеку новому хозяину. Перед домом нового хозяина разыгрывалось притворное похищение, затем невеста вносилась в дом, подводилась к домашним божествам, ее кропили очистительной водой и после этого она прикасалась к священному огню, у которого должна была впоследствии совершать жертвоприношения. Затем между женихом и невестой происходило разделение еды перед очагом, которое начиналось молитвой и возлияниями богам и ими же заканчивалось. То, что женщина — просительница перед лицом богов, следует понимать в том смысле, что мужчина становился опекуном женщины, отлученной от родительского очага и как бы нашедшей пристанище у мужнина очага, словно у алтаря божества, так как умоляющие о защите в Греции припадали к алтарям богов, прося покровительства и защиты.

80. Пифагор призывает быть милостивым к прегрешившим домочадцам и обращать их своим великодушием и прощением к добру и справедливости.

81. Ср. Гесиод, «Труды и дни» 293 сл.

82. Ср. принцип римских стоиков esse, non videri («быть, а не казаться»).

83. Ниже, в XVIII,84, Ямвлих приводит пифагорейскую акусму, которая, напротив, подчеркивает важность совета: «Спрашивающему совета давать самый лучший, ибо совет священен».

84. Т. е. хвалимый уподобляется богу. Возможно, Ямвлих намекает на обожествление императоров в Риме. Совещаться же относительно богов, являющихся высшими существами, если исходить из смысла данной фразы, невозможно.

85. Речь идет о десятом подвиге Геракла, когда он гнал быков трехголового Гериона через Италию.

86. Παιδεία («воспитание») и παῖς («мальчик») — однокоренные слова.

87. Пифийские игры были учреждены юным Аполлоном после того, как он убил змея Пифона.

88. *Архемор* — прозвище Офельта, в честь которого семеро вождей (Адраст, Тидей, Полиник, Капаней, Амфиарай, Гиппомедонт, Этеокл) во время похода против Фив учредили игры в Немее. Офельт был сыном царя Немеи Ликурга. Его задушила змея, когда его мать Гипсипилла отлучилась, чтобы показать воинам Адраста родник в лесу. Прорицатель Амфиарай истолковал смерть младенца как предвестие гибели войска семерых и их самих в будущей войне и назвал Офельта Архемором («ведущий к гибели», точнее «являющийся началом гибели»). *Меликерт* — сын Ино и Афаманта, воспитателей Диониса. Гера наслала на Афаманта безумие, Ино, спасаясь от него с сыном Меликертом, бросилась в море, и Меликерт стал морским богом. Истмийские игры, учрежденные Дионисом в честь Меликерта, позднее были превращены Тезеем в праздник Посейдона.

89. Женщины в Древней Греции, как правило, давали обет через поручителя и гаранта.

90. Пифагор имеет в виду трех мифических сестер-старух Грай, у которых был один глаз на троих и из которых зрячей была лишь обладательница этого единственного глаза, ведшая остальных за собой. Однажды Персей украл у них этот общий глаз. Учитывая, что у Грай был еще и один-единственный зуб на троих, можно сказать, что пример с безобразными старухами как иллюстрация женской самоотверженности сильно портит комплимент, будто бы сказанный Пифагором кротонским женщинам. Но Пифагор, будучи мудрым человеком, вряд ли страдал без-

вкусием, и поэтому все рассуждение и неэстетичный пример выдуманы либо самим Ямвлихом, либо его источниками.

91. *Кора* — одно из имен богини Персефоны, вместе с тем означает «девушка».

92. *Нимфа* — любая морская, или речная, или лесная богиня; вместе с тем означает «невеста».

93. Слово «мать» в древнегреческом — однокоренное с именем богини плодородия Деметры, более того, слово «Деметра» — дорийского происхождения и в дорийском диалекте означает «мать-земля» (Δα + ματηρ, Δα вместо аттического γῆ — «земля»).

94. «Майя» в дорийском диалекте означает «бабушка», и такое же имя было у матери бога Гермеса.

95. Согласно Гомеру («Илиада» XVI,234 сл.), в Додоне жрецы, селлы, гадали по шелесту листьев на священном дубе Зевса. Они были босы и спали на земле.

96. Согласно Пифагору, высшим видом деятельности является созерцательная, а не практическая деятельность. Аристотель же считал самым совершенным человеком того, кто созерцает подлинно сущее и делает практически должное.

97. *Давния* — древнее название Апулии, родины Горация, где первым царем был Давн.

98. Порфирий приводит следующую мотивацию пифагоровского запрета есть бобы, правда, лишь в отношении людей, а не животных: «Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, объяснял он так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из этого вновь происходило зарождение и разделение — зарождались животные, прорастали растения, и тут-то из одного и того же перегноя возникли люди и проросли бобы» («Жизнь Пифагора» 44).

КОММЕНТАРИЙ

99. Гл. XIII почти полностью совпадает с тем, что говорит Порфирий в гл. 23–25 «Жизни Пифагора».

100. «Илиада» XVII,51–60 в пер. Н. Гнедича.

101. См. Диоген Лаэртский, VIII,45; Порфирий (ук. соч., 27), Диодор Сицилийский, X,6,2.

102. Имеются в виду музыкальные средства, т. е. музыкальная терапия.

103. Ἐξάρτυσις — «настраивание музыкального инструмента». Ἐπαφή — «прикосновение и укрощение посредством прикосновения», т. е. речь идет о смягчающем воздействии музыки на душу.

104. *Диатоника* (буквально: «идущая по тонам») — семизвуковая система, все звуки которой могут быть расположены по квинтам. Такова, например, последовательность интервалов в диатоническом тетрахорде: el-dl-cl-h (два целых тона и полутон), в отличие от последовательности интервалов хроматического тетрахорда el-desl-cl-h (целых тонов нет). Диатоническими являются те интервалы и аккорды, которые могут быть получены в пределах цепи шести квинт. Диатонический лад наряду с хроматическим, использовавшим две малые секунды подряд, а также увеличенную секунду, и энгармоническим, специфику которого составляли интервалы меньше полутона, были тремя ладовыми наклонениями в древнегреческой музыке (Музыкальная Энциклопедия. — М., 1974. — С. 233–234, в сокращении). О том, как Пифагор открыл диатоническое наклонение, специально см. XXVI,118–120.

105. Буквально: «исправляя каждую из них до добродетели»

106. То же самое утверждает Порфирий, говоря, что Пифагор «умел слышать даже вселенскую гармонию, улавливая созвучия всех сфер и движущихся по ним светил, *чего нам не дано слышать по слабости нашей природы*» («Жизнь Пифагора» 30, пер. М. Гаспарова).

КОММЕНТАРИЙ

107. Александр Афродисийский в комментарии к «Метафизике» (А 5.985 b 23) Аристотеля говорит, что, по представлениям пифагорейцев, «десять движущихся тел, из которых состоит космос (семь планетных вращающихся сфер, куда входили наряду с Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером, Сатурном Луна и Солнце, затем — сфера неподвижных звезд, Земля и Антиземля. — *В.Ч.*), отделены друг от друга гармоническими интервалами, скорость движения которых... пропорциональна расстояниям (между ними и центральным «Очагом». — *В.Ч.*), причем движущиеся быстрей издают более высокие звуки, а движущиеся медленней — более низкие. Будучи подчинены гармоническим пропорциям, эти звуки сливаются в музыкально-гармоническое звучание, но мы не воспринимаем его слухом, так как привыкли к нему с детства» (цитируется по: Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — Ч. 1. — С. 469). Современные ученые указывают на то, что представление пифагорейцев о том, что восемь сфер образуют октаву, неверно, потому что планеты движутся постоянно, следовательно, тона их должны звучать *одновременно* и потому *последовательный* октавный звукоряд никак образоваться не может. Но Пифагор, вероятно, слышал музыкальную волну, исходящую от отдельных светил, а не от всего космоса в целом, а интервал в октаву между восемью сферами он установил уже умозрительным путем через сопоставление высоты звуков, которые он улавливал слухом. Пифагорейское учение о гармонии сфер было развито Платоном в «Тимее» (38 В—39 Е) и «Государстве» (616 D—617 D) и видоизменено Кеплером в его «Гармонии мира».

108. В отличие от XII,59, где говорится о том, что части космоса слаженно объединяются благодаря пропорциям, λόγος в данном контексте означает еще и «слово», так как речь идет о *звучании* космоса.

109. Ср. Гераклит: «Душе присущ глагол, растящий сам себя» (фрагм. 107).

110. Об этом методе привыкания к созерцанию чистых первообразов говорится у Платона («Государство» 516 В, «Федон» 99 D), однако Платон в отличие от Ямвлиха говорит о *зрительном*, а не слуховом восприятии первообразов. Вместе с тем образ солнца, наблюдение его во время затмения и постепенное привыкание к необычному его состоянию — те же самые в этом отрывке Ямвлиха и в указанных выше текстах Платона.

111. Перевод М. Гаспарова. *Эмпедокл* (род. ок. 490 г. до н.э.) — философ из Акраганта, близкий к пифагорейцам и Анаксагору, основное сочинение — «О природе». Более подробно о нем см.: Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — Ч. 1. — С. 330–441.

112. Буквально: «он был снабжен более совершенными, чем у других, органами для ви́дения, слышания, думания».

113. Описание пифагорейской практики лечения душ музыкой см. в XXV,110 сл.

114. Ямвлих приписывает Пифагору платоновское трехчастное деление души на одну разумную и две неразумных части: пылкую и вожделеющую («Государство» 439 D–E). Если верить Диогену Лаэртскому, Пифагор делил душу на умственную, рассудочную и пылкую части (VIII,30), т. е. у Пифагора, наоборот, человеческая душа имела *две* разумные части и *одну* неразумную.

115. У Ямвлиха ὀρθὴ φυσιολογία, но если перевести это традиционно как «истинная наука о природе» или «истинное знание природы», то непонятно, как наука о природе сама по себе содействует согласию разных народов, а самое главное — почему она более содействует согласию граждан *разных* народов, чем согласию граждан *одного и того же* народа.

116. Ср. принципы Нового времени bellum omnium contra omnes («война всех против всех») и «жизнь — борьба» (друг с другом).

117. Т. е. живет лишь благодаря душе, а само по себе оно — мертвая масса.

118. Вероятно, отсылка к тому месту «Тимея» Платона, где говорится о том, как демиург упорядочил и привел к согласию друг с другом посредством геометрических фигур и пропорций четыре враждовавших друг с другом стихии (52 E—57 B).

119. Впоследствии эту теорию развил Эмпедокл, учивший, что период дружбы и согласия в жизни мира сменяется периодом раздора и вражды. Социально-политический аспект дружбы подробно рассмотрел Аристотель в 8—9-й кн. «Этики Никомаха».

120. «Государство» 527 D.

121. Школа Пифагора была, что называется, престижной, и немало людей стремились в нее лишь для того, чтобы попасть в ряды духовной элиты и поставить себя высоко в глазах окружающих.

122. Πολιτικοί — «искусные в государственной деятельности», «государственники», так как пифагорейская школа и община была микрогосударством со своими особыми законами и уставом. Впрочем, в тех городах, где высшими должностными лицами были пифагорейцы, «государственники», они занимались, разумеется, делами всего полиса, города-государства, а не одной только общины.

123. Разночтение: «будучи *какими-то* и экономами и законодателями». Οἰκονομικοί («экономики») — лица, искусные в управлении хозяйством, «хозяйственники», они же были и казначеями, распоряжаясь золотым и серебряным запасом общины (см. XVII,74). Νομοθετικοί — «искусные в законодательной деятельности», «законоположенники», но не в том смысле, что они устанавливали законы (эти последние были установлены учре-

дителем общины Пифагором), а в том смысле, что они проводили в жизнь законы и устав общины («законоположенники»), следя за их исполнением и осуществлением. Из XXI,97 ясно, что «политики» (и они же, вероятно, «экономики», «хозяйственники») и «номотетики» («законоположенники») назначались Пифагором из числа акусматиков, т. е. тех, которые занимались предварительным очищением души, готовясь принять посвящение, эсотерики же, посвященные в тайны учения, этими вопросами уже не занимались.

124. О завесе см. XVIII,89 (то же). *Эсотерики* — собственно «допущенные внутрь».

125. Ὁμάκοοι. Ср. VI, 30, где говорится об учреждении некоего огромного «Дома совместного слушания» (ὁμακοεῖον) самими пифагорейцами.

126. Ἀτελής τε καὶ στειρώδης по-русски можно было бы передать одним словом: «пустоцвет».

127. *Экcapx* — начальник хора. Не путать Килона-эксарха с Килоном из Кротона, которого отверг Пифагор и который, оскорбленный отказом, стал инициатором заговора против пифагорейцев (XXXV,248–249).

128. Об общем имуществе у пифагорейцев ср. V,30, где рассказывается об учреждении общины.

129. Об экономах ср. XVII,72 и №123.

130. Кроме них, пифагорейцы, согласно Ямвлиху, насыпали надгробный холм и стали считать мертвым того, кто разгласил тайну соизмеримости и несоизмеримости (XXXIV,246). См. также XXXV,252, где сообщается, что организаторами заговора против пифагорейцев были именно те, кого они некогда изгнали и кому поставили, словно мертвым, обелиск.

131. *Лисид* — пифагореец, обучался, будучи совсем молодым, у Пифагора, когда тот был уже стар (XXIII,104), один из не-

многих спасшихся после разгрома пифагорейского союза и переехавших в Элладу, где он в самом конце жизни стал учителем будущего фиванского полководца и политического деятеля Эпаминонда (XXXV,250) — факт, почему-то оспариваемый современными учеными, но, если принять хронологию Ямвлиха, считающего годом рождения Пифагора 556 г. до н.э., вполне объяснимый: Пифагор, которого слушал юный Лисид, умер, согласно Ямвлиху, после 460 г. до н.э., Эпаминонд же родился в 410 г. до н.э., следовательно, Лисид в старости вполне мог быть учителем Эпаминонда, тем более что об этом есть сообщения и у Непота («Эпаминонд» 2), и у Диодора Сицилийского (X,11,2). О Лисиде см. также XXX,185, о таинственных обстоятельствах, имевших место после его кончины, говорится у Плутарха («О демоне Сократа» 13–14 и 16).

132. Речь идет о Деметре и Персефоне и Элевсинских мистериях. О пифагорейском запрете разглашать тайны учения см. XXIII,104, об отказе пифагорейца Миллия раскрыть Дионисию причину, почему он не захотел потоптать бобы, казненного из-за этого отказа открыть тайну пифагорейского запрета, — XXXI,193–194, о долгом необнародовании пифагорейских сочинений, вызванном нежеланием разглашать тайны учения, — XXXI,199 и сходные сообщения в XXXII,226–227; XXXIV,246; XXXV,253 (из Никомаха). По рассказу Плутарха, второй царь Рима Нума, которого многие древние авторы ошибочно считали пифагорейцем, растолковав жрецам перед своей смертью содержание и смысл написанных им книг, приказал похоронить вместе с его трупом эти священные книги, «не желая сохранять в ничего не говорящих другим буквах полное глубокого смысла учение. На этом основании, — продолжает Плутарх, — и пифагорейцы не оставили писаных сочинений — они хотели запечатлеть воспитующие слова в памяти достойных, не прибегая к письму. Так

поступали они даже тогда, когда шла речь о трудных или, как они выражались, таинственных геометрических доказательствах. Если что-либо подобное сообщалось человеку недостойному, они говорили, что боги, несомненно, накажут каким-либо большим и общим бедствием за этот грех и преступление». («Нума» 22, пер. В. Алексеева).

133. Сходный образ в связи с методом подготовки воинов и их мусическим и гимнастическим воспитанием употребляет и Платон в «Государстве» (429 D–E).

134. Это письмо Лисида подложное, написано на дорийском диалекте, время написания — не ранее I в. н.э. (A. Städle. Die Briefe des Pythagoras und der Pythagoreen. — Meisenheim am Glan, 1980. — S. 212 ff).

135. Вероятно, так делили учеников Пифагора поначалу, потому что деление на «математиков» и «акусматиков» (соответственно «познавателей» и «слушателей»), которого придерживался сам Ямвлих, впервые встречается лишь у Клемента Александрийского («Stromata» V,59), а затем у Порфирия («Жизнь Пифагора» 37), хотя последний, судя по многочисленным совпадениям с Ямвлихом, пользовался тем же самым источником, которым был Аристоксен (IV–III вв. до н.э.). Не следует смешивать «пифагористов» Ямвлиха с «пифагористами», которых высмеивают авторы средней комедии.

136. «Аттикистами» называли представителей риторического направления I в. н.э., подражавших языку и стилистической манере знаменитых ораторов и писателей IV в. до н.э., прежде всего Демосфена, Лисия, Ксенофонта, которые считались истинно аттическими авторами: так, например, Ксенофонта называли за сладость его речи «аттической пчелой».

137. Из «Жизни Пифагора» Ямвлиха видно, что «пифагорейцы» и «математики», с одной стороны, и «пифагористы» и «акус-

матики», с другой, – одно и то же. Первые («пифагорейцы» и «математики») — обладатели эзотерического знания, вторые («пифагористы» и «акусматики») – претенденты на него. Однако в трактате Ямвлиха «О науке общей математики» есть место, впрочем, сомнительное, где акусматики названы «*пифагорейцами*», а не «пифагористами» (р. 76.19), но поскольку Ямвлих последовательно придерживается в «Жизни Пифагора» указанного выше разделения, то это место в трактате «О науке общей математики» следует считать ошибкой переписчика (или опиской самого Ямвлиха).

138. Сообщение о том, что у пифагористов имущество было у каждого отдельное, противоречит сообщению об общности имущества у всех пифагорейцев в VI,30 и в XVII,72 и 74.

139. О происхождении термина «акусматик» см. V,30 и №45. Термин «математики» происходит от глагола μανθάνω — «изучаю», «понимаю», «познаю».

140. Сам Ямвлих в каталоге пифагорейцев (XXXVI,267) объявляет Гиппаса выходцем из Сибариса. Гиппас, хотя и был пифагорейцем, началом всех вещей, как и Гераклит, считал огонь. Боэций («Наставления в музыке» II,19) упоминает о его занятиях музыкальной теорией: в частности, Гиппас установил свой порядок консонирующих интервалов, первооткрывателем же интервалов считался Пифагор (XXVI,115–119). Кроме того, Гиппас был первооткрывателем иррациональности и доказал иррациональность $\sqrt{2}$. В пифагореизме Гиппас был своего рода раскольником и соперником Пифагора. По сообщению Ямвлиха, акусматики не признавали математиков, утверждая, что их учение идет не от Пифагора, а от Гиппаса («Об общей математической науке» 76.19), сам же Гиппас за то, что разгласил и построил впервые теоретически сферу из двенадцати пятиугольников, якобы погиб в море как нечестивец (см. ниже XVIII,88).

КОММЕНТАРИЙ

141. «Тот, оный» — т. е. Пифагор, которого пифагорейцы из чувства благоговения не называли по имени (ср. X,53, где говорится, что жители Кротона, преклоняясь перед Пифагором, перестали его называть по имени и называли не иначе как «божественный»). Кроме того, пифагорейцы, когда не хотели утруждать себя доказательствами, имели обыкновение, прибегая к авторитету Пифагора, говорить: «Αὐτός εἶπα» («*Сам* сказал»).

142. Все авторы до Ямвлиха называют эти пифагорейские изречения σύμβολα («иносказательные изречения»), да и у самого Ямвлиха была работа, называвшаяся «О символах», в которой он, вероятно, использовал термин предыдущих авторов. Пифагорейские акусмы (символы) встречаются и в других трудах Ямвлиха («Протрептик» 21, p. 106.18; «Об общей математической науке» p. 60.28–61.6)

143. *Тетрактида* (Четверица) — Священное число, первый квадрат, который был у пифагорейцев геометрическим символом справедливости и божественного равновесия, далее квадривиум или четыре ступени мудрости (арифметика, музыка, геометрия, астрономия), четыре стихии, четыре времени года, четыре возраста жизни, четыре страны света и т. д. Кроме того, четверица дает первое тело — пирамиду (четырехгранник). Тетрактидой пифагорейцы называли также соотношение первых четырех чисел (1+2+3+4), дающих в сумме 10 и как бы исчерпывающих природу числа, так как после 10 числовой ряд не имеет принципиально новых соотношений. Три главных музыкальных интервала представляют собой отношения первых четырех чисел: 2:1 (октава), 3:2 (квинта), 4:3 (кварта), причем октава делится на квинту и кварту: 2:1=3/2:4/3, октаву же пифагорейцы называли «гармонией»: по их представлениям, интервалы между восемью сферами космоса составляют октаву, или гармонию, причем на каждой сфере сидит сирена и поет в опреде-

ленной тональности (это пифагорейское представление отразилось в «Государстве» Платона, 617 В–С, где описывается веретено Ананки). Богом же небесной гармонии был Аполлон, прорицалище которого находилось в Дельфах, и поэтому эта акусма о Тетрактиде, т. е. гармонии, в которой заключены сирены, имеет очень глубокий смысл. Кроме всего прочего, Плутарх в трактате «Об Исиде и Осирисе» указывает на своего рода *большую* Тетрактиду пифагорейцев, которая, согласно Плутарху, состояла из сочетания первых четырех нечетных (1, 3, 5, 7) и первых четырех четных чисел (2, 4, 6, 8), и это было число 36 (1+2+3+4+5+6+7+8), являвшееся, по словам Плутарха, величайшей клятвой у пифагорейцев и называвшееся «космосом» (гл. 75).

144. Ср. XI,55, где говорится о том, что самым мудрым был тот, кто дал имена вещам, а также Элиан, «Пестрые рассказы» 4.17, где также цитируется эта акусма.

145. Эта акусма противопоставляется предыдущей: по представлениям пифагорейцев, самое мудрое — число и слово (имя) и тот, кто правильно их употребляет, по представлениям же людей обыкновенных, которых пифагорейцы называют οἱ παῤ ἡμῶν («наши соотечественники» или «наши современники»), самое мудрое — искусство врачевания и тот, кто им владеет.

146. Под *гармонией* понимается опять же октава, заключающая в себе гармонические числовые соотношения, свойственные Тетрактиде.

147. Прежде всего Фалесу, высказывания которого о том, что самое лучшее, приводит Диоген Лаэртский (I,36).

148. Правая сторона и знак с правой стороны традиционно считаются благоприятными и добрыми в отличие от левой стороны и знака с левой стороны.

149. Золото — самый благородный металл, к тому же связанный с культом бога нравственной чистоты Аполлона, бога пи-

фагорейцев, занятие же, предшествующее деторождению, не считалось благородным у пифагорейцев, а если в храме происходили роды, он, по их представлениям, считался оскверненным (см. XXVIII,154).

150. В XXIII,105 эта акусма уточняется: «*О пифагорейских вещах* без света не говори». Таким же образом сформулирована эта акусма и в «Протрептике» Ямвлиха (21, с. 106.18).

151. Порфирий передает эту акусму и комментирует ее следующим образом: «„Богам делай возлияние через ушко сосудов" — этим он (Пифагор. — *В.Ч.*) намекает, что богов до́лжно чтить музыкою и песнопениями» (ук. соч., 42), однако слова Ямвлиха «ради хорошей приметы» указывают на то, что эта акусма понималась по-разному.

152. Порфирий комментирует эту акусму так: «Не выставляй напоказ перед людьми, как ты судишь и думаешь о богах» (ук. соч., 42).

153. См. IX,48 и №79. «Берем правой рукой» — жест покровителя.

154. В XXVIII,147 сказано, что белый петух посвящен Солнцу, а в данном месте речь идет о Луне, так как календарь у греков был лунным и продолжительность месяца измерялась по Луне. Впрочем, в «Протрептике» Ямвлих говорит, что петух «посвящен Месяцу и *Солнцу*» (21, с. 106.18, №17).

155. В этой акусме те, кто стремятся к наслаждениям, уподобляются тем, кто стремятся к наказанию.

156. Порфирий пишет, что пифагорейцы при жертвоприношениях части жертвенных животных уделяли богам, сами же лишь отведывали их чисто символически, а во всех остальных случаях жизни воздерживались от животной пищи («О воздержании от животной пищи» II,28).

157. Буквально: «о переселении отсюда», реминисценция из Платона («Федон» 117 С).

158. Ср. объяснения, которые приводит Диоген Лаэртский: «Не преломлять хлеб — потому что в старину друзья ели от одного куска, как варвары и посейчас, а того, что сводит людей, делить не нужно (впрочем, иные говорят, что это — к посмертному суду; иные — что от этого робеют на войне; а иные — что от этого начинается целокупность)» (VIII,35, пер. М. Гаспарова).

159. У пифагорейцев и близких к ним людей существовало представление, что разгласившим тайное знание мстит божество (ср. ниже XXXIV,247). О запрете Пифагора разглашать тайны учения и о соблюдении этого запрета пифагорейцами см. XVII,75 и №132.

160. А. Лебедев переводит «геометрию Пифагор называл „наукой"» («Фрагменты ранних греческих философов» с. 149), однако во фразе ἐκαλεῖτο δὲ ἡ γεωμετρία πρὸς Πυθαγόρου ἱστορία конструкция πρὸς Πυθαγόρου указывает не на действующее лицо (последнее при глаголе в страдательном залоге обозначается с помощью предлога ὑπό), а на то, с чьей стороны, от кого исходит что-либо. К тому же что особенного в том, что Пифагор называл геометрию наукой?

161. Т. е. пифагорейцы и пифагористы или же математики и акусматики, что, по Ямвлиху, опять же одно и то же.

162. Об этих людях и их функциях в общине см. выше XVII,72 и №122.

163. *Абарид* (часто именуется «Абарис», однако греческое имя передается на русский по родительному падежу, в котором дана основа слова) — легендарная и очень популярная среди греческих мифографов, историков и философов фигура, представитель и посланец священного народа гиперборейцев, красочную картину жизни которого рисует Пиндар в 10-й пифийской оде

(ст. 29–47). Об Абариде писали Геродот, Гекатей Абдерский, Платон, Диодор Сицилийский, Гераклид Понтийский (диалог «Абарид, или о душе»), Гимерий и даже еще в IV в. н.э. Нонн Панополитанский. Вместе со скифом Залмоксисом, Аристеем из Проконнеса считался учеником Пифагора и чудотворцем.

164. Диоген Лаэртский приводит название трех сочинений, автором которых якобы был Пифагор, и в их числе называет сочинение «О природе» (VIII,6). В действительности же Пифагор, если исходить из смысла и характера его учения, ничего не писал.

165. Диодор Сицилийский изображает Абарида как своего рода эмиссара, прибывшего с острова гиперборейцев на Делос для возобновления старинной дружбы народа Аполлона, к которому он принадлежал, с жителями острова Делос, на котором родился Аполлон и где он особенно почитался (II,47). Торжественное же прибытие Абарида в Афины описывает Гимерий в своих «Эклогах» (XXV,5)

166. См. выше VI,30, где жители Кротона отождествляют Пифагора с Аполлоном из страны гиперборейцев. То, что отождествление имело место, сообщает и Элиан в «Пестрых рассказах» (II,26), ссылаясь на Аристотеля. О том, что душа Пифагора была спутницей Аполлона, см. II,8 и №15. Об особенных душах, являющихся детьми Аполлона и потому искусных в мантике и совершении таинств, рассказывает Прокл в «Комментарии к „Тимею"» (III,159.24–31).

167. Стрела была символом и атрибутом Аполлона, потому что он — бог солнечного света, убивающего своими лучами темные силы земли, воплощением которых был Пифон. Солнечный свет действует на этот мир, словно удар стрелы, и один из основоположников стоицизма Клеанф прямо называл солнце ударом, так как оно «всякий раз на восходе вонзает свои лучи, как бы ударяя ими мир» («Stoicorum veterum fragmenta» I, fragm. 502).

Солнечные же лучи несутся по воздуху, словно стрелы, и потому старший жрец Аполлона Абарид передвигается по воздуху с помощью стрелы, которая одновременно и фетиш, и символ Аполлона. Солнечный свет обладает очищающей и животворящей функцией, и потому Абарид с помощью стрелы солнечного бога производит очищения и исцеления (ввиду этой своей функции бог Аполлон часто отождествлялся с богом врачевания Асклепием или Пеаном, на что, между прочим, указывает и сам Ямвлих, говоря в VI,30, что кротонцы называли Пифагора Аполлоном из страны гиперборейцев и Пеаном). О стреле Аполлона, которую имел при себе Абарид, сообщают и Геродот (IV,36), и Пиндар (фрагм. 271), Платон же в «Хармиде» (158 В) называет Абарида вместе с Залмоксисом «заклинателем от болезней».

168. Ср. ниже XXVIII,135–136.

169. Сцена демонстрации Пифагором золотого бедра в подтверждение своей божественной природы типична для литературы о нем. Ср., например, Диоген Лаэртский, VIII,11 и Порфирий, «Жизнь Пифагора» 28.

170. Имеется в виду не астрология, а так называемая мистическая арифметика, или наука о божественных числах и числовой природе богов.

171. Ἐχεμυθία («сохранение слова») – термин, взятый из языка мистерий.

172. Κατάρτυσις — термин, обозначающий укрощение и дрессировку диких лошадей.

173. Примерно то же самое, но о самом Пифагоре говорит Порфирий: «Прогулки он предпочитал не со многими, а вдвоем или втроем, в святилищах или в рощах, замечая при этом, что, где тише всего, там и краше всего» («Жизнь Пифагора» 32, пер. М. Гаспарова).

174. Ср. Золотые стихи пифагорейцев, 32–34.

175. Обычай совместных трапез, «сисситий», установил, по сообщению Плутарха, спартанский законодатель Ликург («Ликург» 12, где дается подробное описание этого обычая), однако уже Гомер сообщает об обычае ахейцев пировать, разделившись по 10 человек и избрав виночерпия («Илиада» II,126).

176. О диете самого Пифагора Диоген Лаэртский пишет следующее: «Сам же он... довольствовался только медом и сотами или хлебом, вина в дневное время не касался, на закуску ел овощи вареные и сырые, а изредка рыбу» (VIII,19 в пер. М. Гаспарова, ср. сходное сообщение Порфирия, ук. соч., 34).

177. Согласно пифагорейским представлениям, лишь в жертвенных животных не входит душа человека (см. акусму из XVIII, 85 об этом).

178. Возлияния богам совершались и до обеда, и после его окончания.

179. Ср. Порфирий, ук. соч., 39. По существу это пифагорейское требование соответствует буддистской ахинсе, правда, с ограничением: «если живое существо не вредит человеку».

180. Об отношении пифагорейцев к демонам, богам и героям см. XI,31, где упоминаются речи Пифагора о богах, демонах, героях и небесных светилах, обращенные к ученикам.

181. Ср. «Золотые стихи пифагорейцев» 1–4.

182. «Закону помогать, с беззаконием воевать» — часто упоминающаяся заповедь. См. ниже XXX,171 и XXXII,223.

183. Диоген Лаэртский утверждает прямо противоположное, говоря, что одежда Пифагора была из белой шерстяной ткани, «ибо лен в тех местах еще не стал известен» (VIII,19).

184. Пифагорейцы не одобряли охоту, во-первых, потому, что не хотели причинять вреда всему живому, во-вторых, потому, что она разжигает страсти, а пифагорейское воспитание все сводилось, по существу, к борьбе с ними.

185. О пифагорейской теории филии («дружбы») как дружеского согласия всех частей миропорядка, начиная с первочастиц («стихий») в природе и человеческом организме и кончая согласным пением светил, см. XVI,69 и XXXIII,230–232.

186. Внук, сын, младший брат или просто облагодетельствованный.

187. Термин πεδάρτασις образован посредством соединения глаголов πεδάω («заковывать в цепи», «спутывать»; один из способов выездки лошадей назывался πέδη — «путы») и ἀρτάω («прикреплять», «привязывать»).

188. *Филолай из Кротона* — один из самых знаменитых пифагорейцев старшего поколения; главное сочинение — «О природе», где он изложил свое учение о космосе, в центре которого — мировой огонь («Очаг» Вселенной), вокруг которого вращаются по кругу Антиземля, Земля и остальные светила много занимался проблемами музыки и искал в геометрических фигурах отображение свойств богов. (Более подробно о нем см. «Фрагменты ранних греческих философов» I, с. 432–446.) *Еврит из Тарента* — ученик Филолая, занимался вопросом, какое число свойственно той или иной вещи, тому или иному живому существу (число лошади, человека и т. д.). *Харонд из Катаны* — с малой долей вероятности старший современник Пифагора, законодатель. *Залевк из Локр* — о нем см. VII,34 и №58. *Брисон* — ближе неизвестен и не упоминается больше даже самим Ямвлихом в каталоге пифагорейцев в конце книги. *Архит-старший* — больше никем не упоминающийся современник и ученик Пифагора (не смешивать со знаменитым Архитом, современником и другом Платона). *Аристей* — второй схоларх, преемник Пифагора (см. XXXVI,265). *Лисид* — см. XVII,75 и №131. *Эмпедокл* — см. XV,67 и №111. *Залмоксис* — скиф, раб Пифагора, а позднее проповедник его учения о бессмертии души среди ге-

тов, причисленный ими к богам после смерти. *Эпименид* — критский мудрец и ясновидящий, обладавший способностью излечивать от любой порчи, как телесной, так и душевной. Под его именем ходило множество сочинений («Теогония», «Оракулы», «Очищения» и др.). Хотя по времени не мог быть учеником Пифагора, древние и в том числе Ямвлих считали его таковым (см. ниже XXVIII,135; XXXII,222). *Милон* — известен лишь тем, что в его доме были сожжены пифагорейцы во время мятежа против них (XXXV,249). *Левкипп* — ближе неизвестен. *Гиппас* — см. XVIII,81 и №140. *Алкмеон* — автор сочинения «О природе», был довольно самостоятельным мыслителем и не во всем следовал Пифагору, основной предмет интересов — медицина. Подробнее о нем см. «Фрагменты...» с. 267–273. *Фимарид с Пароса* — открыл метод эпантемы (нахождение по одному из слагаемых всех остальных), в основном занимался числовыми исследованиями. Ямвлих упоминает его ниже в XXVIII,145 и в XXXIII,239, а также в каталоге.

189. В «Протрептике» Ямвлих толкует этот символ весьма отвлеченно; смысл его толкования сводится к тому, что знание о божественном нельзя строить на основании частичного и случайного.

190. В «Протрептике» Ямвлих толкует этот символ так: знание о богах должно быть не грубым, а тонким и духовным.

191. Т. е. следуй не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих (Порфирий, «Жизнь Пифагора» 42).

192. Платон, говоря в «Государстве» о соотношении трех частей души, описывает их состояние во время сна и возникновение правильных представлений о будущем так: «Кто предается сну чистым и умеренным в поведении и еде, у того та часть души, которая связана с разумом и рассудком, как бы насытившись добрыми мыслями, приходит в деятельное и возвышенное

состояние; вторая же часть, что питается наслаждениями, не истощена ни скудостью, ни излишеством (ведь и то и другое притупляет остроту ума: как отсутствие чего-то нужного для природы человека, так и излишнее изобилие). А третья часть души, вместилище гнева и пылких страстей, умиротворена и спокойна. И вот, когда эти две безрассудные части души укрощены, когда первая часть, вместилище разума, просветляется и становится деятельной и готовой к порождению сновидений, тогда-то сны приходят и спокойные и вещие» (571 E — 572 B). О том, что Пифагор учил своих учеников общаться с богами через сны, см. XVI,70.

193. Порфирий и Ямвлих критиковали стоиков за то, что те, исключив будто бы неразумных животных из общины логоса, считали необязательным соблюдение принципа справедливости по отношению к животным. Кстати сказать, Шопенгауэр в «Парергах и паралипоменах» ошибается, объясняя плохое отношение к животным в Европе влиянием Библии и иудаизма, потому что необязательность соблюдения моральных принципов по отношению к животным постулировали еще в античной философии стоики и эпикурейцы. Пифагор же проповедовал нравственное отношение к животным, потому что в Египте, где он обучался, оно было главным жизненным правилом; животные почитались в Египте до такой степени, что в домах некоторых египтян полноправными членами семьи были змеи, а умереть на зубах крокодила считалось у египтян величайшей честью, так как образ божества, по их представлениям, запечатлен прежде всего на животном.

194. Об укрощении и смирении диких животных Пифагором см. выше XIII.

195. Аналогичным образом и Порфирий считает полное воздержание от употребления мяса в пищу обязательным лишь для

13-1057

тех философов, которые «стремятся поставить свое счастье в зависимость от бога и подражания ему» («О воздержании...» II,3), т. е. таким философам, которые более остальных преуспели в уподоблении богу, которое, согласно неоплатоникам, является главной целью философии.

196. В «Протрептике» (21, р. 148.16—17) Ямвлих говорит, что пифагорейский запрет есть сердце живых существ в символической форме означает требование не разрывать единства и согласия мирового целого. Перечень животных и растений, которых Пифагор запрещал есть своим ученикам, имеется у Порфирия (ук. соч., 43) и у Плутарха («Застольные вопросы» III,1.635 E).

197. То же самое сообщает и Элиан («Пестрые рассказы» IV,17), однако не приводит причины и ничего не говорит о свойствах мальвы.

198. Диоген Лаэртский к этому пифагоровскому перечню не подлежащих съедению рыб добавляет еще морскую ласточку (VIII,19), а Порфирий утверждает, что Пифагор запрещал есть «почти все, что ловится в море» («Жизнь Пифагора» 45).

199. К числу «божественных» причин Диоген Лаэртский со ссылкой на сочинение Аристотеля «О пифагорейцах» относит ту, что боб напоминает ворота Аида, и ту, что бобы «подобны природе целокупности» (VIII,34).

200. В данном случае *пеан* — торжественная песня в честь Аполлона.

201. Деление пифагорейских мелодий на те, которые, с одной стороны, помогают против уныния и терзаний, или наоборот, против гневного возбуждения, а с другой — обуздывают влечения, опять же отсылает нас к платоновскому делению души на высшую, разумную часть и две низших (пылкая и вожделеющая), которые нуждаются в обуздании, в данном случае — с помощью музыки.

202. Спондеические мелодии отличались торжественностью и исполнялись на празднествах в честь богов.

203. Секст Эмпирик рассказывает ту же историю и относится к ней, в духе своего учения, скептически («Против ученых» VI,8). Несколько иначе к ней относится Боэций («Руководство по музыке» I,1).

204. Гомер, Одиссея, 4.221 в пер. В. Жуковского.

205. О «настраивании», «настраивающих» мелодиях и «смягчении», «смягчающих» мелодиях см. XV,64.

206. Октава.

207. Соответственно квинта и кварта.

208. Соотношение весов 12:6=2:1, т. е. натяжение первой струны, дающей самый высокий звук, в два раза сильнее натяжения последней, дающей поэтому самый низкий звук.

209. 12:8=3:2 (квинта). Струна с самым большим грузом, как будет сказано ниже, была названа Пифагором «нэтой», струна с наименьшим грузом — «гипатой», та же, к которой было прикреплено восемь гирек и которая образовывала с нэтой интервал в квинту, — «месой».

210. Эта струна называлась «парамесой», отношение же между нэтой и парамесой было 12:9 = 4:3 (кварта), так называемый эпитрит (целое с третью).

211. 9:6=3:2 (квинта), т. е. парамеса с нэтой образовывала интервал в кварту (4:3), а с гипатой — в квинту (3:2).

212. С точки зрения веса — в обратном полуторном, так как натяжение месы было в полтора раза слабее, чем натяжение нэты, но с точки зрения звука интервал был опять же в квинту.

213. Т. е. один тон (8:9).

214. 12:6=2:1 — октава (двойное отношение), 12:8=3:2 — квинта (полуторное отношение), 8:6=4:3 — кварта, а 3:2×4:3= =2:1.

215. 12:9=4:3, 9:6=3:2 (полуторное), а 4:3×3:2 дает опять же отношение октавы. Получается так называемая музыкальная пропорция (Л. Жмудь в своей книге о пифагорейцах приводит ее не полностью): 12:8=9:6 (соотношение квинты верхней части схемы и квинты нижней части, алгебраическое выражение: $a:\frac{2ab}{a+b}=\frac{a+b}{2}:b$, где a = 12, b = 6) и она же 12:9=8:6 (соотношение кварты нижней части схемы и кварты верхней части, алгебраическое выражение $a:\frac{a+b}{2}=\frac{2ab}{a+b}:b$), где 8 в обоих типах соотношений — среднее гармоническое $c:\frac{2ab}{a+b}$, а 9 — среднее арифметическое $c:\frac{a=b}{2}$, и это перекрестное соотношение двух квинт и двух кварт, образующее музыкальную пропорцию, хорошо видно на схеме, смежное же соотношение одной квинты и одной кварты, также хорошо видное на схеме, показывает деление октавы на квинту и кварту, а разница квинты и кварты дает целый тон 8:9 или отношение 9:8, особенно хорошо видное на первой схеме (с. 84). Как уже говорилось в №143 к XVIII,82, три основных музыкальных интервала, открытых Пифагором, строились на соотношении первых четырех чисел, образующих Тетрактиду: 2:1 (октава), 3:2 (квинта), 4:3 (кварта). Впоследствии Гиппас, ученик Пифагора, изготовил четыре медных диска таким образом, что диаметры их были равны, а толщина первого диска была на одну треть больше второго, в полтора раза больше третьего и в два раза больше четвертого (соотношение весов 12, 9, 8 и 6 в случае эксперимента Пифагора то же самое!), и когда по ним ударяли, получались те же самые типы созвучий, что и при опыте Пифагора. Продолжив опыты Пифагора, Гиппас открыл двойную октаву и ундециму, которые выражались теми же числами Тетрактиды.

216. *Хордотон* — струнодержатель.

217. Γνώμων — стрелка солнечных часов, указывающая время.

218. *Монохорд* — инструмент с одной струной для определения тона.

219. *Тригон* — инструмент треугольной формы, несколько похожий на нашу арфу.

220. *Гипата* — крайняя струна, дававшая самый низкий тон из-за слабого натяжения.

221. *Меса* — «средняя».

222. *Парамеса* — «ближайшая к средней».

223. *Нэта* — «низшая», последняя (по положению рук музыканта), а по высоте тона — самая высокая в противоположность гипате, называвшейся соответственно положению рук музыканта «высшей» (ὑπάτη), а по высоте звучания дававшей низший тон.

224. *Диатоническая последовательность* — простейшая последовательность тонов. Ямвлих подробно рассказывает о ней в следующем параграфе.

225. *Октахорд* — «восьмиструнник», система, образующаяся из слияния двух тетрахордов, так что верхний тон нижнего тетрахорда совпадает с нижним тоном верхнего тетрахорда.

226. Об этих наклонениях см. №104 (гл. XV).

227. *Гептахорд* — «семиструнник». Первоначально на кифаре было четыре струны (тетрахорд), затем это число увеличилось до семи (гептахорд), затем до восьми (октахорд) и наконец до девяти.

228. Вся эта глава (115–122) является буквальным повторением 6–7-й глав «Введения в гармонику» Никомаха из Герасы.

229. О том же самом пишет Порфирий: «Богам любезно то, что требует малых затрат, и божество больше обращает внимание на нрав жертвующих, а не на большое количество пожертвований» («О воздержании...» II,15).

230. Плутон получил имя от слова «богатый». Ср. в русском языке «богатый» от слова «бог», т. е. «награжденный богом».

231. Буквально: «в верхней части миропорядка» или «в верхнем мире».

232. Т. е. пифагореец временно удержал при себе два таланта из четырех, уплаченных первым лицом, а после того как второе лицо, получив два, уплатило согласно решению третейского судьи три, пифагореец вернул первому лицу три таланта с приложением одного, временно находившегося у него, судьи, а второму дал второй талант из двух, временно находившихся у него, судьи, и таким образом вернул этому второму лицу тот один талант, который принадлежал ему из тех трех, которые пифагореец, по видимости, отсудил в пользу первого лица. Вероятно, пифагореец создал видимость разрешения тяжбы для того, чтобы удовлетворить обе тяжущиеся стороны, которые никак не хотели мириться без решения судьи.

233. Приступая к рассказу об этом случае, Ямвлих выше сказал: «Θεμένων δὲ τινων ἐπὶ κακουργίᾳ πρὸς γύναιον τῶν ἀγοραίων ἱμάτιον», буквально: «Когда какие-то из злого умысла оставили у бабенки из рыночных плащ». Если понимать под этой γύναιον τῶν ἀγοραίων просто рыночную торговку, то непонятно, какой у нее был резон заключать с этими людьми такой странный договор, ведь согласно договору она даже не может продать плащ, который они оставили, видимо, в залог за неимением денег, необходимых, чтобы расплатиться с ней за покупку товара. Если же понимать под этой «бабенкой из рыночных» площадную девку, которую они хотели обмануть, не расплатившись, то непонятно, в чем цель этих людей и почему оговаривается именно это условие, что за плащом придут они оба, а не один. Ямвлих, однако, выразился так, что имеет место разночтение и можно перевести его слова и так: «когда какие-то *рыночные торговцы* оставили у бабенки» и т. д., но в этом случае опять же непонятны ни ее действия, ни действия этих двух людей.

234. Пояс у древних часто использовался вместо кошелька для хранения денег.

235. Этот рассказ имеет много общего со знаменитым рассказом о журавлях поэта Ивика, современника Пифагора, родившегося в Сицилии и жившего при дворе Поликрата, и, возможно, придуман по аналогии.

236. Пропуск в тексте. Дальше речь заходит о пифагорейской дружбе.

237. По сообщению лексикографа Суды, Архит спас Платона от казни тиранном Дионисием, а сам Платон в седьмом своем письме говорит, что Архит помог ему отплыть в Грецию, когда его грозились убить, но не Дионисий, а наемники. Рассказы о дружбе Финтия и Дамона см. ниже XXXIII,234—237, о дружбе Клиния и Прора там же, 239.

238. *Гимнасиарх* — наблюдатель за телесными упражнениями в гимнасии.

239. Глагол δύναμαι, который употребляет Ямвлих, обозначал в древнегреческой математике возведение числа в степень, преимущественно во вторую, реже — в третью.

240. Речь идет о знаменитом египетском треугольнике, или «треугольнике жизни», с основанием 4, катетом 3 и гипотенузой 5, тем более что Дойбнер, с издания которого выполнен перевод, сообщает, что в одном из кодексов против этого места помещено изображение этого треугольника, однако выражение идеи этого треугольника Ямвлихом нельзя считать удачным, так как отношение эпитрита уже содержит в себе указание на третью линию, о которой Ямвлих говорит, что она — посередине между первой и второй, и о первой линии следовало бы сказать, что она выражается числом 4, если имеется в виду египетский треугольник. В этой связи нам кажется, что уже древние не совсем хорошо понимали, что значит это знаменитое место из «Государства» Плато-

на, где говорится о геометрическом числе человеческого потомства или «круговорота человеческого» в отличие от круговорота божественного, т. е. космоса, о чем см. след. комментарий.

241. «Ведь есть круговорот божественного сотворенного [=космоса], обнимаемый совершенным числом; и есть круговорот человеческого, число которого есть первое, где увеличение основ корней степеней, охватив три промежутка и четыре предела уподобляющих, расподобляющих, растущих и исчезающих чисел, все являет пропорциональным и взаимосоизмеримым. Из них отношение 4:3 в качестве базы, сопряженное с пятеркой, дает две гармонии числовых формул после трех увеличений...» («Государство» 546 В—С в пер. А.Ф. Лосева). Удовлетворительного толкования этого места не существует, толкование же Лосева является, по существу, видоизменением толкования Адамса (см. А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. — М., 1969. — С. 319—324), однако хорошо тем, что приводимые Лосевым выкладки Адамса и его собственные заставляют окончательно усомниться в правильности отождествления платоновского эпитрита, взятого в качестве базы и дающего при сопряжении с пятеркой после трех увеличений две гармонии числовых формул, с пресловутым египетским треугольником, так как эти выкладки не совпадают с числовыми и геометрическими соотношениями, свойственными египетскому треугольнику. Начало такому неестественному толкованию этого места из «Государства» положил в древности, вероятно, Плутарх, который даже не понял, что у Платона в основании, или базе, лежит не линия, выражаемая числом 4, а отношение 4:3, т. е. уже дано отношение основания к катету (если имеется в виду египетский треугольник), и написал в своем трактате «Об Исиде и Осирисе», что Платон в этом месте «Государства» дал символическое обозначение брака через египетский треугольник, в котором

катет, выражаемый числом 3, можно считать мужским началом, основание, выражаемое числом 4, — женским началом, а гипотенузу, выражаемую числом 5, — «отпрыском обоих», как напыщенно он выразился (гл. 48). Это толкование Плутарха, кроме всего прочего, неверно еще и потому, что женское начало обозначалось у пифагорейцев числом 2, а не 4, а мужское — обычно 1, а в случае с «брачным числом», действительно, числом 3, но то, что площадь египетского треугольника равна 6, «брачному числу», не дает никаких оснований отождествлять отношение 4:3 с числом 3. К тому же толкование Плутарха отвлеченно-мистическое, а построение Платона — конкретно-математическое. Что касается Ямвлиха, он, вероятно, следовал ошибочному толкованию Плутарха.

242. Под πάθη, которое на русский язык переводят обычно «страсти», греки понимали нечто совсем иное, чем мы, и обозначали этим словом страдательные состояния души, и даже такие положительные проявления страстности, как радость, не должны были, по их представлениям, нарушать меру, середину. Ямвлих использует терминологию Аристотеля, который в «Этике Никомаха» подробно обосновал теорию добродетелей как неких середин (1106 А—1109 А) и где он, в частности, писал: «Избыток и недостаток присущи порочности, а обладание серединой — добродетели» (1106 В). Естественно, что в данном случае Ямвлих говорит об обладании серединой в положительных, а не в дурных страстях, которые Пифагору не были свойственны. Об этом соблюдении Пифагором середины в проявлениях эмоций пишет и Порфирий: «Лицо его являло всегда одно и то же расположение духа — от наслаждения оно не распускалось, от горя не стягивалось, не выказывало ни радости, ни тоски, и никто не видел его ни смеющимся, ни плачущим» («Жизнь Пифагора» 35).

243. В XXVIII–XXXIII шесть видов добродетелей пифагорейцев: благочестие (ὁσιότης), в основном самого Пифагора (134–156); мудрость (σοφία, 157–166); справедливость (δικαιοσύνη, 167–186); благоразумие (σωφροσύνη, 187–213); мужество (ἀνδρεία, 229–240); дружба (φιλία, 229–240). Четыре вида добродетелей (мудрость, справедливость, благоразумие, мужество) — традиционные.

244. Отсылка к XIV,63.

245. Сходные сообщения и рассказы см. у Порфирия (28 сл.).

246. Критскому чудотворцу Эпимениду, жившему задолго до Пифагора, приписывались такие сочинения, как «Теогония», «Происхождение куретов и корибантов», «О жертвоприношениях в критском государственном устройстве», «О Миносе и Радаманфе»; главные же произведения Эмпедокла — «О природе» и «Очищения» (поэмы), ему также приписывалось авторство некоторых трагедий.

247. Диоген Лаэртский рассказывает, что, когда однажды пассатные ветры дули так сильно, что портились плоды, Эмпедокл приказал содрать кожу с ослов и сделать меха, которые он затем расставил вокруг холмов и горных вершин, чтобы уловить ветер, за что и был прозван «Защитником от ветра» (VIII,60).

248. По сообщению Диогена Лаэртского, Эпименид совершил очищение Афин и остановил мор, за что, вероятно, и был прозван «Очистителем» (I,110).

249. Здесь Ямвлих дословно повторяет XVIII,87. В дальнейшем повторения следуют очень часто. Это объясняется тем, что начиная с главы XXVIII материал рубрицирован по отдельным добродетелям пифагорейцев и то, о чем уже говорилось, снова оказывается уместным.

250. *Аристей из Проконнеса*, род. ок. 550 г. до н.э., путешествовал по северному Причерноморью, автор поэмы «Об аримас-

пах», где изображались различные сказочные народы. Об Аристее см. Геродот, IV,13–15.

251. У древних греков было пять основных музыкальных ладов: дорийский, лидийский, фригийский, ионийский и миксолидийский.

252. *Лин* — у фиванцев почитался как певец, продолжатель Орфея и Гомера. Из искусного певца превратился в сознании греков в мудреца и учителя. В александрийское время под его именем ходило множество апокрифических сочинений.

253. О том же самом сообщает и Геродот (IV,36).

254. Ниже, в XXXI, рассказывается о том, как Миллий был казнен Дионисием за отказ открыть тайну одного из пифагорейских запретов.

255. Т. е. за то, что перевернул все вверх дном в доме Пифагора, а не за то, что умолчал о том, что там видел.

256. Золотые стихи пифагорейцев, 1–2.

257. Явное преувеличение. Три таланта равнялись 18 000 драхм, тогда как, например, во времена Платона дневной заработок ремесленника равнялся одной драхме.

258. Об осторожном обращении пифагорейцев с клятвой см. выше IX,47 и №79.

259. *Андрокид* – ближе неизвестен. О *Фимариде* см. выше 104 и №188, а также ниже, 239 и 267 (где о нем говорится, что он из Тарента).

260. Философия Пифагора имела множество параллелей с учением орфиков («круг необходимости» для души, стремление очиститься от скверны материальной жизни, запрет употреблять в пищу мясо животных и др.), и поэтому считалось, что Пифагор заимствовал из их учения многое, и даже свою философию числа.

261. Так называлась большая поэма Орфея, несколько фрагментов из которой сохранились. См.Orphicorum fragmenta, p.140–143.

262. *Либетра* — город в Македонской области Пиэрии у Олимпа, где, по сообщению Павсания, была могила Орфея («Описание Эллады» 9.30).

263. Это вступление в «Священное слово» написано на дорийском диалекте и, разумеется, подложное, как и само «Священное слово», так как Пифагор по самому характеру своего учения ничего писать не мог.

264. Некоторые методы гадания, основанные на числах и приписываемые Пифагору, сохранились в передаче эллинистических авторов. См.Thesleff, op. cit., p. 243–245.

265. Сообщение о том, что Пифагор разрешал приносить в жертву петуха, противоречит утверждению Пифагора в § 147, что петух — священная птица солнца (значит, его нельзя приносить в жертву даже для гадания).

266. *Силл* — вероятно, тот самый не названный по имени в § 144 пифагореец, который заплатил три таланта судьям, чтобы не клясться всуе.

267. У Ямвлиха θεία φιλοσοφία — «божественная философия» в значении «философия о божествах», а не в смысле обозначения хорошего качества философии или того, что она исходит от богов, и он почему-то не употребляет естественного в таких случаях θεολογία («богословие»).

268. *Халдеи* — в данном случае, как и упоминающиеся следом маги, — просто племя. Впрочем, жрецы этого племени считались родоначальниками астрологии, и поэтому во времена римской империи халдеями называли всех астрологов независимо от их национальной принадлежности.

269. *Мистерии в Элевсине* — мистерии Деметры и Персефоны. Имброс, Лемнос и Самофракия были известны в древности благодаря культу кабиров, богов финикийского происхождения, учителей тайного знания и вообще всех искусств. Они почитались и как низшие божества плодородия и покровители моряков.

270. *Единица и Двоица* (точнее, Двойственность) — по представлениям пифагорейцев, не столько числа, сколько две мировые породительные силы, одна из которых, Единица, — начало тождества вещей самим себе и их постоянства, а другая, Двоица (точнее, Двойственность), — источник и причина дифференциации и изменения вещей как в самих себе, так и по отношению друг к другу. Поэтому Троица является первым рожденным ими числом, а уже от Троицы начинается уходящий в бесконечность ряд чисел, символизирующий недостаток и ущерб двух основных породительных сил в этом ряду. Что касается объяснения того факта, что Аполлон прорицает с треножника, то стоик Корнут в своем трактате «О природе богов» пишет по этому поводу следующее: «Треножник дан ему ввиду совершенства числа три. Может он происходить и от трех кругов, один из которых он пересекаст в его годовом движении, а двух других держится солнце» (гл. 32), а в собрании «Ватиканских мифографов» (II,20) говорится, что Аполлон прорицает с треножника потому, что «он знает прошлое, различает настоящее и может видеть будущее», т. е. видит начало, середину и конец всего происходящего. Нас не должно смущать, что пифагорейцы и вслед за ними Ямвлих («О „Введении в арифметику Никомаха"» 13.1–14.3) трактовали Аполлона как монаду, а не триаду, потому что, по их представлениям, Аполлон — монада не в смысле первоединого, а в смысле формообразующего принципа (εἰδοποιός), придающего вещам цельность посредством соединения начала, середины и конца, прошлого, настоящего и будущего, т. е. именно *триадически*.

271. Шесть является произведением и одновременно суммой числового принципа или первоначала (Единица), первого четного (Двоица, точнее Двойственность) и первого нечетного, «рожденного» числа (Троица): 6=1×2×3 или же 1+2+3. Как уже

говорилось выше, Единица и Двоица являются породительными творческими силами, а Троица — первое из рожденных ими чисел, и поэтому Единица, Двоица и Троица исчерпывают всю числовую природу космоса (в пифагорейском смысле этого слова): Единица — начало неделимости и тождества вещей себе и другим, Двоица — начало делимости, изменения и инаковости вещей как в самих себе, так и по отношению к другим, Троица — начало бесконечного ряда рожденных Единицей и Двоицей и потому вторичных по отношению к Единице и Двоице чисел.

272. 6:1=2×3, 6:2=1×3, 6:3=1×2, т. е. при делении на любое из трех чисел, дающих в сумме 6, произведение двух оставшихся чисел равняется результату деления. Ср. 8:4≠1×3, а 4, 1 и 3 дают в сумме 8 или 8:2≠1×5, а 2, 1 и 5 дают в сумме 8. Плутарх в трактате «О возникновении души в „Тимее”», 1018с говорит, что «число 6 — совершенное, так как оно получается при любых комбинациях». Кроме вышеуказанных комбинаций, следует заметить, что при делении и вычитании у числа 6 получается тождество множителей и слагаемых, например, 6:2=1×3 и 6−2=1+3 (и то же при делении и вычитании из шести одного и трех, дающих вместе с 2 в сумме 6).

273. У Ямвлиха «окроплять золотом или морем», но, на наш взгляд, вряд ли Пифагор призывал при кровопролитии в храме растапливать золото и кропить им пол хотя бы из соображений экономии.

274. Ср. библейское представление о том, что вначале ничего не было и лишь «божий дух носился над водами» (стало быть, вода уже была?).

275. По пифагорейским представлениям, бессмертное божественное начало, каким является душа, при вхождении в тело в момент рождения человека оскверняется, и поэтому в храме, в месте, где обитает божество, рожать нельзя. Эта мысль свиде-

тельствует и о том, что пифагорейцы считали, что душа входит в человека лишь в момент его рождения, а не в момент зачатия или в период утробного развития. Представление о том, что человеческое тело само по себе — лишь мертвая масса, является общим для многих философских школ древности.

276. *Чтить кедром* — очевидно, кедровым маслом, которое предохраняло от гниения. Лавр — дерево, посвященное Аполлону, кипарис связан с культом умерших, и, кроме того, как сказано ниже (155), из него сделан скипетр Зевса. Дуб — священное дерево Зевса, мирт — Афродиты.

277. Т. е. с огнем.

278. Огонь, наиболее легкий из четырех элементов и всегда стремящийся вверх, к богам, считался главным признаком божественной природы.

279. Белый цвет — символ благой и божественной природы, из чисел ему соответствует Единица, начало всех вещей, которая является первой в ряду чисел, неделимой и простой, и потому пространственно положена как точка.

280. Т. е. посмертный суд должен рассудить, кто прав, а кто виноват, человеку же лучше претерпеть несправедливость, чем нанести ее (то же самое утверждает и Сократ в «Горгии»).

281. *Диоскуры* — Кастор и Полидевк (на небе — созвездие Близнецов). Полидевк был бессмертным сыном Зевса, а Кастор — его братом, рожденным от смертного. После гибели любимого брата Полидевк попросил отца, чтобы он сделал смертным и его. Зевс предложил ему выбор: либо одному быть в числе бессмертных на Олимпе, либо вместе с братом один день проводить на Олимпе, а другой — в Аиде, царстве смерти. Полидевк, чтобы не разлучаться с братом, выбрал последнее. Пифагореец Филолай эту идею братской связи, неразрывности и согласия в вещах изображал в виде верхнего (Полидевк, бессмертный) и

нижнего полукруга (Кастор, смертный); оба полукруга немыслимы друг без друга и образуют самую совершенную из плоских фигур — круг. Может быть, в рекомендации Пифагора воспевать перед принятием пищи Диоскуров содержится намек на *круговорот* вещества, которое после принятия пищи уходит в виде испражнений в землю, а затем после пребывания в земле поступает обратно как часть новой пищи, добытой из земли.

282. Περισσός — «высший, лучший», одновременно «нечетный» и «избыточный» (соответственно основному свойству мужской природы) — так пифагорейцы определяли Единицу, которая возглавляла правую колонку пар противоположностей (предел, нечет, одно, правое, мужское, прямое, свет, добро, квадрат).

283. Начало четного и символ распадающегося — Двоица, точнее Двойственность, неопределенность или условное числовое выражение материальной природы *как таковой*. См. левый столбец пифагорейских пар противоположностей, возглавляемый Двоицей (беспредельное, чет, многое, левое, женское, кривое, тьма, зло, разносторонний прямоугольник).

284. Т. е. на первом месте в философии Пифагора — теология (знание об умопостигаемом мире и богах), а затем следуют три традиционных раздела античной философии: физика (учение о природе, соединяющее естествознание и натурфилософию), этика и логика.

285. По количеству и с точки зрения их делимости до бесконечности.

286. *Аподиктическое искусство* — искусство убеждать посредством доказательств.

287. Фраза, ставшая поговоркой. Ее цитируют Платон («Законы» 573 Е—4А), Аристотель («Топика» 183 В 23). Последний в «Политике» говорит о том, к каким роковым последствиям может привести первоначальная ошибка в политике (1303 В 30).

Правда, в самом начале «Этики Никомаха» Аристотель утверждает, что начало даже *больше* половины всего (1098 В 8)· столь важную роль играло понятие начала у древних. Согласно же представлениям древних философов, после допущения первоначальной ошибки в философии невозможно построить никакой системы, кроме системы видимости.

288. Т. е. все служит материалом для числа, все ему соразмерно и им измеримо.

289. У Диогена Лаэртского это определение Пифагора подано так: «Дружба — равенство *ладов*» (VIII,33), т. е. душа друга как бы звучит в одном ладу с твоим ладом: это более точная цитата, соответствующая пифагорейскому представлению о музыкально-числовой основе человеческой души, усвоенному и Платоном. Кроме того, Пифагору же приписывается изречение: «Друг — второе „я"». т. е. «я» друга и твое «я» равны, кроме того, то же самое определение «дружба — равенство» можно толковать и так, что у друзей все поровну (ср. пифагорейское «у друзей все общее»).

290. Как сообщает Псевдо-Плутарх, «Пифагор первым назвал Вселенную „космосом" по порядку, который ей присущ» («Мнения философов» II,1,1). О значении и смысле понятия «космос» см. также Платон, «Горгий» 507 Е 6.

291. *Эсто́* — сущность.

292. О тетрактиде см. №143 к XVIII,82.

293. Выше, в XXVIII,150 Ямвлих привел эти стихи с некоторым изменением: вместо «изобретшим *для нас* тетрактиду» было «тетрактиду *мудрости нашей*».

294. Главным покровителем всех этих искусств был Аполлон, более всего почитаемый пифагорейцами, и нас не должно смущать, что покровителем врачебного искусства считался Асклепий, потому что Асклепий врачевал тела, а Аполлон — души (вследствие чего его и называли часто Пеаном, именем Асклепия).

14 1057

295. Платон различал пять родов врачевания: лекарственное, хирургическое, диагностическое, целебное и диетическое, касающееся образа жизни (Диоген Лаэртский, III,85). Из дальнейшего ясно, что пифагорейцы одобряли только этот последний и не одобряли лекарственный и особенно хирургический род.

296. *Эпидиктические речи* — торжественные, картинные.

297. *Парменид* — самостоятельный философ, однако он был учеником известного пифагорейца Аминия, но Ямвлих не упоминает Аминия не только при рассказе о пифагорейцах, но даже в каталоге прославившихся пифагорейцев в конце книги.

298. *Эпихарм* — комедиограф, жил в Сиракузах, время жизни 550—460 гг. до н.э. По сообщению Ямвлиха, разгласил тайны пифагорейского учения, сблизившись после своего приезда в Сиракузы с некоторыми пифагорейцами (XXXVI,266). Из-за обилия сентенций в его комедиях ему позднее стали приписывать авторство некоторых философских сочинений.

299. «Государство» 462. Однако более подробно свою теорию справедливости Платон излагает в 443 A—D, где он пишет, что справедливость проявляется в самом человеке тогда, когда каждая часть души (разумная, пылкая и вожделеющая) выполняет свою собственную задачу, не мешая другим двум частям выполнять свою. В соответствии с пифагорейским представлением о музыкально-числовой основе души он пишет о человеке, устанавливающем созвучие и дружественность частей души, которые являются главными признаками справедливости, следующее: «Он прилаживает друг к другу три начала своей души, совсем как три основных тона созвучия — высокий, низкий и средний, да и промежуточные тоны, если они там случатся; все это он связует вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности. Таков он и в своих действиях, касаются ли они приобретения имущества, ухода

за своим телом, государственных дел или частных соглашений» (пер. А.Н. Егунова).

300. У Ямвлиха в некотором роде каламбур: «ввел (εἰσῆγεν) справедливость, выведя (παραγομένην) ее».

301. Сомнительный факт, так как поэт Алкей родился примерно в 620 г. до н.э., а Пифагор, по мнению большинства исследователей, — между 580 и 568 гг. до н.э., а если следовать хронологии самого Ямвлиха, то еще позже.

302. Может быть, намек на то, что умение Пифагора управлять домохозяйством по заветам Деметры связано с его искусством вносить во все гармонию и согласие, полученным им непосредственно от Аполлона, предводителя Муз.

303. Вероятно, ошибка переписчика, так как выше, в XXVII,130, этот законодатель назван Тимаром.

304. Гераклит считал, что лучшие люди умирают в бою и молодыми, а те, которые поплоше, живут долго и умирают от старости или болезней. По его представлениям, человек чем дольше живет, тем больше портится и поэтому ему лучше заблаговременно повеситься, не дожидаясь, пока он испортится окончательно. Это представление Гераклита совпадает с утверждением другого пессимиста, поэта Феогнида, о том, что «Вовсе на свет не родиться — для смертного лучшая доля», которое заканчивается в общем-то той же самой рекомендацией, что и рекомендация Гераклита своим согражданам: «Если ж родился, спеши к вожделенным воротам Аида: сладко в могиле лежать, черной укрывшись землей». Представление о том, что молодыми умирают именно любимцы богов, было общеантичным.

305. Точнее, в XXIII,104, причем в этом месте Залмоксис лишь бегло упоминается Ямвлихом в числе прочих законодателей-пифагорейцев. О почитании Залмоксиса фракийцами довольно подробно говорит Геродот (IV,94–95).

306. Страсть мыслится опять-таки как страдательное состояние души, когда она порывается, влечется к чему-либо, и поэтому порывы и влечения объявляются видами страстей, т. е. страдательных состояний, в которые ввергается душа, когда лишается своего главного свойства — разумности.

307. Ср. «Золотые стихи пифагорейцев» 1—4:

Прежде всего бессмертных богов согласно закону
Чти и клятву блюди. Затем героев преславных
И преисподних божеств почитай, обряд исполняя.
Также родителей чти и тех, кто родством тебе близок.

(*пер. А.В. Лебедева*)

308. В республиканском Риме стремление к нововведениям рассматривалось как стремление к государственному перевороту и было уголовно наказуемым. Законодательство греков было в этом отношении более мягким.

309. Они не имеют этого права потому, что убийцы и мятежники, которыми были двое членов посольства, по греческим законам сами могли искать прибежища у алтарей и просить богов о помощи, если бы их привлекли к суду за убийство или за участие в мятеже. С другой стороны, они не имеют права возлагать дары на алтари, так как они — преступники.

310. Принимаем анонимную конъектуру, так как чтение по основному тексту (λόγον ἀποδιδόντι τῶν ἐπιτιμωμένων) дает смысл: «дававшему объяснения по поводу того, в чем их винит Пифагор», и становится непонятным, во-первых, почему посол, набросившись с бранью на Пифагора, вдруг начал давать ему отчет о совершенном им убийстве и, во-вторых, почему Пифагор, получив этот отчет от кротонского посла-убийцы, вдруг отказывается давать ему оракул: ведь Пифагор и так знал, что перед ним — убийца.

311. В XXVIII,155 *субстанция души* объявляется первичной среди подлинно сущего, но в данном случае Ямвлих выражается более точно, потому что душа в неоплатонизме мыслилась далеко не самым главным среди подлинно сущего, а вот первичность природы подлинно сущего по отношению к нашему иллюзорному и вторичному миру никем из неоплатоников не оспаривалась.

312. Речь идет о шаре с образующими его форму и поверхность бесконечными линиями, которые, однако, равно удалены от центра («имеют равные потенции»). Альбрехт усматривает здесь прямоугольный треугольник, а под δυνάμεως ἀποδείξεις видит соотношение квадратов сторон этого треугольника при бесчисленных сочетаниях несимметрично расположенных форм, однако несимметрично расположенные формы можно образовать в любой и при любой геометрической фигуре и непонятно, почему отдается предпочтение именно прямоугольному треугольнику. Только потому, что у него квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов? К тому же δύναμις в геометрии древних греков было не просто возведением в квадрат, но имело еще и философский смысл, и поэтому δυνάμεως ἀποδείξεις, на наш взгляд, следует толковать именно как *развертывание потенции* линий шара, исходящих из одной точки, которая у пифагорейцев была геометрическим выражением Единицы или монады, остающейся тождественной себе во всем неравном, несоразмерном и самом по себе беспредельном, выражающемся в бесконечных несимметричных по отношению друг к другу линиях шара и образуемых этими линиями фигурах, которые могут быть вписаны в шар.

313. Аристотель утверждает, что все эти различия лучше всех учитывает обладатель срединного душевного склада, о котором он в частности говорит: «Он будет по-разному общаться с людь-

ми высокопоставленными и обычными, с более и менее знакомыми, равным образом учитывая и другие различия, воздавая каждому, что подобает» («Никомахова этика» 1126 В 36, пер. Н.В. Брагинской).

314. Т. е. гнев, дерзость, угрозы, о которых говорилось в связи с рекомендацией, как не должен общаться младший со старшим.

315. Более подробно об этом пишет Аристотель: «Не просто определить, как, против кого, по какому поводу и какой срок следует испытывать гнев, а также до какого предела поступают правильно или погрешают... Действительно, иногда мы хвалим и признаем ровными тех, кому недостает гнева, а злобных признаем воистину мужами за способность начальствовать. Не просто поэтому определить в понятиях, насколько и как переходит грань тот, кто заслуживает осуждения, ибо судят об этом по обстоятельствам и руководствуясь чувством. Ясно по крайней мере то, что похвалы заслуживает срединный душевный склад, при котором мы испытываем гнев против того, против кого следует, по должному поводу, должным образом и так далее» (ук. соч., 1126 А 30).

316. Т. е. о власти, как это становится ясным из нижеследующего. «Начальство» и другие подобные ему слова в русском языке, как и в греческом, происходят от слова «начало».

317. Об ученичестве Пифагора у Ферекида Сиросского в юности упоминается в II,9 (и в №19 — о Ферекиде Сиросском).

318. Не совсем верно: Архит, один из самых известных пифагорейцев, был стратегом, т. е. полководцем.

319. Т. е. соблюдай меру.

320. Имеется в виду то ли «Протрептик, или Увещание к философии», где много пифагорейских символов, то ли специальное сочинение «О символах» (не сохранилось).

321. Тема данной главы — σωφροσύνη, одна из главных этических ценностей древних греков и римлян, которой в русском

языке приблизительно соответствуют понятия «благоразумие», «самообладание», «умеренность», «осторожность по отношению к наслаждениям», «подавление страстей». Римляне передавали это понятие словом temperantia, буквально: «умение смешивать все в надлежащей пропорции». Это умение предполагает наличие спокойного темперамента и душевной чистоты. Некоторые переводчики, например Шейнман-Топштейн в переводе ранних диалогов Платона, передают греческое σωφροσύνη понятием «рассудительность», что, разумеется, неверно, потому что рассудительность греки называли φρόνησις, а римляне — prudentia и понимали под ней умение все разложить по полочкам и осуществить dispositio rerum, тогда как σωφροσύνη — это нечто совсем другое.

322. Отсылка к VII,34.

323. См. XVI,68, а также ниже XXXII,225.

324. Эпаминонд, воспитанник пифагорейца Лисида, говорит по этому поводу в трактате Плутарха «О демоне Сократа», обращаясь с вопросом к гостю, следующее: «А упражнение в воздержанности не в том ли состоит, что вы, возбудив в себе волчий голод, долго любуетесь роскошно убранными столами и изысканными яствами, а затем предоставляете возможность воспользоваться этим пиршеством вашим рабам, а свои уже обузданные желания удовлетворяете обычной незатейливой едой?» (гл. 15, пер. Я. Боровского).

325. Т. е. к благоразумию.

326. *Неанф* (III в. до н.э.) — ритор и историк из Кизика, автор «Эллинских событий», «Истории Аттала» и других книг. Часто упоминается его сочинение «О знаменитых мужах», в котором, вероятно, был помещен и этот рассказ о Миллии и Тимихе, однако Диоген Лаэртский сообщает, что он писал и о пифагорейцах (VIII,72), но невозможно понять, было ли это специальное сочинение или оно являлось частью сочинения «О

знаменитых мужах», по крайней мере Ф. Лео (Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischer Form. — Lp2, 1901. — S. 112–117) ничего не говорит о том, что у Неанфа было сочинение, специально посвященное пифагорейцам, а Мюллер, первый издатель фрагментов греческих историков, предполагает, что фрагменты Неанфа о пифагорейцах относятся именно к сочинению «О знаменитых мужах». *Гиппобот* (III–II вв. до н.э.) — автор трудов по истории философии («О философских школах», «Перечень философов»), которого часто упоминает Диоген Лаэртский (I,19; II,88; I,42 и др.).

327. *Дион* — друг Платона и правитель Сиракуз, пытавшийся осуществить в Сиракузах платоновскую теорию идеального государства; убит в 345 г.

328. Отсылка к «Лахету» Платона (194 E 11 и 196 D 1).

329. *Герои* — в значении полубоги, высшие существа, а не в нашем смысле, хотя полубоги, разумеется, были не лишены храбрости. Таким образом, здесь говорится о том, что воины Евримена, пораженные поведением пифагорейцев, воздали им почести как высшим существам.

330. Ср. еще более жесткое требование Афинянина в «Законах» Платона: «Пусть гражданин не смеет касаться никого из благородных и свободнорожденных людей, кроме своей законной жены; пусть он не расточает своего семени в незаконных связях с наложницами, не освященных религией, а также в противоестественных и бесплодных связях с мужчинами» (841 D, пер. А.Н. Егунова).

331. Отсылка к XXV,112.

332. О чем-то подобном говорит и Афиней: «Клиний-пифагореец, выделявшийся образом жизни и нравами, всякий раз как случалось ему разгневаться, брал лиру и играл, а на вопрос, что это он, отвечал: „Усмиряюсь"». (XIV,624 A, пер. А. Лебедева).

Клиний образумил и Платона, который, «разгневанный тем, что́ написал в своих книгах Демокрит, собирался все их скупить и сжечь» (Диоген Лаэртский, IX,40).

333. Об общении Платона с Тимеем Локрийским и Архитом и о покупке записей Филолая, правда, не упоминая о посредничестве Диона, говорит Цицерон («О государстве» I,16). Диоген Лаэртский со ссылкой на александрийского биографа Сатира говорит о том, что Платон написал в Сицилию письмо Диону с просьбой купить три книги «Филолая». Впоследствии Тимон, философ-скептик, на досуге пописывавший язвительные стихотворения и упражнявшийся в злословии, прямо обвинял Платона в плагиате.

334. Катон в трактате Цицерона «О старости» приводит слова пифагорейца Архита, сказанные им в беседе с римлянином Гаем Понцием, на которой будто бы присутствовал и Платон, приезжавший в это время в Тарент: «По словам Архита, самый губительный бич, какой только природа могла дать людям, — плотское наслаждение; страсти, жаждущие этого наслаждения, безрассудно и неудержимо стремятся к удовлетворению — отсюда случаи измены отечеству, отсюда случаи ниспровержения государственного строя... словом, нет преступления, нет дурного деяния, на которые страстное желание плотского наслаждения не толкнуло бы человека» (гл. 33).

335. Пеан в данном случае мыслится отдельно как врачеватель богов и не отождествляется ни с Аполлоном, ни с Асклепием.

336. Под *учениками Асклепия* подразумеваются врачи.

337. О ригоризме пифагорейцев свидетельствует изречение уже не раз упоминавшегося Ямвлихом и нами Клиния, которое приводит Плутарх в «Застольных вопросах». Клиний, если верить Плутарху, на вопрос, какой самый подходящий момент для со-

15 1057

ития с женщиной, ответил: «Когда тебе особенно охота повредиться в уме» (III,6,3.654 B).

338. О преимуществе животных перед людьми в этом отношении говорит Порфирий: «Строитель, например, не смог бы заложить фундамент дома, если бы был нетрезвым, и кораблестроитель не вывел бы киль корабля без здравого рассуждения, и земледелец не посадил бы виноград, не приложив для этого ума, — зачинают же детей почти все в пьяном виде! Но не таковы животные: они зачинают потомство ради потомства...» и т. д. («О воздержании от животной пищи» III,10). В «Законах» же Платона Афинянин говорит: «Бракосочетание не должно совершаться, когда тело отяжелело от вина. Напротив, ребенок должен зародиться, как это и подобает, крепким, спокойным, в утробе он не должен блуждать. А пьяный человек и сам мечется во все стороны, и увлекает все за собой; он неистовствует и телом, и душой; стало быть, тот, кто пьян, не владеет собой и не годится для произведения потомства» (775 CD пер. А.Н. Егунова).

339. Этот отрывок об этике брачных отношений (209–213) заимствован Ямвлихом из Аристоксена, так как у Стобея имеется большая цитата аналогичного содержания со ссылкой на Аристоксена.

340. По представлению Ямвлиха, душа Пифагора послана на землю волей Аполлона, а сам он является в общем-то Аполлоном и потому соответственно своей светлой природе вносит гармонию и порядок в общественную жизнь полисов, объятых дионисической смутой. О законодательной, гармонизирующей деятельности учеников Пифагора см. выше VI,30.

341. *Фаларид* — тиранн Акраганта с 570 по 554 г. до н.э. Кроме жестокости прославился энергичной борьбой с финикийцами, к моменту приезда Пифагора в Италию не был тиранном по

крайней мере уже 25 лет, следовательно, весь рассказываемый ниже Ямвлихом эпизод — вымышленный.

342. Ямвлих употребляет терминологию стоиков, различавших внутреннее слово, или разум (λόγος ἐνδιάθετος), и внешнее слово, или разум, выражаемый речью (λόγος προφορικός). Первое слово (или разум), имманентное и глубинное, является правильным и безошибочным, второе же слово (или разум) может быть ошибочным.

343. *Эринии* — богини мщения (Аллекто́, Мегера и Тисифона).

344. Возвышение чувств пифагорейцы производили тогда, когда душа от уныния и подавленности сжималась и издавала низкие звуки, понижение же — тогда, когда она, наоборот, раздраженная и разгневанная, звучала слишком высоко. Эту же практику применял и оратор Гай Гракх, который, зная о своем вспыльчивом и гневном характере, во время своих выступлений перед народом ставил позади себя раба, дававшего низкий тон на инструменте, когда Гай слишком распалялся от гнева. Правда, пифагорейцы еще и заклинали душу магическими словами, а не только игрой. Возвышение чувств при унынии и подавленности души, производимое пифагорейцами, не следует путать с современными мажорными аккордами и бравурными мелодиями, используемыми для поднятия настроения.

345. С одной стороны, пифагорейцы принимали как должное все то, что не зависит от их воли и, таким образом, подчинялись року, с другой, они делали все то, что зависит от их воли, борясь со страстями, вызывающими то или иное действие рока, и, таким образом, боролись и с ним, насколько это было в их силах.

346. Афоризм сицилийского поэта Эпихарма, упоминавшегося в §166.

347. Здесь Ямвлих воспроизводит традиционную в неоплатонизме иерархию божественного мира ума, души и тела. Ум стремится освободить душу, прикованную страстями к телу, и вознести ее в божественный мир, но душа из-за своей страстной привязанности к телу пугается этого божественного мира и смущает также и сам ум, вынужденный возвращаться назад, в мир становления.

348. Совершенная мужественность мыслится как абсолютная свобода от страстей и вызываемых ими страдательных состояний, которые обусловлены наличием у души не только умной, монадической, мужской, но и диадической, женской части, которая отличается страстностью, чувственностью и рабской привязанностью ко всему телесному и материальному.

349. Дословное повторение XVI,69–70.

350. Дословное повторение XXII,101–102.

351. Т. е. открыто, без хитростей и козней, когда слова и дела расходятся.

352. *Аристоксен из Тарента* (354–300 гг. до н.э.) — философ, историк и музыкальный теоретик, ученик Аристотеля и пифагорейцев, автор 453 сочинений.

353. Намек на миф о жертвоприношении Ифигении Артемиде. Согласно одному из вариантов мифа, Артемида в последний момент спасла Ифигению и сделала ее жрицей в своем храме в Тавриде, а взамен ее на жертвеннике оказалась лань, которая и была принесена в жертву.

354. Ту же самую историю рассказывает Цицерон в своем трактате «О высшем благе и крайнем зле» II,79.

355. *Мессапы* — коренные жители Калабрии на юге Италии. *Лукания* — область между Апулией и Кампанией. *Певкетии* — греческие переселенцы из Эпира. *Певкетия* — часть Апулии на восточном побережье Италии от Бария до Брундизия.

356. *Эпихарм* — с Коса — по сообщению Диогена Лаэртского, слушатель Пифагора, автор «Записок», в которых он писал о природе и врачевании (VIII,78). О его сыне Метродоре, упоминаемом Ямвлихом, ничего не известно.

357. *Хроматизм* — окраска звука, придающая ему некоторую изнеженность.

358. По наиболее распространенной версии (Павсаний, Евстафий, Аполлодор), Эллин — сын Девкалиона, а не Дора, Дор же, согласно Аполлодору, — сын либо Эллина и Орсеиды, либо Аполлона и Фтии. — *Прим. ред.*

359. В сохранившихся текстах Гесиода этого утверждения нет.

360. *Кранай* — царь Афин в те времена, когда произошел потоп, от которого, согласно мифу, спаслись лишь Девкалион и Пирра, давшие начало новому роду людей.

361. Согласно мифу и одноименной трагедии Еврипида, Ион — сын Аполлона и Креусы.

362. Переводим по конъектуре.

363. *Орифия* — дочь Эрехтея (позднее идентифицирован с Эрихтонием), сына Земли, воспитанного Афиной и бывшего получеловеком-полузмеей. Эрехтей построил храм в честь Афины и был судьей в ее споре с Посейдоном за владычество над Аттикой. Орифия же была похищена северным ветром Бореем.

364. Дословное повторение XXIX,163.

365. Одиссея, 11.582–584.

366. *Герма* — изображение головы бога Гермеса, выполненное из дерева.

367. Т. е. получают даром то, что колесничникам и резчикам герм приходится искать и предварительно обрабатывать.

368. Порфирий, описывающий эту сцену более живо, пишет, что Килон, обладавший тяжелым нравом, а своими связями и богатствами пользовавшийся не для добрых дел, считая

себя достойным самого лучшего, явился к Пифагору, чтобы стать его другом. «Но Пифагор сразу прочитал весь нрав этого человека по лицу его и остальным телесным признакам, которые он примечал у каждого встречного, и, поняв, что это за человек, велел ему идти прочь и не в свои дела не мешаться» («Жизнь Пифагора» 54).

369. О сожжении домов, где собирались пифагорейцы, и о возникшей впоследствии смуте и гражданских распрях в Южной Италии сообщает и Полибий («Всеобщая история» II,39,1).

370. Разночтение: «при *некоторой* поддержке его», т. е. при возникновении в Фивах расположения к нему, вызвавшего переезд Лисида в этот город.

371. *Эпаминонд* — уже бегло упоминавшийся нами в №131 к XVII,75 знаменитый фиванский полководец и государственный деятель, основавший вместе с Пелопидом фиванское государство в 379 г. до н.э. и создавший войско по новому образцу. Положил конец гегемонии Спарты в битве при Левктрах (371 г. до н.э.). В 362 г. до н.э. разбил при Мантинее антифиванскую коалицию и погиб в этом сражении.

372. *Фантон*, *Эхекрат*, *Полимнаст* и *Диокл* — по сообщению Диогена Лаэртского, ученики и слушатели Филолая и Еврита Тарентских (VIII,46). Эхекрат, кроме того, — участник диалога «Федон»; по сообщению Цицерона («О высшем благе и крайнем зле» V,29,87), Платон ездил к нему, как и к Тимею, чтобы познакомиться с пифагорейской философией.

373. *Ксенофил из Халкиды Фракийской* — так же, как и предыдущие, слушатель Филолая и Еврита и, по сообщению Суды, учитель перипатетика Аристоксена в музыке; кроме того, Плиний Старший («Естественная история» VIII,168) приводит его как пример долгожителя, прожившего 105 лет и ни разу не болевшего.

374. *Никомах из Герасы* — неопифагореец (II в. н.э.), автор трудов по мистической арифметике и музыке. До нас дошли его «Гармоника» и «Введение в арифметику»; последнее сочинение комментировал Ямвлих.

375. Перипатетик Дикеарх, по словам Порфирия (ук. соч., 56), утверждает, что Ферекид Сиросский умер еще до отъезда Пифагора с Самоса, т. е. по хронологии Ямвлиха в 538 г. до н.э.

376. Об обычае пифагорейцев изгонять непригодных к учению см. выше XVII,74.

377. Ямвлих избрал не лучший способ выражения, так как «самих» можно отнести и к пифагорейцам, и к тем, которых пифагорейцы изгнали (италийцы же могли побить камнями и тех и других), потому что «они, их» (=пифагорейцы) и «сами, самих» (пифагорейцы или же отвергнутые ими?) у Ямвлиха обозначаются одним и тем же словом αὐτοί.

378. Аполлоний Тианский, неопифагореец I в. н.э., герой Флавия Филострата, считавший себя воплощением души Пифагора, правда, более склонный к чудотворству, чем к философии, в отличие от Пифагора.

379. Одиссея, 14.145–146.

380. В знак благодарности, а также потому, что оно символ наиболее почитаемого пифагорейцами бога — Аполлона.

381. Ср. акусму в XVIII,84: «На перстне в качестве печати изображения божества не носить, чтобы не осквернять его, так как это образ, который нужно хранить в жилище».

382. Намек на эпизод с Лисидом, рассказанный в XXX,185.

383. Для того чтобы узнать, счастливым ли будет плавание или нет.

384. Илиада, I,263.

385. Бобы использовались для жеребьевки.

386. Имеется в виду разгром кротонцами сибаритов, описанный у Диодора Сицилийского (X,23 и XII,9.5).

387. Т. е. вернулся из Сицилии в метрополию: Платеи находились в Беотии.

388. Ἀργύριον λαβοῦσι — вероятно, плату за арбитраж, а не взятку, так как в последнем случае вряд ли о ней было бы упомянуто в памятных записях кротонцев, особенно если эти памятные записи составляли те, кто ее дал.

389. Насмешка над утверждением Пифагора, что самым большим преступлением является отрывать детей от родителей (см. IX,49). Кротонцы, действительно, не отрывают детей от родителей, отправляя и тех и других в изгнание.

390. Возможный вариант перевода: «аннулировав [свои] долги».

391. *Фурии* — город в Лукании, основанный выходцами из Афин.

392. Т. е. ок. 520 г. до н.э. По утверждению Диогена Лаэртского, преемником Пифагора был его сын Телавг (VIII,43).

393. О каком именно разграблении Кротона идет речь, неясно. Разрушив еще при Пифагоре Сибарис, кротонцы впоследствии сами были побеждены локрийцами, после чего город потерял свое былое могущество. Дионисий, луканы, Агафокл — позднейшие противники и победители кротонцев.

394. Во время взятия Кротона неприятельским войском.

395. *Диодор Аспендский* (конец IV — начало III в. до н.э.) — судя по высказыванию о нем Диогена Лаэртского (VI,13), по образу жизни был скорее киником, чем пифагорейцем.

396. Упоминавшийся выше Ямвлихом Клиний (XXVII,127; XXXI,198; XXXIII,239) — уроженец Тарента, в каталоге же пифагорейцев уроженцев Гераклеи нет, следовательно, Клиний, как и Филолай, который тоже был уроженцем Тарента, переселились в Гераклею, может быть, вследствие очередных гонений

на пифагорейцев. О сочинениях Клиния ничего не известно, Филолай же, как уже говорилось выше (XXXI,199), был первым из пифагорейцев, обнародовавшим их идеи.

397. О *Феориде* ничего не известно, *Еврит*, упоминавшийся выше (XXIII,104, XXVIII,139), считался в древности автором трактата «О судьбе» (Стобей, «Эклоги» 1, 6, 19).

398. Архит был автором сочинений «О математических науках», «О музыке», «О флейтах», «Диатрибы», «Декада», вероятно, «О машинах» и «О земледелии».

399. Об *Эпихарме* см. выше XXIX,166 и XXXIV,241.

400. *Силл* — пифагореец, уплативший три таланта, лишь бы не клясться (XXVIII,150).

401. *Экфант* (конец V — первая половина IV в. до н.э.) — последователь Филолая, развивший идею о вращении Земли вокруг своей оси.

402. *Тимей* — не смешивать с Тимеем Локрийским, которого, кстати сказать, Ямвлих не упоминает даже в каталоге.

403. О *Миллии* см. XXVIII,143; XXXI,189 и 192.

404. *Алкмеон* — один из самых известных пифагорейцев, упоминавшийся Ямвлихом лишь однажды и бегло: XXIII,104.

405. *Милон* — пифагореец, в доме которого были сожжены ученики Пифагора (XXXV,249). Его отождествляют с пифагорейцем Милоном, который был победителем на Олимпийских играх в 540 г. до н.э. в беге среди юношей и которому, если следовать хронологии Ямвлиха, в момент сожжения было 100 лет, хотя, конечно, дом мог быть построен им, его же самого уже могло не быть в живых.

406. *Бронтин* — родственник Алкмеона. Бронтину приписывалось авторство некоторых орфических поэм. По сообщению одних источников, был женат на дочери Пифагора Феано, по сообщению других, Пифагор сам был женат на его дочери Феано.

407. *Пармиск* — пифагореец, о котором известно лишь то, что он спустился в пещеру Трофония и потерял смех (Афиней, XIV,614 A).

408. Не смешивать с Евритом из Тарента, учеником Филолая. О Еврите же из Метапонта Ямвлих упоминает лишь здесь, в каталоге.

409. *Феодор* — не смешивать с Феодором из Кирены, учителем Теэтета и другом Протагора, упоминаемым в каталоге ниже.

410. *Ликон* — врач, принадлежавший к кругу Архита и, если верить Диогену Лаэртскому (V,16), писавший против Аристотеля.

411. *Архипп* — пифагореец, спасшийся вместе с Лисидом (XXXV,249–250).

412. *Зопир* (IV в. до н.э.) — инженер-пифагореец, помогший Дионисию Старшему создать боевые машины для флота и армии, принадлежал к кругу Архита.

413. *Эхекрат* — ученик Филолая, рассматривал душу как музыкально-числовую гармонию.

414. *Иккос* (V в. до н.э.) — врач, занимался вопросами гимнастики и диэтики, по сообщению Стефана Византийского, в юности был победителем на Олимпийских играх в пятиборье (476 г. до н.э.).

415. *Гиппас* — в XVIII,81 Ямвлих говорит, что он был уроженец или Кротона или, по мнению других, Метапонта.

416. *Менестор* (V в. до н.э.) — по утверждению Фефраста, последователь Эмпедокла. Много занимался ботаникой, анатомией и физиологией (в современном смысле слова), считал влагу носителем жизни и тепла в растениях. Анализ его теории см. Л.Я. Жмудь, «Наука, философия, религия в раннем пифагореизме», СПб, 1994, с. 291–295.

417. О его великодушном поступке см. XXVII,128.

418. О нем см. XXIII,104; XXVIII,145; XXXIII,239.

419. *Ксенон* — вероятно, известный врач, о котором упоминает Диоген Лаэртский (VIII,165).

420. *Сим* — теоретик гармоники, по утверждению Порфирия, присвоивший сочинения «Канон» и «О гармонии» («Жизнь Пифагора» 3).

421. *Оккел* — автор трактата «О природе Вселенной», доказывавший ее неуничтожимость; как и Аристотель, признавал существование пятого элемента — эфира.

422. *Аристократ*, *Фитий* и *Геликаон* — законодатели, упоминавшиеся в XXVII,130 и в XXX,172.

423. *Опсим* — упоминается лишь однажды Афинагором, который приводит его странное определение бога как разности между самым большим числом и ближайшим к нему (см. «Фрагменты ранних греческих философов» с. 447).

424. *Дамон* — упоминается Ямвлихом как друг Финтия (XXXIII,234–236), однако известен и как теоретик музыки, изучавший воздействие музыки на родственную ей душу как средство этического воспитания и разработавший учение об этосе музыки.

425. *Мелисс* — по сообщению Диогена Лаэртского (IX,24), ученик Эмпедокла, главное сочинение «О природе, или О сущем», более подробно о нем см. «Фрагменты...» сс. 315–330.

426. *Гиппон* (начало V в. до н.э.) — занимался ботаникой, медициной, исследовал свойства мозга, описывал космогонию наподобие Гиппаса и Филолая, основой всего сущего считал воду.

427. О *Диокле*, *Эхекрате*, *Полимнасте* и *Фантоне* см. XXXV,251 и №37.

428. *Прор* — см. XXVII,127 и XXXIII,239.

429. *Феодор* (род. ок. 475, ум. ок. 400г. до н.э.) — математик, обучавший математике Платона, по утверждению Диогена Ла-

эртского (III,6), развил учение Гиппаса, первооткрывателя иррациональности, и доказал иррациональность величин между $\sqrt{3}$ и $\sqrt{17}$, преподавал квадривиум (музыку, астрономию, геометрию, арифметику).

430. О нем см. XXXV,251 и №373 к нему.

431. О его поступке см. XXVII,127.

432. В действительности шестнадцать.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Пифагорейцы и связанные с ними лица

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

16 1057

2. Исторические лица и мифологические персонажи

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Ямвлих

Я 55 Жизнь Пифагора / Изд. подгот. В.Б. Черниговский. — М.: Алетейа, Новый Акрополь, 1998. — 248 с.

ISBN 5-89321-023-9 («Алетейа»)

ISBN 5-85738-013-8 («Новый Акрополь»)

Книга знаменитого философа-неоплатоника Ямвлиха (ок. 242–306 гг.) посвящена жизни и учению Пифагора — одного из самых загадочных философов, мистиков и мудрецов Древней Греции. Ямвлих — автор трактата «О египетских мистериях», многих трудов, посвященных символике богов, и комментариев к работам Платона и Аристотеля.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)32